

КОНН
ИГГУЛЬДЕН

ВОСХИТИТЕЛЬНО-
УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
РОМАНЫ.
BOOKLIST

ПОЛЕ
МЕЧЕЙ
БОГИ
ВОИНЫ

The Big Book. Исторический роман

Конн Иггульден

Поле мечей. Боги войны

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Иггульден К.

Поле мечей. Боги войны / К. Иггульден — «Азбука-Аттикус»,
2005 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-22983-9

Восстание Спартака потерпело крах. Юлий Цезарь и Марк Брут возвращаются из римских колоний в Испании, чтобы бросить вызов могущественным сенаторам и стать консулами Рима. Но имперские воззрения Цезаря, безудержное стремление к лидерству и грандиозные амбиции неумолимо отдаляют его от друга. Перед ними – Рубикон, перейти который означает бросить вызов самому Риму. А еще им предстоит решить, пойдут ли они дальше вместе, или пришло время каждому выбрать собственный путь?.. 53 год до н. э. Одержав победу в Галлии, Юлий Цезарь ведет свои закаленные в боях легионы через реку Рубикон. Великий стратег Помпей застигнут врасплох и вынужден покинуть город. Армиям Рима предстоит столкнуться друг с другом в гражданской войне под предводительством двух величайших полководцев из всех, когда-либо ходивших по семи холмам. Жребий брошен, Цезарь неумолимо стремится к уготованной ему бессмертной славе, не ведая, что совсем скоро его будущее окажется в руках его друга Брута и египетской царицы Клеопатры – матери единственного сына Цезаря...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22983-9

© Иггульден К., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Поле мечей	7
Часть первая. Заговор	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	56
Глава 9	62
Глава 10	69
Глава 11	77
Глава 12	84
Глава 13	91
Глава 14	94
Глава 15	98
Глава 16	105
Глава 17	110
Глава 18	119
Глава 19	123
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Конн Иггульден
Поле мечей. Боги войны
Третий и четвертый
романы цикла «Император»

Conn Iggulden
The Field of Swords
The Gods of War

© А. С. Коноплев, перевод, 2006

© Е. А. Савосина, перевод, 2008

© С. В. Шикин, иллюстрация на обложке, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Поле мечей

Посвящаю книгу дочери Майе и жене Элле

Часть первая. Заговор

Глава 1

Юлий стоял у открытого окна и смотрел на холмы Испании. Заходящее солнце отсвечивало золотом на далекой гряде гор, которая, казалось, висит в воздухе, ни на что не опираясь. За спиной то усиливался, то стихал гул голосов, не мешавших мыслям Цезаря. В воздухе витал аромат жимолости; он щекотал ноздри, и Юлий чувствовал сладость во рту. Подул ветерок, и восхитительный запах исчез.

День получился длинным. Проведя по глазам ладонью, Цезарь почувствовал, как его накрывает волна усталости, похожая на плотную черную воду. Голоса в комнате перемешивались с поскрипыванием стульев и шелестом карт. Сколько сотен вечеров он провел с этими людьми в зале на верхнем этаже крепости? У них вошло в привычку собираться в конце каждого дня, и, даже если нечего было обсудить, они сходились вместе, чтобы выпить и поговорить. Так римляне старались не забыть о родине, хотя видели свои дома в последний раз более четырех лет назад.

Поначалу Юлий с головой ушел в проблемы легиона и вспоминал о Риме не чаще раза в месяц. Дни текли, он вставал и ложился с солнцем, а Десятый легион строил города среди диких пустошей. В Валенсии, на побережье, они с помощью извести, дерева и красок создали почти новый город вместо старого. Легионеры прокладывали дороги и строили мосты, позволяющие поселенцам обживать дикие холмы.

В эти первые годы Цезарь трудился самозабвенно, с неистощимой энергией, радуясь усталости, которая не давала разгуляться воспоминаниям. А потом он ложился спать и видел во сне Корнелию. В такие ночи Юлий вскакивал с мокрой от пота постели и ехал проверять посты, неожиданно появляясь перед часовыми из темноты. Однако добился он только того, что солдаты стали такими же нервными и усталыми, как и он сам.

Словно для того, чтобы развеять его равнодушие, римские изыскатели нашли в двух новых шурфах золото – богатейшее месторождение, равного которому еще не встречали. Желтый металл имел свою притягательность; однако, когда на стол Юлия высыпали первый улов, он посмотрел на него, ощутив ненависть ко всему, что олицетворяет собой золото. Он пришел в Испанию с пустыми руками, но страна понемногу раскрывала свои секреты, и сокровища вызвали из памяти воспоминания о Риме и жизни, которая почти забылась.

Цезарь вздохнул. Испания оказалась настоящей кладовой несметных богатств, которую не хотелось покидать, но какая-то его часть понимала, что он больше не должен терять здесь время. Жизнь слишком ценна и коротка, чтобы бездарно ее тратить.

В комнате было тепло от жара тел собравшихся людей. На невысоких столах разложили карты новых рудников. Юлий слышал спор Рения и Брута, гулкое похихатывание Домиция. Молчал только великан Цирон. Все просто коротали время, ожидая, когда к ним присоединится Цезарь. Хорошие люди... Каждый сражался с ним против врагов, был рядом в печали, и временами Юлий думал о том, что с ними можно пройти весь мир. Они заслуживали лучшей доли, чем ссылка в Испанию, и Цезарь с болью видел, с каким искренним сочувствием они

смотрят ему в глаза. Он считал, что сам достоин только презрения за то, что привел их сюда и загрузил черной работой.

Будь жива Корнелия, он взял бы ее с собой в Испанию. Можно было начать все заново, вдали от интриг Рима...

Юлий повесил голову; его лица коснулся вечерний ветерок. Бывали дни, когда он вообще не вспоминал о старой боли. Потом чувство вины всплывало, и сны становились кошмарными, словно в наказание за допущенную ошибку.

– Цезарь! У дверей стоит стражник, он спрашивает тебя, – произнес Брут, коснувшись его плеча.

Юлий кивнул и повернулся к людям, собравшимся у столов, отыскивая глазами стражника.

Легионер нервничал, поглядывая на присутствующих. Очевидно, он их побаивался.

– Что случилось? – спросил Юлий.

Встретив взгляд командира, солдат сглотнул. Холодные глаза на жестком худом лице Цезаря смотрели недобро, и легионер заговорил, слегка заикаясь:

– У ворот молодой испанец, легат. Говорит, что вы его ищете.

Разговоры в комнате стихли, и стражник почувствовал, что ему хочется оказаться подальше от этих пристальных взглядов.

– Ты проверил, при нем нет оружия? – спросил Юлий.

– Проверил, легат.

– Тогда пропусти его ко мне. Я хочу поговорить с человеком, который причинил нам столько неприятностей.

Стоя у дверей, Юлий ждал, пока не появился испанец. Одежда была явно мала для его угловатого костлявого тела, а по лицу Цезарь видел, что молодой человек только переступает черту, отделяющую юношу от мужчины. Вместе с тем он отметил волевой подбородок и открытый взгляд.

Их глаза встретились.

– Как твое имя, парень? – спросил Юлий.

– Адан, – произнес испанец.

– Это ты убил моего офицера? – недоверчиво спросил Цезарь.

Юноша замер, потом кивнул. На его лице отразилась борьба страха с решимостью. Он чувствовал, что на него устремлены взоры всех присутствующих, и решимость дрогнула. Испанец еще мог выйти из комнаты, но тут стражник подтолкнул его через порог.

– Подожди внизу, – велел Юлий легионеру, внезапно раздражаясь.

Адан не захотел опустить головы под враждебными взорами римлян, хотя никогда в жизни не боялся так, как сейчас. Пока Цезарь закрывал дверь за его спиной, испанец молча ругал себя за малодушие. Он смотрел, как военачальник усаживается перед ним, и чувствовал растущий ужас. Как стоять? Опустив руки по швам?.. Неожиданно они стали неловкими, мешали ему, и он сцепил пальцы за спиной.

Тишина стала невыносимой. Адан с трудом сглотнул. Он очень не хотел показать, что боится.

– Ты правильно сделал, что назвал свое имя. Ты меня понимаешь? – задал вопрос Юлий. Адан провел шершавым языком по пересохшим губам.

– Понимаю, – ответил он.

По крайней мере голос не дрожит, как у мальчишки.

Испанец слегка расправил плечи и взглянул на остальных римлян, едва не вздрогнув от их откровенно враждебных взглядов. Особенно зло смотрел однорукий здоровяк, больше похожий на медведя. Он только что не рычал от ярости.

– Ты сказал страже, что мы тебя ищем, что именно ты убил легионера, – произнес Цезарь.

Адан перевел взгляд на него.

– Да, я сказал. Я его убил, – отрывисто ответил испанец.

– Ты его мучил, – добавил Юлий.

Адан снова сглотнул. Когда он шел по полям к крепости, то представлял себе эту сцену, но сейчас не мог вести себя с гордой непокорностью, как намеревался. Ему казалось, что он исповедуется отцу, и изо всех сил старался не выдать стыда.

– Негодяй пытался изнасиловать мою мать. Я увел его в лес. Она хотела остановить меня, но я не послушал, – деревянным голосом произнес испанец, стараясь вспомнить заготовленные слова.

Кто-то из римлян выругался. Адан не мог оторвать глаз от военачальника. Он почувствовал смутное облегчение оттого, что все рассказал ему. Теперь его убьют, а родителей освободят.

Не надо было думать о матери... На глазах закипели слезы, Адан сердито сморгнул их. Она не одобрила бы слабости, проявленной перед чужаками.

Юлий наблюдал за юношей. Молодой испанец заметно напуган, и не без основания. Стоит только приказать, и Адана выволокут во двор и казнят перед строем солдат. На том все и закончится.

Цезарь уже собирался поднять руку, однако что-то помешало ему.

– Почему ты сдался, Адан?

– Мою семью забрали для допроса. Они ни в чем не виноваты. Вам нужен только я.

– Думаешь, твоя смерть их спасет?

– Они не сделали ничего дурного.

Юлий поднес ладонь к лицу, потер бровь и, задумавшись, опустил руку на подлокотник.

– Когда я был еще моложе тебя, Адан, меня поставили перед римлянином, которого звали Корнелий Сулла. Он убил моего дядю и разрушил все, что я любил в этом мире. Он сказал, что отпустит меня, если я откажусь от жены и опозорю ее с отцом. Он обожал такие мерзкие делишки.

Какое-то время Цезарь всматривался в невообразимо далекое прошлое, и Адан почувствовал, как на лбу выступил пот. Почему ему говорят об этом? Он уже сознался, чего от него хотят? Несмотря на страх, в Адане шевельнулся интерес. Оказывается, не все римляне на одно лицо. Для него стало откровением известие, что среди них существует соперничество и вражда.

– Я возненавидел того человека, Адан, – продолжал Юлий. – Будь у меня оружие, я не задумываясь пустил бы его в ход, хотя речь шла о моей жизни. Полагаю, тебе знакомо чувство подобной ненависти.

– Ты не отказался от своей жены? – спросил испанец.

Услышав неожиданный вопрос, Юлий заморгал, потом горько улыбнулся:

– Нет, не отказался, и он позволил мне жить. Пол у ног диктатора был залит кровью людей, которых убивали и мучили по его приказу, и все же он сохранил мне жизнь. Я часто задавал себе вопрос – почему?

– Он решил, что ты не опасен, – произнес Адан, удивляясь собственной смелости в разговоре с римским военачальником.

Юлий задумчиво покачал головой:

– Сомневаюсь. Я предупредил его, что посвящу свою жизнь борьбе с ним, если меня отпустят.

Он чуть не начал рассказывать, как его друг отравил диктатора, но об этом не следовало знать никому, даже собравшимся в комнате.

Цезарь пожал плечами:

– В конце концов он умер от чьей-то руки. Жаль, что это сделал не я. И жаль, что не увидел, как свет жизни померк в его глазах.

Адан заметил, как во взоре римлянина сверкнул огонь, и отвел взгляд в сторону. Он поверил, и мысль о том, что этот человек сейчас пошлет его на смерть, заставила юношу содрогнуться.

Юлий надолго замолк, и Адан почувствовал слабость от напряжения.

Когда римлянин заговорил снова, голова испанца дернулась.

– В здешней тюрьме и в Валенсии содержатся убийцы. Одного из них повесят и за его преступление, и за твое. А тебя я прощаю. Я поставлю свою подпись под помилованием, и ты вернешься домой вместе с семьей, но больше не привлекай моего внимания.

Рений недоуменно фыркнул.

– Я хотел бы сказать тебе пару слов с глазу на глаз, легат, – прорычал он, злобно взглянув на Адана.

Молодой испанец стоял, открыв рот от изумления.

– Не надо, Рений. Я принял решение и не изменю его, – ответил Цезарь, не глядя на старого воина.

Он перевел взгляд на юношу, чувствуя, что с души свалился камень. Юлий был уверен, что поступает правильно. Он увидел свое отражение в глазах испанца, и снова нахлынули воспоминания.

Как пугающе выглядел тогда Сулла... Адану суровый римлянин в металле доспехов должен показаться таким же безжалостным. Он чуть не послал молодого испанца на смерть, и того зарезали бы, или сожгли, или приколотили гвоздями к воротам, как поступал со своими врагами Сулла. По иронии судьбы давний каприз диктатора спас Адану жизнь: Юлий вовремя спохватился, не огласил смертный приговор и задумался над тем, что происходит. Он не хочет, чтобы люди, живущие в этой стране, ненавидели его. Если использовать только силу, не хватит столетий, чтобы завоевать их доверие.

– Надеюсь, ты не упустишь своего шанса, Адан. Второго я тебе не предоставлю.

Испанец едва не разрыдался. Он приготовился к смерти, а получил сразу и жизнь, и свободу – это было слишком.

Адан бессознательно шагнул к Юлию и опустился на одно колено так быстро, что никто не успел помешать ему.

Цезарь наклонил голову, пристально вглядываясь в лицо молодого испанца.

– Мы не враги, Адан. Запомни это. Я должен подготовить документ о помиловании. Подожди меня внизу, – сказал он.

Юноша встал, в последний раз посмотрел в холодные глаза римлянина и вышел из комнаты.

Закрыв дверь, он привалился к стене и вытер пот с лица. Адан был ошеломлен, но чувствовал огромное облегчение и с жадностью вдыхал холодный чистый воздух. И все-таки не мог понять, почему его пощадили.

Стражник у подножия лестницы поднял голову и всмотрелся в неподвижную фигурку, прилипшую к темной стене.

– Ну что, пришел точить ножи, парень? – бросил он испанцу.

– Не сегодня, – ответил Адан и с удовольствием увидел недоумение в лице солдата.

Аккуратно наполнив чашу из амфоры, Брут вложил ее в руку Юлия.

– Ты объяснишь нам, почему отпустил его? – спросил он.

Залпом выпив вино, Цезарь вернул чашу Бруту.

– Потому что юноша вел себя мужественно, – произнес он просто.

Рений поскреб щетину на подбородке.

– Ты понимаешь, что теперь он прославится по всей округе? Парень превратится в героя, который стоял перед нами и выжил. Возможно, его сделают мэром, когда умрет старый Дель Субио. Вокруг него сплотится молодежь, и однажды...

– Хватит, – оборвал Цезарь. От хмельного напитка у него разгорелось лицо. – Как бы ты ни хотел, меч не может ответить на все вопросы. Мы должны жить с ними, не посылая наших людей парами, не ожидая удара из-за угла или засады в темном переулке. – Подыскивая нужные слова, Юлий жестикулировал, стараясь точнее выразить мысль. – Они должны стать такими же римлянами, как и мы, готовыми умереть за наши цели в борьбе против наших врагов. Помпей указал нам путь, когда набрал здесь легионы. Я говорил искренне: мы не враги. Можете вы это понять?

– Я понимаю, – неожиданно густым басом произнес Цирон, опередив ответ Рения.

Лицо Юлия засветилось от вдохновения.

– Вот оно! Цирон не был рожден в Риме, но добровольно присоединился к нам и стал римлянином. – Он лихорадочно искал слова: мозг работал быстрее, чем язык. – Рим... это скорее идея, чем кровь. Мы должны сделать так, чтобы для Адана разрыв с нами стал подобен утрате сердца. Весь вечер он будет думать, почему его не убили. Испанец считал, что после убийства римского солдата не может быть и речи о правосудии. Он расскажет о том, что произошло, и те, кто колеблется, задумаются. Вполне достаточная причина для пощады.

– Если только он не убил ради развлечения, – заметил Рений, – и не станет говорить приятелям, что мы слабы и недалеки умом.

Воин шагнул к Бруту, взял у него амфору и наполнил свой кубок, зажав тот в локте культи. От раздражения рука дрогнула, вино пролилось на пол.

Юлий посмотрел на него, сузив глаза. Потом глубоко вздохнул, стараясь подавить закипавший гнев:

– Я не стану Суллой или Катонем. По крайней мере это ты можешь понять, Рений? Я не хочу править с помощью страха и ненависти и проверять каждое блюдо на наличие яда. Это ты понимаешь?

Голос Цезаря звучал все громче, и старый воин повернул к нему лицо, начиная сознавать, что зашел слишком далеко.

Юлий, излучая волны гнева, поднял сжатый кулак:

– Если прикажу, Цирон вырежет для меня твое сердце, Рений. Он был рожден на берегах другой страны, но он римлянин. Он солдат Десятого. И мой солдат. Я управляю им не страхом, а любовью. Ты это понимаешь?..

Рений остолбенел:

– Я знаю, конечно, ты...

Юлий остановил его движением руки, почувствовав укол боли в переносице. Гнев моментально исчез, уступив место страху перед припадком, который может произойти у всех на глазах, и он ощутил себя усталым и опустошенным.

– Оставьте меня все. Пусть придет Кабера. Прости мой гнев, Рений. Мне нужно было поспорить с тобой, чтобы разобраться в собственных мыслях...

Рений кивнул, принимая извинение, и вышел вместе с остальными, оставив Цезаря в одиночестве.

Вечерние сумерки сгущались в ночную тьму, и Юлий зажег светильники. Потом встал у открытого окна, прижавшись лицом к холодному камню стены. В голове пульсировала боль, и он негромко застонал, растирая виски круговыми движениями, как учил его Кабера.

Как много надо сделать, и все время где-то внутри звучит насмешливый голос. Неужели он прячется в этих холмах? Когда-то он мечтал стоять в здании сената, но сейчас ему туда не хочется. Корнелия умерла, Тубрук тоже. Дочь растет чужой, живет в доме, в котором за шесть лет он провел одну ночь. Были времена, когда он мечтал стать сильным и мудрым, чтобы

бороться с такими, как Сулла и Помпей, а теперь его тошнит от одной мысли о возвращении к играм, связанным с властью. Нет, наверняка лучше построить дом в Испании, найти здесь женщину и никогда больше не видеть своего поместья.

– Я не могу вернуться, – произнес Цезарь вслух надтреснутым голосом.

Рений нашел Каберу в конюшне. Лекарь вскрывал опухоль, которую обнаружил возле копыта боевого коня. Казалось, лошади понимали, что он старается помочь им, и даже самые своенравные животные вели себя спокойно, стоило Кабере пробормотать несколько ласковых слов и похлопать их по шее.

Они были одни, и Рений ждал, пока Кабера иглой вскроет опухоль и выдавит гной, пальцами массируя ткани у копыта животного. Лошадь вздрагивала, словно ей докучали мухи, но кони никогда не лягали Каберу, и нога животного в руках лекаря оставалась расслабленной.

– Он зовет тебя, – сообщил Рений.

Кабера посмотрел на однорукого:

– Пожалуйста, передай мне вон тот горшочек.

Рений передал ему горшок с густым дегтем, чтобы лекарь мог запечатать рану, и молча наблюдал, как тот работает.

Замазав копыто, Кабера повернулся к гладиатору и серьезно посмотрел на него:

– Ты беспокоишься о Юлии...

Рений пожал плечами:

– Здесь он себя убивает. Конечно, я переживаю. Цезарь совсем не спит, работает над своими картами. Я... кажется, я уже не могу поговорить с ним, чтобы разговор не вылился в спор.

Протянув руку, Кабера сжал железный бицепс Рения.

– Он знает, что ты будешь рядом, когда потребуешься, – сказал старик. – Сегодня я дам ему снотворное. Возможно, и тебе оно не помешает. Ты выглядишь усталым.

Рений покачал головой:

– Просто сделай для него что можешь. Он заслуживает лучшей доли, чем эта.

Кабера посмотрел в спину однорукому воину, который уходил во тьму.

– Хороший ты человек, Рений, – произнес он тихо, чтобы друг не услышал.

Глава 2

Сервилия стояла у поручней небольшого торгового корабля и смотрела, как постепенно увеличиваются крошечные фигурки суетящихся в доках людей. Порт Валенсии был переполнен лодками, и капитану пришлось несколько раз отгонять от судна рыбацкие барки, так и норовившие подойти вплотную. Однако это не помогало, и Сервилия лишь улыбнулась, наблюдая, как еще один молодой испанец протягивает только что пойманную большую рыбу и выкрикивает цену. От ее глаз не ускользнуло, как ловко юноша балансирует, удерживая равновесие на волнах; вся его одежда состояла из обвязанного вокруг пояса куска ткани да прикрепленного к ремню кинжала. Что и говорить, рыбак был необычайно хорош собой.

Капитан снова сердито замахал руками, однако тщетно, так как юноша протягивал добычу мило улыбавшейся ему женщине.

– Я куплю у него рыбу, капитан, – коротко заметила Сервилия.

Римский купец насупился, сердито сдвинув густые брови.

– Деньги, конечно, ваши, но в порту будет куда дешевле, – возразил он.

Красавица похлопала хозяина по плечу, и недовольство его тут же растворилось в смущении.

– Как бы то ни было, сейчас очень жарко, и после стольких дней на борту я предпочла бы что-нибудь свежее.

Капитан сдался и сбросил рыбаку канат. Тот крепко привязал его к сети и ловко вскарабкался на палубу, с легкостью переметнувшись через перила. Молодой испанец казался почти черным от загара и закаленным постоянными трудами. На смуглой коже искрами блестела морская соль. Низко поклонившись в знак благодарности за внимание, он начал втягивать на борт свою сеть. Сервилия внимательно, со знанием дела наблюдала, как играют на плечах и спине крепкие мускулы.

– А лодочка твоя не уплывет? – поинтересовалась она.

Испанец открыл было рот, чтобы что-то ответить, но в этот момент капитан презрительно фыркнул:

– Боюсь, вам не удастся побеседовать. Он наверняка понимает только по-своему. У них здесь и школ-то толком нет, придется нам строить.

От глаз Сервилии не ускользнул гневный взгляд юноши, внимательно слушавшего все, что говорит капитан. От сети к лодке тянулась тонкая веревка, и одним ловким движением рыбак закрепил ее на поручне, а потом, словно отвечая на вопрос Сервилии, постучал по узлу пальцем.

В сети извивалась и кишела плотная масса какой-то темно-синей рыбы, и Сервилия невольно вздрогнула и отступила на несколько шагов назад, будто стремясь отойти как можно дальше от неприятного зрелища. Рыбак улыбнулся такой брезгливости и вытащил за хвост крупную рыбину. Она оказалась длиной почти с его руку и еще живой – отчаянно дергаясь, отвратительное создание к тому же бешено вращало глазами. Синяя чешуя была блестящей и безупречно гладкой, а вдоль спины, от хвоста к голове, тянулась еще более темная полоса. Сервилия кивнула и подняла руку, показывая пять пальцев.

– Капитан, пять штук вашей команде хватит? – уточнила она.

Римлянин проворчал что-то одобрительное и свистом позвал двух подчиненных, чтобы те забрали покупку.

– Несколько медных монеток вполне достаточно, госпожа, – посоветовал он.

Сервилия расстегнула стягивающий талию широкий пояс и достала деньги. Выбрала серебряный динарий и протянула его рыбаку. Тот поднял брови и достал из сети еще одну, самую большую рыбу, а потом затянул веревку. С выражением триумфатора взглянул на капитана и развязал узел на поручне, а потом перелез через него и нырнул в прозрачную голубую воду бухты. Сервилия, наклонившись, ждала, пока юноша покажется на поверхности. Вот наконец она его увидела и радостно рассмеялась, наблюдая, как ловко, сверкая на солнце, почти как рыба, красавец снова залез в свою лодчонку. Он втянул сеть на борт и помахал рукой.

– Какое прекрасное начало, – негромко произнесла Сервилия.

Капитан в ответ пробормотал что-то невнятное.

Державшие рыбу моряки достали из стоявшего на палубе сундука тяжелые деревянные дубинки и, прежде чем Сервилия поняла, что они делают, начали с силой бить по блестящим рыбьим головам. От этих ударов вращающиеся глаза моментально исчезли, вся палуба оказалась забрызгана кровью. Одна капля даже попала на руку госпоже, и красавица поморщилась. Зато моряки явно наслаждались процедурой: так оживленно они не вели себя за все время плавания из Остии в Валенсию. Убийство будто вселяло в них жизненные силы – занимаясь своим грязным делом, они смеялись и шутили.

Наконец избиение закончилось. Вся палуба была покрыта кровью и серебряной рыбьей чешуей. Матросы спустили за борт полотняное ведро и старательно вымыли деревянный настил.

– В порту очень много кораблей, госпожа, – произнес капитан, шурясь от солнца. – Я, конечно, постараюсь встать на якорь как можно ближе, однако все равно придется ждать несколько часов, пока в доках освободится место.

Сервилия с тоской взглянула на Валенсию – неожиданно отчаянно захотелось ощутить под ногами землю.

– Вам виднее, капитан, – промолвила она в ответ.

Нависающие над портом горы заполнили горизонт; на фоне темно-синего неба они переливались всеми цветами радуги, от зеленого до красного. Где-то там, за горами, ее сын Брут. Как приятно будет наконец-то встретиться с ним!.. Стоило Сервилии подумать о молодом человеке, его друге, как сердце сжалось почти до боли. Интересно, каким он стал? Как изменили его годы? Римлянка бессознательно провела рукой по волосам, приглаживая выбившиеся от влажного морского ветра непослушные локоны.

К тому времени как римскому торговому судну удалось пробиться сквозь плотные ряды стоящих на якоре кораблей и войти в доки, вечер уже приглушил жаркое дневное солнце, окутав все вокруг серой дымкой. Сервилия взяла с собой в путешествие трех самых красивых из своих девушек, и сейчас они стояли на палубе рядом с госпожой и смотрели, как матросы кидают канаты портовым рабочим, а потом осторожно на веслах подходят к массивным деревянным бимсам. Дело казалось сложным, но капитан проявил недюжинный опыт и сноровку, отдавая короткие, четкие приказы и дублируя их красноречивыми жестами.

В воздухе витало радостное нетерпение; девушки весело смеялись и шутили. Сервилия не мешала молодежи развлекаться. Всех трех девушек работа еще не лишила веры в любовь. Больше того, самая молодая из них – Ангелина – постоянно влюблялась в клиентов, и почти каждый месяц кто-нибудь предлагал выкупить ее, намереваясь жениться. Но названная цена почему-то всегда поражала, и Ангелина несколько дней дулась – до тех пор, пока кто-нибудь еще не завоевывал ее сердце.

Девушки были одеты скромно, словно дочери состоятельного, благовоспитанного семейства. Сервилия чрезвычайно пеклась об их безопасности, прекрасно понимая, что даже короткое морское путешествие вселяет в мужчин чувство свободы на грани безответственности, а это может привести к неприятностям. Платья были сшиты так, чтобы скрыть соблазнительные линии юных тел, однако в сундуках хранились и более откровенные наряды. Если все, о чем писал Брут, окажется правдой, то работы здесь будет хоть отбавляй, и три красавицы окажутся первыми в том доме, который она, Сервилия, собирается купить. Те моряки, которые сейчас ворчат, перетаскивая из трюмов на палубу тяжелый багаж, и представить себе не могут, сколько золота ожидает его хозяек.

От приятных мыслей Сервилию отвлек внезапный вскрик Ангелины. Хозяйка успела заметить поспешно удаляющегося матроса и довольное выражение на лице проказницы – да, хорошо, что плавание уже позади.

Капитан крикнул докерам, чтобы те закрепили канаты, и матросы радостно оживились, предвкушая удовольствия, которые сулил берег. Сервилия встретила взглядом с капитаном. Тот шел к ней, и выражение его лица было куда более любезным, чем обычно.

– Разгрузиться мы сможем только утром, – произнес капитан. – Если хотите сойти на берег и ночевать там, могу порекомендовать несколько подходящих мест. А насчет багажа – у меня здесь живет родственник, по сходной цене он даст столько повозок, сколько нужно.

– Спасибо, капитан. Плавание прошло просто прекрасно.

Сервилия улыбнулась и с удовольствием отметила, как покраснел собеседник. Приятно, что не только у Ангелины на корабле появились поклонники, подумала она.

Капитан откашлялся, явно собираясь сказать что-то еще. Он заметно нервничал:

– Я сегодня обедаю один. Может быть, вы согласитесь составить мне компанию? С берега пришлют свежие продукты, много фруктов, так что стол окажется гораздо лучше, чем обычно.

Сервилия положила руку на плечо мужчины и сквозь ткань одежды ощутила жар его тела.

– Боюсь, придется отложить удовольствие до другого случая. Я хочу до рассвета отправиться дальше. Не могли бы вы выгрузить мой багаж в первую очередь? Я договарюсь с легионерами об охране – до тех пор, пока не загрузим все в повозки.

Капитан кивнул, пытаясь скрыть разочарование. Первый помощник сказал, что пассажирка – шлюха, однако он почему-то чувствовал, что предложить ей деньги нельзя: это приведет к страшному унижению. На какое-то мгновение капитан вдруг показался таким одиноким, что Сервилия даже подумала, не поручить ли Ангелине поднять ему настроение. Маленькая блондиночка явно отдавала предпочтение мужчинам в возрасте: ведь им так легко угодить и они всегда так благодарны. Однако он может и отвергнуть предложение. Люди его лет, как правило, любят получать удовольствие в обществе зрелых женщин, и простоватая откровенность этой девочки, пожалуй, вызовет лишь неловкость.

– Ваши сундуки окажутся на пристани в первую очередь, госпожа. Мне было приятно провести время плавания с вами.

Капитан задумчиво наблюдал, как пассажирка поднимается на причал. Матросы собрались на палубе, готовые предложить помощь молоденьким красавицам, и хозяин смерил их суровым взглядом. Однако, на секунду задумавшись, отправился вслед за Сервилией, понимая, что помощь действительно понадобится.

Юлий настолько погрузился в работу, что едва обратил внимание на стук в дверь. Пришел охранник.

– В чем дело?

Легионер поднял руку в обычном приветствии, однако не смог скрыть волнения:

– Наверное, господин, тебе лучше спуститься к воротам и увидеть все собственными глазами.

Удивленно подняв брови, Юлий пошел вниз по лестнице вслед за солдатом в залитый ярким полуденным солнцем двор. Легионеры столпились возле ворот, явно возбужденные. На лицах некоторых застыло характерное выражение людей, изо всех сил пытающихся сдержать улыбку. Это веселье и жара в придачу лишь подлили масла в огонь дурного расположения – полководец с утра был не в духе.

За распахнутыми воротами стояла целая вереница тяжело нагруженных и покрытых дорожной пылью повозок. Вокруг собралось человек двадцать легионеров. Слегка прищурившись, Юлий узнал среди них воина, еще вчера командированного по делам в порт, и настроение стало еще хуже. Легионеров покрывала точно такая же пыль, какая лежала на повозках, а это означало, что они прошли пешком всю дорогу.

Юлий бросил на них огненный взгляд.

– Что-то не припомню, чтобы я отдавал приказ сопровождать портовые грузы! – резко бросил он. – Надеюсь, у вас имеется очень веский повод послушаться и покинуть пост. Самому мне не приходит на ум ничего серьезного.

Старший из легионеров побледнел – это было заметно даже под слоем пыли.

– Эта особа, господин... – начал он.

– Что? Какая особа? – прервал Юлий, теряя терпение при виде нерешительности воина. И тут услышал голос, заставивший вздрогнуть: он сразу узнал его.

– Я сказала людям, что ты наверняка не будешь возражать, если они помогут твоей давней подруге.

Сервилия спустилась из крытой повозки и шла к нему.

На какой-то момент Юлий потерял дар речи. Темные волосы женщины разметались на ветру – зрелище настолько прекрасное, что невозможно оторвать взгляд. В окружении мужчин она держалась спокойно, уверенно и с достоинством, хорошо сознавая произведенное впечат-

ление. Она гордо выступала в дорогом коричневом платье, оставлявшем открытыми и шею, и руки. Драгоценностей на Сервилии не было, если не считать простой золотой цепочки с кулоном, скромно прятавшимся в пышных складках на груди.

– Сервилия, думаю, тебе не стоило злоупотреблять дружбой, – сухо выдавил из себя полководец.

Женщина пожала плечами и улыбнулась, словно пустяку:

– Надеюсь, ты не накажешь подчиненных. Сам знаешь, без охраны в доках опасно, а кого еще я могла попросить?

Юлий долго смотрел на непрошеную гостью, потом перевел взгляд на старшего из легионеров. Тот, несомненно, слышал разговор и теперь стоял с напряженным видом человека, не ожидающего ничего хорошего.

– Я понятно отдал приказ?

– Да, господин.

– Значит, и тебе, и твоим людям предстоят два внеочередных караула. Твое звание должно вселять чувство ответственности, разве не так?

– Так точно, – подтвердил несчастный легионер.

Юлий кивнул:

– Когда освободишься, доложишь центуриону, что я приказал тебя выпороть. Двадцать плетей с занесением имени в черный список. А теперь бегом обратно! Быстро!

Легионер четко отсалютовал и развернулся.

– Кругом! – скомандовал он отряду. – Бегом в порт!

В присутствии Юлия никто не осмелился издать ни звука, хотя все настолько устали, что обратный путь по жаре, да еще бегом, мог оказаться серьезным испытанием.

Юлий провожал отряд взглядом до тех пор, пока тот не скрылся за поворотом, и лишь потом повернулся к Сервилии. Женщина стояла неподвижно, тщетно пытаясь скрыть удивление и чувство вины: разве она могла подумать, что невинная просьба приведет к таким суровым последствиям?

– Ты приехала навестить сына? – хмуро поинтересовался полководец. – Он сейчас на учениях и к вечеру освободится.

Взгляд в сторону запряженных ревущими волами повозок выдал нерешительность: чему уступить – раздражению или требованиям законов гостеприимства? После долгого молчания Юлий наконец сдался:

– Входи, подожди Брута. Я распоряжусь, чтобы напоили животных и принесли тебе еды.

– Благодарю за любезность.

Сервилия попыталась скрыть неловкость улыбкой. Трудно было не заметить произошедшую в молодом военачальнике перемену. Конечно, весь Рим прекрасно знал, что Юлий потерял жену, однако этот человек совсем не походил на того, которого она знала раньше. Темные круги вокруг глаз говорили не только об усталости. Во время последней встречи он готов был сразиться со Спартаксом, да и вообще тот огонь, который горел в его душе, казался неугасимым. Сейчас все исчезло – как жаль!

В это мгновение из последней повозки выпрыгнула Ангелина и, что-то крича, замахала рукой. При звуке звонкого девичьего голоса и Сервилия, и Юлий замерли.

– Кто это? – Юлий прищурился против солнца.

– Всего лишь компаньонка. В дороге меня сопровождают три молодые особы.

Что-то в тоне, которым были произнесены эти слова, заставило Юлию взглянуть с подозрением:

– Они...

– Я же сказала – компаньонки, – беспечно повторила Сервилия. – И очень хорошие девушки. – А про себя добавила, что за щедрую плату малышки могут быть просто превосходны.

– Я поставлю к их двери караульного. Мужчины не привыкли... – Юлий помолчал, словно подыскивая подходящие слова. – Да, охрана действительно может понадобиться.

К огромному удовольствию Сервилии, Юлий густо покраснел. Хороший знак. Где-то глубоко в его душе еще теплится жизнь. От предвкушения охоты ноздри куртизанки едва заметно затрепетали. Она внимательно, закусив от удовольствия пухлую нижнюю губу, наблюдала, как Юлий повернулся и пошел обратно, чуть помедлив в воротах. Не так уж она и стара, в конце концов, заметила про себя Сервилия, проведя рукой по спутавшимся волосам.

Брут расправил плечи: до форта оставалось всего несколько миль. Его отборная центурия неотступно следовала за ним, и, оглядываясь, Брут с нескрываемой гордостью и справа, и слева видел своих молодцов на сильных, отлично выученных лошадях. По правую руку, вровень с центурионом, скакал верный Домиций, а Октавиан следовал чуть сзади, во главе отряда. Всадники ехали по долине, окруженные клубами пыли. Пыль покрывала одежду и доспехи, оставляя во рту пресный земляной привкус. Вечер стоял теплый и мирный, и все пребывали в легком, безмятежном настроении. Воины устали, однако впереди ждали сытный вкусный ужин и крепкий сон, а потому усталость казалась даже приятной.

Когда появились башни форта, Брут, повысив голос, чтобы перекрыть топот конских копыт, обратился к Домицию:

– Давай устроим им представление. Отделись со своими людьми, а по моему сигналу снова сольемся.

Он прекрасно знал, что часовые у ворот внимательно наблюдают за приближением отряда. Хотя отборная центурия существовала всего лишь второй год, Юлий дал другу все, что тот хотел, – лучших людей и отборных лошадей, цвет Десятого легиона. Брут знал, что с такими всадниками он смело может выступить против любой армии мира. Они всегда найдут выход из самой невероятной ситуации. Каждый прошел самый строгий отбор и показал искусное владение мечом и отточенные навыки верховой езды. Брут не скрывал гордости. В Десятом легионе его центурию считали скорее театральной труппой, а не боевым отрядом. Но разве он виноват, что здесь, в Испании, еще просто не случилось военных действий? Нет сомнений, что при необходимости его отборные всадники оправдают все расходы. Да уж, стоили они дорого: одни доспехи можно оценить в целое состояние. Тонкие, словно кружевные, медные латы и железные полосы позволяли двигаться быстрее и легче, чем тяжелые доспехи остальных легионеров. Всадники не ленились начищать медь до блеска, так что сейчас, в лучах заходящего солнца, она просто слепила.

Брут поднял руку и резко взмахнул вправо и влево. Пришпорив коня, поскакал галопом, а отряд разделился на две половины, словно по земле пролегала какая-то невидимая линия. В лицо приятно дул ветер, не хотелось даже оборачиваться – и так было ясно, что построение безупречно. Из рта коня вылетала пена, и всадник наклонился в седле, пытаясь слиться с ним в единое целое и еще больше усилить ощущение полета.

Форт приближался с поразительной скоростью. Увлечшись движением, Брут едва не пропустил момент, когда надо было подать команду к перестроению. Два крыла слились воедино всего за несколько мгновений до остановки у ворот, но все прошло точно и красиво. Как один, всадники синхронно соскочили с седел и потрепали по разгоряченным шеям жеребцов и мерингов, которых Юлий привез из самого Рима. Против вражеской кавалерии можно было выступать только на кастрированных конях, так как жеребец, почуяв кобылу, способен полностью выйти из-под контроля. Кони отборной центурии представляли попытку отобрать лучшее из возможного и в то же время сохранить чистоту породы. При виде прекрасных животных даже

испанцы, забыв о своем обычном подозрительно-недоверчивом отношении к римлянам, восхищенно присвистывали.

Смеясь, Брут слушал рассказ Домиция и в этот самый миг увидел мать. На какую-то долю секунды глаза его изумленно расширились, но тут же, быстро пройдя под аркой ворот, он поспешил к ней.

– В письмах ты ни словом не обмолвилась о своих планах! – Крепко обняв мать, Брут слегка приподнял ее над землей и крепко расцеловал в обе щеки.

– Боялась, что ты чересчур возбудишься от ожидания, – ответила Сервилия.

Они рассмеялись, и сын выпустил мать из объятий.

Сервилия немного отклонилась, чтобы получше разглядеть его. Улыбнулась, довольная. Да, мальчик полон жизненных сил. Годы, проведенные в Испании, явно пошли ему на пользу. Уверенность, которую он излучал, заставляла других вставать при его появлении и вытягиваться по струнке.

– Хорош, как всегда, – с нескрываемой гордостью заключила мать. – Наверное, местные красавицы проходу не дают.

– Не решаюсь выходить без охранников. Только они и спасают от нападений, – улыбнувшись, ответил Брут.

Неожиданно появившийся Домиций без лишних церемоний вклинился между матерью и сыном, чтобы его непременно представили.

– Ах да, вот и Домиций. А с Октавианом ты знакома? Он родственник Юлия.

Лукаво усмехнувшись ошарашенному виду Домиция, Брут жестом подозвал Октавиана.

Октавиан смутился и попытался изобразить приветствие, которое закончилось еще большей неловкостью. Брут рассмеялся. Он прекрасно знал, какое впечатление производит на мужчин мать, а потому вовсе не удивлялся поведению товарищей. Однако вокруг быстро собирались зрители – всем хотелось поближе рассмотреть гостью.

Сервилия помахала рукой, после скучного месяца на корабле явно наслаждаясь повышенным вниманием такого количества мужчин. Все эти молодые люди выглядели такими энергичными, живыми... Их еще не коснулись ни страх перед старостью, ни ужас смерти. Они стояли вокруг, словно толпа невинных богов, ободряя своей уверенностью в будущем и саму Сервилию.

– Ты уже видела Юлия, мама? Он... – Во дворе внезапно повисла тишина, и Брут осекся.

В воротах показались три молодые женщины, и толпа расступилась, давая им дорогу. Каждая из трех была по-своему прекрасной. Самая молодая, изящная блондинка, густо покраснев, подошла к Сервилии. Следом за ней шли две другие, от красоты которых у мужчин едва слезы не навернулись на глаза.

Кто-то присвистнул, и чары рассеялись. Толпа снова ожила и пришла в движение.

Сервилия, вздернув бровь, взглянула на подошедшую Ангелину. Малышка точно знает, что делает. Таких, как она, мужчины стараются защитить, и за это право готовы перегрызть друг другу глотки. Стоило девушке появиться в питейном заведении, как там тотчас возникала потасовка. В одном из таких заведений Сервилия и обнаружила ее: блондиночка разносила вино и даром расточала то, за что мужчины готовы хорошо платить. Уговаривать долго не пришлось, названной цены было вполне достаточно. Две пятых заработка девушки Сервилия оставляла себе, и все-таки красавица очень скоро разбогатела. Если так пойдет, через пару лет она захочет открыть собственное заведение и тогда непременно явится к хозяйке за ссудой.

– Мы волновались за тебя, госпожа, – жизнерадостно солгала малышка.

Брут взглянул на нее с нескрываемым интересом, и девушка, ничуть не смутившись, ответила столь же дерзким взглядом. Под этим взглядом трудно было подтвердить или опровергнуть возникшее подозрение. Сам он пытался убедить себя, что давно смирился с профес-

сией матери, однако мысль о том, что правда откроется товарищам, тревожила, а это означало, что он вовсе не так уверен в себе, как хотелось бы.

– Ты нас разве не познакомишь, мама? – поинтересовался он.

Ангелина удивленно вытаращила глаза:

– Так это и есть твой сын? Да, он точно такой, каким ты его описывала. Как чудесно!

На самом деле Сервилия ни разу не говорила с малышкой о Бруте. Но сейчас проявились оба основных качества Ангелины: с одной стороны, наивность до простоты, а с другой – проницательность и находчивость, сулящие в будущем большие деньги. Толпа вокруг становилась все гуще. Мужчины вовсе не были избалованы вниманием молодых хорошеньких женщин. Сервилия подумала, что лишь на обслуживании легиона Валенсия вполне могла бы разбогатеть.

– Познакомься, это Ангелина, – представила она девушку.

Брут изысканно поклонился, и от подобной любезности глаза блондинки вспыхнули.

– Сегодня вечером вы непременно должны составить нам компанию за столом, – произнес Брут. – Я совершу налет на погреб, и мы смоем с вас дорожную пыль.

Говоря это, центурион ни на мгновение не отпуская взгляда прекрасной собеседницы, стремясь сделать свое предложение как можно прозрачнее.

Кашлянув, Сервилия прервала сцену.

– Проводи-ка нас внутрь, Брут, – попросила она.

Легионеры снова расступились и пропустили дам. Ожидавший их в казармах горячий ужин теперь не казался таким привлекательным, как во время марша, – ему явно не доставало изысканной остроты дамского общества. Бойцы как потерянные стояли во дворе, провожая безнадежными взглядами удаляющуюся небольшую процессию – до тех самых пор, пока красавицы не скрылись в стенах форта. Лишь после этого наваждение прошло, и мужчины отправились заниматься делами: чистить, поить и кормить лошадей. Двигались они с привычной энергией, словно только что не стояли как завороченные.

Несмотря на бурный протест Ангелины, Сервилия решила оставить девушек в отведенной им комнате. Ведь кто-то должен заняться сундуками. А кроме того, ей надо побыть с сыном наедине. В конце концов, она тащила девушек сюда, в Валенсию, вовсе не для того, чтобы одна из них тут же выскочила замуж за Брута.

Юлий не присоединился к остальным, а когда Брут отправил за ним посыльного, передал лишь краткое извинение. Сервилия видела, что отказ несколько не удивил мужчин, и снова отметила про себя перемены, которые произошли с Юлием в Испании.

В честь Сервилии ужин состоял из целого набора блюд местной кухни, поданных в небольших чашах. Специи и приправы подействовали на Октавиана так, что товарищам пришлось долго колотить его по спине, чтобы вернуть способность нормально дышать. С самой первой встречи во дворе он пребывал в состоянии потрясенного восхищения красотой Сервилии, и Бруту доставляло удовольствие постоянно подшучивать над другом. Сервилия же предпочитала не замечать растерянности бедного мальчика.

Комнату освещал мягкий свет мерцающих ламп, а вино оказалось действительно хорошим, как и обещал Брут. Ужин был очень приятным, и Сервилия обнаружила, что постоянные пикировки между мужчинами доставляют ей невинное наслаждение. Домиций с удовольствием поведал одну из своих бесконечных историй, хотя конец ее слегка подпортил Кабера – радостно застучав по столу, он воскликнул:

– Эта история считалась старой уже тогда, когда я сам был еще мальчиком.

Старик засмеялся и потянулся к стоявшей возле Октавиана чаше с рыбой. Молодой человек как раз собирался ухватить лакомый кусок, и Кабера бесперемонно шлепнул его по пальцам, показывая, кто за столом старший. Октавиан лишь оскалится, явно сдержав достойный ответ в присутствии дамы.

– Как вы оказались в Десятом легионе, Домиций? – поинтересовалась Сервилия.

– Все это организовал Брут, когда мы еще были на юге и сражались со Спартаксом. Хотя я из жалости и поддался ему пару раз на тренировках, все-таки он понял, что от моей выучки можно получить немалую выгоду.

– Ложь! – со смехом воскликнул Брут. – На самом деле я, между прочим, спросил его, не хочет ли он перейти в другой легион, и он от восторга едва не откусил мне руку. Юлию пришлось заплатить легату немалую компенсацию. До сих пор пытаемся понять, стоило ли это делать.

Домиций терпеливо ждал, пока Брут пил из его бокала.

– Видите ли, среди своего поколения я самый лучший, – пояснил он Сервилии, с интересом наблюдая, как друг изо всех сил пытается не поперхнуться и по мере опустошения кубка становится все краснее.

Внезапно послышались шаги, и разговоры стихли; мужчины встали, приветствуя своего полководца. Он занял место во главе стола и жестом позволил сесть. Слуги принесли блюдо, а Брут наполнил вином кубок, гордо улыбнувшись, когда Юлий, пригубив, поднял бровь, оценив качество.

Скоро разговор возобновился; Сервилия, поймав взгляд Юлия, слегка склонила голову. Он, словно зеркало, повторил ее движение, тем самым приветствуя присутствие гостьи за общим столом. Сервилия же, сама того не замечая, с облегчением вздохнула.

В этом молодом человеке появились уверенность, серьезность и властность, которых раньше не было заметно. Он не смеялся вместе со всеми, а лишь улыбался особенно удачным шуткам. Вино пил, словно воду, причем без малейшего видимого эффекта; правда, шея постепенно наливалась краской, но это вполне можно было отнести на счет вечерней духоты.

Очень скоро веселье за столом пошло по накатанной колее. Дружеское веселье мужчин было чрезвычайно заразительным, и Сервилия оказалась вовлеченной в бесконечные разговоры и шутки. Кабера всюду флиртовал с ней, подмигивая в самые неподходящие моменты, чем немало веселил всех окружающих и саму гостью. Но однажды, беззаботно смеясь, Сервилия снова перехватила взгляд Юлия, и ей показалось, что время остановилось, открывая за фасадом веселья куда более глубокую и серьезную реальность.

Юлий внимательно наблюдал за происходящим, не переставая удивляться тому эффекту, который оказывало на обычно серьезное, а порою и мрачноватое собрание присутствие этой женщины. Она смеялась естественно, без малейшей аффектации, и в такие минуты молодой человек недоумевал, как раньше он мог не замечать ее красоты. Действительно, кожа Сервилии была смуглой и покрытой веснушками, а нос и подбородок можно было бы считать чуть грубоватыми, и все-таки в ее внешности присутствовало что-то особенное. Трудно было не заметить, что слушает Сервилия, отдавая говорящему все свое внимание. Эта женщина любила мужчин, и мужчины чувствовали это. Юлий едва заметно покачал головой. Собственная реакция ему не понравилась, однако эта особа настолько отличалась от Корнелии, что не могло возникнуть даже малейшей попытки сравнения.

Он долгое время не общался с женщинами и сдавался, лишь когда Бруту удавалось напоить его сверх всякой меры. И вот красота и обаяние Сервилии внезапно напомнили о существовании совершенно иного мира, совсем непохожего на непритязательные солдатские сборища. Рядом с Сервилией он чувствовал себя неуверенно, почти неопытным новичком. Мелькнула мысль о том, что безопаснее держаться от нее подальше. Женщина со столь богатой практикой запросто сможет проглотить его живьем.

Раздраженный собственной слабостью, Юлий покачал головой, словно пытаясь прогнать дурные мысли. В кои-то веки за столом появилась женщина, и он реагирует на ее присутствие точно так же, как Октавиан. Остается лишь надеяться, что мысли его не столь прозрачны. Случись иначе, Брут уже засмеял бы его. Вздвогнув, Юлий представил колкости и насмешки

и тут же решительно отставил кубок в сторону. Как бы то ни было, вряд ли эта дама проявит какой-нибудь интерес к другу сына. Об этом смешно даже думать.

Октавиан перегнулся через стол, чтобы предложить Сервилии очередное блюдо, и прервал нервные размышления полководца. Под пристальной опекой Брута и Домиция молодой римлянин набрался и силы, и умений. Юлий спросил себя, продолжает ли парень бояться местных сверстников. Вряд ли. В суровом обществе легионеров юноша заметно окреп. Даже в походке он старался подражать Бруту, чем немало того веселил. Октавиан выглядел таким молодым – почти мальчиком. Даже странно, что сам он, Юлий, женился, будучи старше всего лишь на год.

– Сегодня утром, господин, я выучил новый прием, – похвастался юноша гордо.

Юлий улыбнулся.

– Обязательно покажи, – ответил он, дружески ероша парню волосы.

Октавиан просиял: даже такая малая ласка осчастливила его.

– Вы завтра будете тренироваться вместе с нами? – уточнил он, заранее готовясь к разочарованию.

Юлий покачал головой:

– Нет, завтра никак не смогу. На несколько дней уезжаю вместе с Рением на золотые прииски. Но как только вернусь – непременно.

Октавиан постарался изобразить удовольствие, однако все видели, что он воспринял слова как прямой отказ. Юлий едва не изменил решение, однако мрачное настроение снова взяло свое. Никто из них не мог понять, чем именно он занимается. Все они сохранили мальчишескую беспечность, а он сам больше уже не мог позволить себе этой роскоши. Забыв, что решил больше не пить, Юлий залпом осушил кубок.

От глаз Брута не укрылось охватившее друга беспокойство, и он попытался отвлечь его:

– Завтра испанский кузнец начнет работать с нашими легионерами. Не хочешь задержаться на день и посмотреть, за что именно платил?

Юлий в ответ смерил товарища таким взглядом, что всем вокруг стало неуютно.

– Нет, никак не могу. Все уже готово к отъезду, – коротко заметил он, снова наполняя кубок и тихо выругавшись, так как несколько капель попало на стол.

Юлий украдкой взглянул на руки: неужели дрожат? Разговор за столом продолжался, и полководец оглядел сидящих: заметили ли они его слабость? Нет, никто даже не обратил внимания; лишь мудрый Кабера встретился с ним взглядом, но этот взгляд казался полным сочувствия. Юлий неожиданно рассердился и вновь залпом осушил кубок.

Сервилия сполоснула пальцы в специально предназначенной для этого чаше, потом аккуратно вытерла губы. Жест привлек внимание Юлия.

– Мне очень приятно в вашей компании, – любезно улыбнувшись, произнесла гостья, – но путешествие сюда все-таки слишком утомительно. Лучше я пораньше встану и приду посмотреть на твои военные упражнения, Октавиан. Ты не возражаешь?

– Конечно, приходи обязательно, – любезно пригласил Брут. – А я приготовлю для тебя экипаж – он будет ждать в конюшне. По сравнению с другими наш форт просто роскошен. Думаю, тебе здесь понравится.

– Если у тебя найдется хорошая лошадь, то экипаж мне не понадобится, – ответила Сервилия.

От нее не ускользнула промелькнувшая в глазах Юлия искра: ответ явно пришелся ему по душе. Мужчины – странные создания. Однако ей еще не приходилось встречать ни одного, кого не радовала бы мысль о красивой женщине верхом на лошади.

– Надеюсь, мои девочки не нарушат привычный вам ритм жизни. А завтра я найду нам всем жилище в городе. Спокойной ночи, господа. Благодарю за гостеприимство.

Мужчины поднялись одновременно с Сервилией, и опять от ее внимания не ускользнуло игравшее во взгляде полководца возбуждение.

Вскоре после ухода гостя Юлий, слегка покачиваясь, вышел из-за стола:

– Я уже отдал все необходимые распоряжения на время своего отсутствия, Брут. Проследи, чтобы дверь в комнату девушек охраняли. Пока они здесь, мы в ответе за их безопасность. Спокойной ночи.

Не добавив ни слова, полководец ушел. Походка его отличалась той нарочитой твердостью, которой выпившие лишнего люди стараются скрыть последствия возлияний. На мгновение в комнате повисло напряженное молчание.

– Приятно увидеть здесь новое лицо, – заметил Брут, старательно обходя молчанием более серьезные и болезненные темы. – Во всяком случае Сервилия хоть немного оживит нашу жизнь, а то в последнее время здесь стало слишком тихо.

Кабера негромко, словно про себя, присвистнул:

– Такая женщина... рядом с ней все мужчины выглядят совершенными глупцами.

Говорил он спокойно, но в тоне его слышалось нечто, заставившее Брута взглянуть озадаченно. Однако лицо старика ничего не выражало, он лишь покачал головой и подлил себе вина.

– Она очень... изысканна, – согласился Домиций, с некоторым трудом подыскав подходящую характеристику.

Брут насмешливо фыркнул:

– А ты, глядя на меня, ожидал другого? Видишь ли, я появился на свет вовсе не в повозке.

– Раньше я действительно не замечал в тебе женских черт, – согласился Домиций, задумчиво потирая лоб. – А теперь вижу. Впрочем, в облике твоей матери они смотрятся куда более органично.

– Нет, Домиций, я привлекателен по-мужски. По-мужски! И с удовольствием завтра же докажу тебе это. – Брут улыбнулся и, как всегда, насмешливо взглянул на товарища.

– А во мне есть мужская привлекательность, Домиций? – поинтересовался Октавиан.

Домиций медленно, спокойно кивнул:

– Разумеется, мальчик. Это только Брут у нас дерется, как женщина.

Брут расхохотался и швырнул в Домиция тарелкой. Тот проворно увернулся, тарелка упала на пол и со звоном разлетелась на мелкие осколки. На какое-то мгновение все замерли.

– Зачем твоей матери понадобился дом в городе? – спросил Октавиан.

Брут смерил мальчика острым взглядом, сожалея о том, что придется оскорбить его невинность:

– Для дела, парень. Думаю, очень скоро ее малышки будут развлекать весь легион.

Октавиан на мгновение смутился. Все присутствующие внимательно наблюдали за его реакцией.

– А как ты считаешь, с мужчины моего возраста они будут брать полную плату? – пошутил юноша.

Брут и в него швырнул тарелку – правда, на сей раз попал в Каберу.

Лежа наверху у себя в комнате, на узкой походной кровати, Юлий услышал веселый хохот и в полной темноте крепко зажмурился.

Глава 3

Сервилия уже успела полюбить этот небольшой городок, Валенсию. Улицы здесь чистые и людные. Во всем ощущается изобилие, от которого буквально чешутся руки. И в то же время, несмотря на богатство, Валенсия производит впечатление свежести, которую ее собственный древний город утратил уже несколько веков назад. Здесь куда больше невинности.

Даже найти подходящее здание оказалось куда проще, чем она ожидала. Не надо было давать деньги чиновникам, чтобы подписать необходимые документы. Найти подходящий дом, заплатить его нынешнему владельцу золотом – сделка завершена, дом твой. После утомительной путаницы римской бюрократии все было просто, тем более что посланные Брутом солдаты сразу показали ей три возможных варианта. Два первых дома стояли слишком близко к морю, а потому среди клиентов могло оказаться больше портовых рабочих, чем хотелось Сервилии. Однако третий подошел как нельзя лучше.

Просторный дом с аккуратно побеленным импозантным фасадом стоял на тихой улице недалеко от рыночной площади и на почтительном расстоянии от моря. Сервилия хорошо понимала, насколько важен в ее деле внешний вид здания. Разумеется, в городе и без того хватало убогих лачуг, где вдовы и шлюхи зарабатывали на жизнь, лежа на спине, однако ее заведение должно быть совершенно иным: привлекать знатных господ и офицеров легиона, разумеется, за куда более высокую плату.

Десятый легион уже построил в городе немало домов, а потому на хозяина удалось надавить, и окончательная цена получилась вполне разумной, даже с учетом предстоящего убранства. Какие-то шторы и покрывала можно привезти из Рима, однако и местные швеи вовсе не плохи, так что за скромную плату сойдут и их услуги.

Получив дом в свое полное распоряжение, Сервилия заплатила отправляющемуся в Рим купцу, и тот согласился прихватить с собой список всего, что требовалось привезти в первую очередь. Прежде всего, потребуются еще по крайней мере четыре девушки, и Сервилия постаралась изложить свои требования как можно подробнее. Очень важно завоевать репутацию высоким качеством предлагаемых услуг.

Через три дня почти все уже было готово, оставалось лишь дать дому название. Впрочем, именно это оказалось совсем нелегко сделать. Закон не предусматривал никаких ограничений, однако Сервилия инстинктивно понимала, что вывеска должна выглядеть одновременно и скромной, и многозначительной. Назвать заведение «домом удовольствий», разумеется, нельзя.

В конце концов лучший вариант предложила Ангелина. Вывеска «Золотая рука» оказалась самой подходящей: достаточно эротичной, но без малейшего намека на грубость. Сервилия спросила себя, не имела ли Ангелина в виду цвет собственных золотистых волос. Услышав, что хозяйку ее вариант вполне устроил, девушка радостно подпрыгнула и расцеловала ее в обе щеки. Да, малышка может быть просто очаровательной, особенно когда обстоятельства складываются в ее пользу.

На третье утро в Валенсии Сервилия наблюдала, как аккуратно написанную вывеску прикрепляют к железным крюкам, и улыбалась, видя, как радуются зрелищу солдаты Десятого легиона. Они, конечно, разнесут новость об открытии заведения по всей округе, так что скучать девушкам не придется. Ну а дальше все уже пойдет само собой, и через несколько месяцев дело можно будет передать в чьи-нибудь надежные руки. Заманчиво думать об открытии подобных заведений в каждом испанском городе. Лучшие девушки и дух самого Рима. Поле деятельности просто огромно, и деньги потекут широким потоком.

Сервилия мило улыбнулась охранникам сына.

– Надеюсь, вам удастся сегодня вечером освободиться от службы? – беспечно поинтересовалась она.

Те переглянулись, начиная понимать, что направление в порт оказалось весьма выгодным.

– Может быть, ваш сын согласится замолвить за нас словечко, госпожа, – предположил тот, что побойчее.

Сервилия нахмурилась. Хотя открыто вопрос и не обсуждался, она не могла не подозревать, что Бруту ее дело совсем не нравится. Оставалось лишь гадать, сообщили ли о новом

заведении Юлию и как он воспринял известие. Возможно, пропадая на своих приисках, где-то на юге страны, он еще и не слышал о ее планах. Да и, впрочем, зачем ему возражать против них?

Думая о Юлии, Сервилия медленно провела рукой по шее. Он должен вернуться именно сегодня. Может быть, уже вернулся и сейчас отдыхает у себя в форте. Если выехать не мешкая, вполне можно успеть до вечера.

– Для охраны моего дома обязательно потребуются постоянные караульные, – произнесла она вслух. – Если хотите, я попрошу начальство назначить вас на этот пост. В конце концов, я ведь римлянка.

Воины снова переглянулись, на сей раз в полном замешательстве. Идея казалась прекрасной и чрезвычайно заманчивой, однако лишь предположение о том, что Цезарь услышит их имена в непосредственной связи с охраной дома терпимости, моментально охладило весь пыл. Воины отрицательно покачали головой.

– Скорее всего, он предпочтет, чтобы заведение охранял кто-нибудь из местных, – нашел отговорку старший.

Сервилия взяла из рук одного из солдат поводья лошади и легко вскочила в седло. На ней сейчас были шаровары – юбка или стола вряд ли оказались бы к месту.

– По коням, мальчики. Поедем в форт, и я сама попрошу отпустить вас. Посмотрим, что из этого выйдет.

Повернув лошадь, она пустила ее рысью. Копыта громко стучали по мостовой, и прохожие с удивлением провожали взглядами странную римскую даму, которая сидела верхом не хуже бывалого солдата.

В тот момент, когда Сервилия подъехала к воротам форта, Юлий как раз приветствовал какого-то пожилого испанца. До наступления сумерек ворота оставались открытыми, и охранники легким кивком пропустили гостя во двор. Сопровождающие сразу занялись своими лошадьми, оставив ее в одиночестве. Оказалось, что быть матерью Брута очень удобно.

– Мне хотелось бы кое-что обсудить с тобой, Цезарь, если ты, конечно, не возражаешь, – начала Сервилия, подходя и не выпуская из рук поводья.

Юлий нахмурился, даже не пытаясь скрыть гнев.

– Это градоначальник Севильи господин Дель Субио, Сервилия. Боюсь, сегодня у меня не найдется времени на обсуждение твоих дел. Может быть, завтра.

Полководец повернулся и повел уважаемого гостя в здание форта. Сервилия же торопливо заговорила, любезно улыбнувшись градоначальнику:

– Мне хотелось бы совершить прогулку по испанским городам, легат. Может быть, вы порекомендуете подходящий маршрут?

Юлий взглянул на градоначальника.

– Простите, я покину вас на мгновение, – извинился он.

Дель Субио бросил на Сервилию быстрый взгляд из-под густых нахмуренных бровей и слегка поклонился. Будь он римским легатом, он ни за что не оставил бы такую красотку в одиночестве. Несмотря на преклонный возраст, Дель Субио оставался преданным почитателем женской красоты, и раздражение Цезаря немало его удивило.

Юлий подошел к Сервилии:

– В этих горах невозможно чувствовать себя в полной безопасности. Вокруг полно и разбойников, и просто путников, которые нападут на тебя, ни на минуту не задумавшись. В лучшем случае отнимут лошадь и отпустят – правда, пешком.

Предупредив, Юлий вновь повернулся к гостю.

– Так может быть, тебе будет угодно проводить меня – и защитить? – негромко произнесла Сервилия.

Замерев, Юлий взглянул ей прямо в глаза. Сердце тяжело стучало в груди, и унять его было просто невозможно. Да, этой особе не так-то легко отказать, но ведь день его расписан по минутам и до краев наполнен работой. Обведя глазами двор, Юлий заметил выходящего из конюшни Октавиана. Свистнув, он привлек внимание юноши:

– Октавиан, седлай лошадь. Отправишься в сопровождение.

С готовностью отсалютовав, Октавиан исчез в сумраке конюшни.

Юлий же бесстрастно взглянул на Сервилию, показывая, что дело улажено и говорить больше не о чем.

– Спасибо, – поблагодарила гостя, однако Цезарь словно и не услышал ее слов, он снова целиком занялся Дель Субио.

Появился Октавиан – уже верхом. Чтобы выехать из конюшни, ему пришлось низко наклониться в седле. Широкая улыбка парня померкла при одном лишь взгляде на Сервилию: та как раз садилась в седло. Юноша еще ни разу не видел эту красавицу в гневе: пылающий в глазах огонь лишь добавлял ей привлекательности. Не сказав сопровождающему ни единого слова, всадница галопом промчалась сквозь ворота. Караульным не оставалось ничего другого, как только отскочить в сторону. Удивленный, в полном недоумении, Октавиан понесся следом.

Проскакав галопом с мило, Сервилия наконец немного успокоилась и перешла на размеренную рысь. Октавиан следовал рядом, плечом к плечу, точно имитируя движение спутницы, а для этого требовалось немалое искусство. Наметанным взглядом всадника юноша заметил, как уверенно и ловко она управляет с лошадью, едва заметными движениями поводьев обходит препятствия, а однажды, легко привстав в стременах, заставила лошадь перепрыгнуть через поваленное дерево, ловко осадив ее при приземлении и даже не дрогнув.

Зрелище произвело на юношу настолько глубокое впечатление, что он решил молчать до тех пор, пока не придумает что-нибудь зрелое и по-настоящему интересное. Вдохновение не спешило, однако, к счастью, – судя по всему, спутницу молчание вполне устраивало. Раздражение невниманием и заносчивостью Юлия она выплескивала в стремительной скачке. Наконец, слегка задыхаясь, Сервилия остановилась. Подождала, пока приблизится Октавиан, и улыбнулась:

– Брут сказал, что ты родственник Цезаря. Расскажи о нем.

Октавиан ответил широкой улыбкой, не в силах противостоять обаянию спутницы и даже не пытаясь понять мотивы ее вопроса.

Юлий проводил последнего из посетителей уже час тому назад и теперь стоял у окна и смотрел на горы. Только что он подписал приказ об отправке еще тысячи человек на золотые прииски, а также о выплате денежной компенсации тем трем землевладельцам, на чьих участках началось строительство новых зданий. Сколько человек он успел принять? Десять? Рука болела от напряжения – ведь пришлось написать массу писем. Юлий потер запястье. Уже месяц, как уволился последний из писарей, и полководец остро ощущал потерю. Латы висели на разветвленной, словно дерево, вешалке; потемневшую от пота тунику обвеивал прохладный ветерок. Цезарь зевнул и с силой потер лицо. Уже смеркалось, но Октавиан и Сервилия до сих пор не возвращались. Интересно, эта особа специально задерживает мальчика, чтобы заставить его, Юлия, поволноваться, или что-то случилось? Может быть, захромала одна из лошадей и им приходится вести ее шагом?

Юлий поморщился. Если дело и правда в этом, урок окажется вовсе не лишним. В стороне от дорог земля неровная и сплошь покрыта кочками. Ничего удивительного, если лошадь сломает ногу, тем более в сумерках, когда и кочки, и ямы видны плохо.

С какой стати он волнуется? Уже дважды, досадуя на себя, Юлий отходил от окна, однако очень скоро оказывалось, что, сам того не замечая, раздумывая о делах грядущего дня, снова стоит там и с нетерпением вглядывается в даль холмов, надеясь увидеть силуэты двух прибли-

жающихся всадников. Впрочем, пытаясь обмануть себя самого, он сетовал на духоту в комнате: только возле окна и можно дышать.

Наконец, когда солнце превратилось всего лишь в узкую красную полосу над горами, Юлий услышал на мощеном дворе стук копыт и резко отпрянул от окна, не желая, чтобы его увидели. Что же это за женщина? Почему она доставляет столько волнений? Юлий представил, как долго еще эти двое будут чистить и поить лошадей, прежде чем войти в форт. Сядут ли они ужинать вместе со всеми, как вчера вечером? Цезарь был голоден, но развлекать гостью ему совсем не хотелось. Лучше распорядиться, чтобы ужин принесли сюда, наверх, и...

Негромкий, но совершенно неожиданный стук в дверь заставил полководца вздрогнуть. Почему-то он не сомневался, что увидит именно ее, даже в тот момент, когда, откашлявшись, произнес:

– Войдите.

Сервилия открыла дверь и шагнула через порог. Волосы растрепались на ветру, а на щеке красовалась грязная полоса, – очевидно, она неосторожно провела по лицу рукой. От нее пахло лошадью и соломой. От этого живого запаха все чувства Юлия словно обострились. Было ясно, что всадница все еще злится, и Цезарь решил собрать всю свою волю и непременно отказать в том, чего она пришла требовать. Как она посмела явиться даже без объявления? Куда смотрит охрана там, внизу? Может быть, все заснули? Юлий решил, что, как только непрошенная гостья уйдет, он непременно все выяснит и наведет порядок.

Не произнося ни слова, Сервилия пересекла комнату и подошла к Цезарю. Совершенно неожиданно, прежде чем он успел отреагировать и пошевелиться, прижала ладонь к его груди, ощущая тревожное биение сердца.

– Теплый. А я уже начала сомневаться, – тихо проговорила она.

В тоне гостьи сквозила обезоруживающая интимность, не позволяющая даже как следует рассердиться. Юлий ощущал прикосновение руки даже после того, как Сервилия отступила на шаг, – словно она оставила на груди невидимый знак. Сейчас гостья просто смотрела ему в лицо, и темнота комнаты внезапно стала густой и почти осязаемой.

– Брут будет тебя искать, – тихо произнес Юлий.

– Да, он очень обо мне заботится, постоянно стремится защитить, – ответила Сервилия.

Повернувшись, она направилась к двери, и полководец едва удержался, чтобы не броситься следом. Смутившись, он наблюдал, как красавица, неожиданно появившаяся в его комнате, так же неожиданно ее покидает.

– Не думаю, что ты нуждаешься в особой защите, – пробормотал Юлий.

Он заметил это про себя, вовсе не рассчитывая, что гостья услышит, однако уже возле самой двери она повернулась и понимающе улыбнулась. Дверь закрылась, и он снова остался в одиночестве; от неясных, спутанных мыслей голова шла кругом. Осталось ощущение, что в его личное пространство только что вторглись, однако вторжение нельзя было назвать неприятным. Усталость и вялость неожиданно прошли, на смену им явилось желание присоединиться к общему столу.

Дверь снова открылась, и Юлий вновь увидел Сервилию.

– Ты не согласишься поехать со мной завтра? – поинтересовалась она. – Октавиан говорит, что местность известна тебе не хуже, чем всем остальным.

Цезарь медленно кивнул, не в силах вспомнить, какие именно встречи запланированы у него на завтра, да, впрочем, эти встречи и не особенно его интересовали. В конце концов, можно ведь когда-нибудь и отвлечься от работы.

– Хорошо, Сервилия. Завтра утром.

Она молча улыбнулась и бесшумно закрыла за собой дверь. Юлий услышал на лестнице легкие шаги. Странно, но ожидание утра оказалось очень приятным.

Уже полностью стемнело, и огонь в печи превратил кузницу в мрачную пещеру, освещенную резкими сполохами. Источником света служил горн; неподалеку от него собрались римские кузнецы, нетерпеливо ожидавшие, когда им раскроют секрет плавления твердого железа. Юлий заплатил испанскому мастеру чистым золотом – целое состояние! – однако урок должен был продолжаться не час и даже не день. Вызывая недовольство и раздражение нетерпеливых учеников, Кавальо методично вел их по извилистой дороге созидания – не спеша, шаг за шагом. Поначалу римлянам не нравилось, что с ними обращаются как с учениками, но скоро самые опытные заметили, насколько испанец точен в каждой мелочи своего дела, и начали с интересом и большим вниманием прислушиваться к его объяснениям. Первые четыре дня по его приказу они рубили на дрова кипарисы и ольху, складывали их в огромную, размером с дом, яму и засыпали сверху глиной. Пока древесина тлела, превращаясь в уголь, мастер объяснял ученикам, как именно работает плавильная печь, и рассказывал, что камни надо предварительно тщательно отмывать, а потом поджигать на них уголь – лишь в этом случае процесс пройдет чисто.

Все римские мастера искренне любили свое дело, и к концу пятого дня они с радостным нетерпением смотрели, как Кавальо закладывает в свою печь железную заготовку, а потом заливает расплавленное железо в глиняные формы. В результате учитель с нескрываемой гордостью выложил на верстак тяжелые железные слитки, и ученики обступили их плотным кольцом.

– Ольха горит не так жарко, как другие породы дерева, и тем самым несколько замедляет процесс. В результате железо получается тверже. Но это лишь одна сторона дела, – пояснял испанец, помещая готовый брусок в ярко-желтый жар горна.

Горн был маленьким, и два бруска в него едва помещались. Поэтому второй ученики решили обработать самостоятельно, впрочем точно повторяя каждое движение мастера и следуя всем его советам. Небольшая мастерская не могла вместить одновременно всех желающих, а потому мастера работали посменно, небольшими группами заходя в огненный жар кузницы, а потом возвращаясь в прохладу и свежесть позднего вечера. Самым стойким оказался Рений – он не вышел на улицу ни разу, так и простоял возле горна, обливаясь потом и наблюдая процесс с начала и до конца.

Он был потрясен. Всю сознательную жизнь имея дело с оружием – с мечами, – он никогда не видел, как именно они рождаются. И вот сейчас прямо на его глазах суровые сильные люди превращают землю в сверкающие клинки.

Тяжелым молотом Кавальо бил по бруску, постепенно придавая ему форму меча. Несколько раз он снова нагревал заготовку – до тех пор, пока она не превратилась в плоский черный клинок, кое-где испещренный примесями. Важной составляющей кузнечного искусства было умение определить температуруковки по цвету – в тот самый момент, когда изделие появляется из горна. Каждый раз, когда меч оказывался нагретым до нужной температуры, мастер высоко поднимал его, показывая всем желтый оттенок металла, еще не успевшего побледнеть. Постоянно переворачивая, он бил по мягкому металлу, щедро поливая его собственным потом: капли падали на раскаленный клинок и, едва коснувшись его, исчезали.

Брусок, который обрабатывали римляне, прошел такой же путь, что и брусок испанского мастера, и кузнец удовлетворенно показал на луну: наступила ночь, и поработали они неплохо. Сыновья Кавальо подожгли угли в длинном, в рост человека, поддоне, и до тех пор, пока с него не сняли металлическую крышку, он пылал ярко – так же, как горн. Пока его меч нагревался, Кавальо показал на целый ряд висящих на стене кожаных фартуков. Истертые от времени, тяжелые и жесткие, они выглядели очень неудобными. Но, надев такой фартук, кузнец был защищен от шеи и до пят: открытыми оставались лишь голова и руки. Увидев, как послушно ученики надевают необходимую рабочую форму, мастер довольно улыбнулся: до сих пор все подчиняются ему беспрекословно.

– Они надежно вас защитят, – коротко пояснил он, глядя, как римляне неловко передвигаются в тяжелых и длинных фартуках.

По сигналу мастера сыновья щипцами сняли с горячего поддона крышку, а сам Кавальо гордо вытащил из печи желтый клинок. Римские кузнецы подошли как можно ближе, понимая, что действо достигло еще неизвестной им стадии. Рений пришлось отступить на шаг – жар казался почти нестерпимым. Однако, вытянув шею, он продолжал внимательно наблюдать за происходящим.

В раскаленных добела углях Кавальо снова начал бить молотом по клинку, вздымая в воздух фейерверк искр и крутящихся языков пламени. Внезапно огонь долетел до волос мастера, но тот спокойно, привычным жестом погасил его. Снова и снова он переворачивал меч и бил по нему молотом, однако уже без той сокрушительной силы, которая наполняла первые удары. Звук казался теперь почти нежным, но ученики видели приставшие к металлу черные кусочки угля.

– Сейчас надо действовать быстро. Нельзя дать железу остыть перед закалкой. Следите за цветом... пора!

Голос Кавальо звучал почти нежно: его наполняла любовь к металлу. Стоило лишь раскаленному докрасна мечу потемнеть, как мастер быстро поднял его щипцами и опустил в ведро с холодной водой. Маленькая кузница моментально наполнилась паром и шипением раскаленного металла.

– И снова в жар. Это самая важная стадия. Если ошибиться в оценке цвета, меч получится мягким и бесполезным. Смотрите внимательно! Запоминайте оттенок, иначе все, чему я вас учил, окажется напрасным. Мне этот цвет напоминает засохшую за один – именно один – день кровь, но каждый из вас должен найти собственное сравнение.

К этому моменту подоспел второй клинок, и кузнец повторил процедуру ковки на поддоне с раскаленными углями, снова взметая в воздух веер огненных искр. Теперь уже ни у кого из присутствующих не возникало вопроса, зачем потребовалось надевать тяжелые и неуклюжие кожаные фартуки. Несмотря на все предосторожности, один из римлян громко вскрикнул – на незащищенную руку попал раскаленный кусочек.

Мечи калили докрасна и погружали в угли еще четыре раза, и лишь после этого испанец удовлетворенно кивнул. Все, кто работал в кузнице, вспотели и почти ослепли от густого горячего пара. В тумане блестели лишь два клинка, со свистом рассекающие плотный воздух.

Горы уже окрасились первыми лучами восходящего солнца, но никто не заметил наступления утра. Кузнецы так долго смотрели в огонь, что все вокруг казалось им черным.

Сыновья Кавальо снова прикрыли поддон крышкой и оттащили его к стене. Пока римляне устало стирали с горячих лбов пот, Кавальо закрыл горн и убрал мехи, аккуратно повесив их на специально предназначенные для этого крюки, – теперь им предстоит дожидаться следующей плавки. В кузнице все еще стояла жара, однако действо уже закончилось: мастер Кавальо повернулся к ученикам, крепко сжимая в каждой руке по готовому мечу, еще не получившему ни собственных ножен, ни рукоятки.

Клинки казались слегка неровными. Хотя мастер ковал их на глаз, они в точности совпадали и по длине, и по форме. Когда же они остыли настолько, что уже можно было взять их в руки, римские кузнецы оценили и сходство их веса. Одобрительными кивками они оценили мастерство испанца; конечно, уже больше никто не жалел о времени, проведенном вдали от собственного горна. Все прекрасно понимали, что обрели ценное знание, и с нежностью поглаживали клинки.

Рений тоже взял меч, хотя без рукоятки ему было трудно представить его будущий вес. Клинки родились из испанской земли, и, аккуратно проводя пальцем по чуть шершавому металлу, он подумал, что непременно надо объяснить Юлию величие момента.

– Ковка на углях придает железу твердую оболочку поверх мягкой сердцевины. Меч ни за что не сломается в битве, если, конечно, вы не допустите примесей и не ошибетесь с температурой при закалке, неправильно определив цвет. Сейчас покажу, – срывающимся от гордости голосом добавил мастер.

Он взял мечи из рук римских кузнецов и жестом попросил их отойти в сторону. Затем с силой ударил каждым из клинков по краю наковальни. Мечи ответили глубоким, почти колокольным звоном. Казалось, они взяли на себя смелость возвестить зарю, даже не треснув от сильного удара. Испанец удовлетворенно и гордо вдохнул.

– Они будут нещадно убивать, – негромко проговорил он, – но сумеют превратить смерть в искусство. – Голос звучал почтительно, и окружающие поняли чувства мастера. – Начинается новый день, господа. Ваши угли будут готовы уже к полудню, и вы сможете вернуться в собственные кузницы и выковать новые мечи. Я хотел бы увидеть их, скажем, дня через три. Оставьте свои произведения без рукояток: мы сделаем их вместе чуть позже. А сейчас, пожалуйста, я отправлюсь отдохнуть.

Утомленные, но исполненные почтения римские кузнецы негромко поблагодарили учителя и медленно, словно не в силах расстаться с только что родившимися клинками, вышли из мастерской.

Глава 4

Помпей и Красс поднялись со своих удобных, расположенных в тени мест, чтобы поприветствовать толпу. Собравшиеся на трибунах Главного цирка зрители встретили консулов гулом голосов и возбуждением, волной прокатившимся вдоль плотно забитых трибун. Помпей торжественно поднял руку, а Красс слегка улыбнулся, явно испытывая удовольствие от всеобщего внимания. Он считал, что после таких значительных трат уважение вполне заслуженно. На каждом из глиняных жетонов, дающих право присутствовать на состязаниях, были отпечатаны имена обоих консулов, и, хотя раздавались жетоны бесплатно, Красс слышал, что на протяжении нескольких недель до события они служили валютой. Многие из тех, кто сейчас сидел на трибунах, с нетерпением ожидая первого заезда, дорого заплатили за эту привилегию. Красс не переставал ценить в своем народе практичность: люди умудрялись превратить в источник прибыли даже подарки.

Погода стояла прекрасная, и проплывающие по голубому небу редкие кудрявые облачка выглядели изысканной декоративной деталью. На трибунах активно заключались пари. В воздухе царил волнение, и Красс не мог не заметить, что семейных групп мало. Печально было наблюдать, как гонки неизбежно заканчивались потасовками среди зрителей, занимающих дешевые места, – проигравшие пари обязательно затевали драку. Всего лишь месяц назад, чтобы восстановить порядок, пришлось вызывать отряд легионеров. В самом последнем забеге фаворит подвел своих поклонников и проиграл; в результате на трибунах завязалась драка и пять человек погибли.

Вспомнив об этом случае, Красс нахмурился. Не хотелось бы повторения пройденного. Повернувшись, он увидел, что люди Помпея стоят и у входа, и между рядами. Охранников вполне достаточно, чтобы сбить спесь даже с самых заносчивых. Консул явно не хочет, чтобы год его правления ассоциировался с массовыми беспорядками. При нынешнем положении вещей его поддержка кандидатов на предстоящих выборах будет очень важной. Впереди осталось еще больше половины срока, однако сенатские фракции уже изменяли свой состав: те, кто надеялся на самые высокие посты, постепенно завоевывали известность. Красс прекрасно понимал, что приобретенная популярность окажется залогом успеха в будущем году, а может быть, и еще дольше.

Красс внимательно взглянул на соконсула, пытаясь определить, планирует ли Помпей будущее так же, как и он сам. Каждый раз, когда закон не давал действовать, ограничивая полномочия, Красс утешался тем, что Помпей тоже не свободен в выборе средств. Рим больше не позволит бесконечно продлевать консульство, как семь раз подряд продлевал Марий. То дикое время уже миновало – вместе с Суллой и гражданской войной. И все же ничто не могло помешать Помпею растить преданных последователей.

Каждый раз, оказываясь рядом с Помпеем, Красс стремился стряхнуть угнетающее ощущение неравенства. Все начиналось с внешности: в отличие от Красса с его острыми, резкими чертами, Помпей выглядел именно так, как и должен выглядеть настоящий консул, – солидный, с широким и сильным лицом, начинающий слегка седеть. Правда, Красс подозревал, что благородная седина – отчасти результат использования пудры. Но определить наверняка было трудно, даже сидя рядом.

Словно боги и без того не достаточно его наградили, Помпей пользовался их благословением и в военных начинаниях. Он пообещал народу очистить моря от пиратов, и всего лишь через несколько месяцев римский флот успешно изгнал разбойников из чистых вод Средиземного моря. Помпей пообещал обеспечить бурное развитие торговли и очень скоро выполнил свое обещание. Никто в городе и не подумал поблагодарить Красса за то, что именно он финансировал предприятие, равно как и за то, что взвалил на собственные плечи всю тяжесть потери нескольких кораблей. Он был вынужден снова и снова швырять людям деньги, чтобы они хоть иногда вспоминали о его существовании, в то время как Помпей спокойно нежился в лучах обожания.

Красс задумчиво барабанил пальцами по колену. Граждане Рима способны уважать лишь то, что находится перед их глазами. Собери он собственный легион и отправь его патрулировать улицы города, они будут благословлять его каждый раз, как кто-нибудь из воинов поймает вора или разнимет дерущихся. Без этого Помпей и не подумает обращаться с ним как с равным. Идея не нова, однако с воплощением ее спешить не стоит. Красс втайне опасался, что Помпей прав в своей оценке его достоинств. Какие победы он, Красс, может принести Риму? Ведь суть дела не в том, что он способен одеть воинов в сияющие доспехи. Легиону необходимо достойное командование. Помпею все давалось легко, и эта легкость могла принести Крассу еще одно унижение, вынести которое он уже просто не в силах.

Консул вспомнил неудачную кампанию против Спартака. И возведенная им на юге Италии стена тоже наверняка вызывает насмешки. В сенате никто не говорил об этом вслух, однако между собой судачили все кому не лень: и сенаторы, и солдаты, и простые горожане. Правда, Помпей уверял, что разговоры ничего не значат, но ему снисходительность давалась легко и ничего не стоила. Кого бы ни избрали в конце года в сенат, Помпей в любом случае сохранит там свое влияние. Если бы Красс мог быть так же уверен в собственном положении!

Со своего почетного места сенаторы наблюдали, как на центральную дорожку трека вынесли семь деревянных яиц. В начале каждого круга одно из них предстояло убирать, так что последнее должно было означать накал борьбы в конце состязания.

Ритуал открытия уже подходил к концу, и Красс махнул рукой. Тут же появился нарядно одетый раб, готовый передать ставки своего господина. Помпей счел недостойным воспользоваться возможностью, зато Красс с пользой провел целый час в построенных под трибунами темных конюшнях вместе с возницами и лошадьми. Он считал себя знатоком и пришел к выводу, что упряжка белых испанских лошадей, которой правил Павел, просто великолепна. Красс на минуту задумался, раб же терпеливо ждал, чтобы передать ставки господина своим хозяевам. Как правило, долина у подножия холмов оказывалась очень удобной для тех лошадей, которые предпочитали мягкий грунт, однако дождя не было уже почти целую неделю, и под консульской ложей пыль на дороге спиралью поднималась в воздух. Красс никак не мог определиться со ставками, от волнения у него пересохло во рту.

– Ставлю три сестерция на упряжку Павла, – наконец произнес он, собравшись с духом. Раб кивнул, однако стоило ему сделать шаг, как консул схватил его за руку костлявыми пальцами:

– Нет, только два. Дорога совсем сухая.

Человек ушел, а Красс кожей ощутил усмешку Помпея.

– Никак не возьму в толк, что заставляет тебя играть и делать ставки. Ведь ты один из самых богатых людей в Риме, а ставишь меньше, чем половина присутствующих здесь зрителей. Что для тебя эти два сестерция? Бокал вина?

Красс лишь повел плечами. Подобные разговоры он слышал и раньше. Помпею нравилось дразнить его, однако, как только ему потребуется снаряжать свои драгоценные легионы, он не постесняется прийти и начать клянчить деньги. Старшему из двоих это доставляло тайное наслаждение, хотя иногда он спрашивал себя, задумывается ли об этой стороне дела Помпей. Окажись Красс на его месте, ситуация стала бы для него медленным ядом, однако Помпею жизнерадостность не изменяла никогда. Этот человек совсем не понимал приносимого богатством достоинства.

– Лошадь может подвернуть ногу, а ездок совсем не застрахован от падения. Думаешь, я готов швырять деньги на ветер?

Вернулся раб и протянул Крассу жетон. Тот крепко сжал символ благополучия в руке, стараясь не замечать презрительного взгляда соконсула.

– А кто, кроме Павла, соревнуется в первом забеге? – поинтересовался Помпей.

– Еще три упряжки, господин. Одна новая, из Фракии, Даций из Мутины и вторая упряжка из Испании. Говорят, испанские лошади попали на море в шторм, а потому могут оказаться очень нервными. Большая часть зрителей сейчас ставит на Дация.

Красс смерил раба гневным взглядом.

– Ты раньше ничего этого не говорил, – резко заметил он. – Павел тоже привез лошадей из Испании. Они плыли на том же корабле и тоже пострадали в шторме?

– Не знаю, господин, – ответил раб, склоняя голову.

Красс даже покраснел, пытаясь решить, стоит ли забирать ставку, пока еще не начались скачки. Нет, только не перед Помпеем. Впрочем, если бы удалось хоть на минуту отойти...

Помпей улыбнулся. Сомнения коллеги от него не укрылись.

– Я полностью доверяю народу, – заявил он. – Сотня золотых на Дация.

Раб проявил завидную выдержку: даже не моргнул, хотя цена была выше той, за которую на торгах продали его самого.

– Конечно, господин, как пожелаете. Сейчас я принесу вам жетон.

Он бросил на Красса вопросительный взгляд, но тот лишь гневно смотрел на него.

– Быстрее, сейчас начнутся скачки, – поторопил Помпей, и раб бросился бежать.

К стоящему на краю трека горнисту с длинным бронзовым горном в руках приблизились два знаменосца. Раздался призывный звук. Толпа радостно зашумела, и ворота конюшен распахнулись.

Первым появился римлянин Даций на легкой колеснице, запряженной темными меринами. Красс даже слегка поежился: гордый, уверенный в себе возница плавно проехал перед зрителями и остановился точно перед линией старта. Он был невысокий и плотный, но толпе явно нравился: бурным приветствиям не было конца. Атлет салютовал в сторону консульской ложи, и Помпей тотчас поднялся, приветствуя всеобщего любимца. Красс последовал было примеру товарища, однако Даций уже отправился готовиться к заезду.

– Он явно рвется в бой, – жизнерадостно заметил Помпей. – Смотри, как его лошади кусают удила.

Красс промолчал, внимательно наблюдая за выездом следующей упряжки. Судя по преобладанию зеленого цвета, это фракиец. Бородатый ездок был неизвестен и неопытен, а потому

мало кто из зрителей поставил на него. И все же они добросовестно приветствовали атлета, хотя многие в то же самое время вытягивали шеи, чтобы не пропустить выезд из темноты конюшен еще двух команд.

Павел подстегнул длинными поводьями своих испанских лошадей, и те стремительно вылетели на залитый солнцем трек. При виде этого великолепного зрелища Красс нетерпеливо стукнул кулаком по перилам:

– Да, Дацию придется хорошо потрудиться, чтобы победить этих красавцев. Посмотри, Помпей, как они великолепны.

Павел приветствовал консулов уверенно и торжественно. Даже на почтительном расстоянии Красс заметил, как сверкают на смуглом лице ослепительно-белые зубы, и на душе у него стало немного спокойнее. Колесница встала в один ряд с другими, а вскоре к ним присоединился и последний из соревнующихся – тоже испанец.

В конюшне Красс не заметил в лошадях никакого изъяна, но сейчас он вглядывался как можно внимательнее, пытаясь обнаружить признаки слабости. Несмотря на собственные хвалебные восклицания, Красс теперь уже не сомневался в том, что по сравнению с другими жеребцы Павла выглядели не так спокойно и уверенно. В эту минуту снова зазвучал горн, и все пары прекратились. Красс неохотно сел на место. Раб принес Помпею жетон, и консул рассеянно теребил его в руках, ожидая сигнала к началу соревнований.

Над трибунами повисла напряженная тишина. Лошади Дация внезапно чего-то испугались и шарахнулись прямо на колесницу фракийца; обоим атлетам пришлось наводить в своих упряжках порядок. Хороший возница вполне способен в галопе щелкнуть кнутом всего в нескольких дюймах от головы любой из своих лошадей, так что вскоре все уже снова стояли на местах. От взгляда Красса не ускользнула уверенность фракийца, и он невольно подумал, не упустил ли верный шанс. Среди более опытных соперников бородач даже и не думал волноваться.

Тишина продолжалась еще несколько мгновений: было слышно, как храпят и бьют копытами лошади. Потом раздался третий сигнал горна, и все вокруг моментально пришло в движение: колесницы рванулись вперед, а трибуны взорвались криком и свистом. Скачки начались.

– Ты правильно поступил, Красс, – вдруг заметил Помпей, глядя поверх голов многочисленных зрителей. – Вряд ли в Риме найдется хоть один человек, у которого твоя щедрость вызывает сомнение.

Красс быстро взглянул на соперника, думая, что тот насмехается. Но Помпей казался абсолютно бесстрастным и, судя по всему, даже не заметил взгляда.

Внизу, на треке, колесницы уже доехали до первого поворота. Легкие экипажи описывали на песке широкую дугу, лошади бежали размашистым аллюром. Возницы отклонились в сторону, пытаясь уравновесить крен: от падения их могли спасти только собственное мастерство и сила. Зрелище стало особенно впечатляющим, когда Даций с удивительной точностью промчался сквозь узкий просвет между двумя экипажами и возглавил гонку. Красс невольно нахмурился: такое развитие событий его не очень устраивало.

– Ты уже решил, кого будешь поддерживать в конце года на пост консула? – поинтересовался он, стараясь говорить как можно спокойнее.

Помпей улыбнулся:

– Рановато об этом думать, друг мой. Пока что меня вполне устраивает собственное консульство.

Столь откровенная фальшь не могла не покоробить. Красс слишком хорошо знал коллегу, чтобы поверить подобным заверениям. Не выдержав пристального взгляда, Помпей пожал плечами.

– Думаю, можно убедить сенатора Пранда внести свое имя в список, – произнес он.

Наблюдая за соревнованием, Красс вспоминал все, что знал об этом человеке.

– Да, ты прав, не самый плохой выбор. А он знает о твоей... поддержке?

Все спокойствие Помпея уже улетучилось. Глаза его сияли: Даций продолжал лидировать. Правда, Крассу показалось, что уважаемый консул всего лишь разыгрывает интерес, чтобы вызвать раздражение у соперника.

– Помпей! – напомнил Красс о своем существовании.

– Он не доставит неприятностей, – коротко ответил Помпей.

Ответ Крассу понравился. Ни сам Пранд, ни его сын Светоний не обладали в сенате серьезным влиянием. Но в этом и состояло преимущество: слабые консулы не мешают ни Помпею, ни ему самому продолжать управлять Римом по собственному усмотрению. Изменится лишь то, что из публичных людей они превратятся в частных. Конечно, пересест из первого ряда в последний не слишком приятно – в этом они солидарны. Красс спросил себя, знает ли Помпей о том, что семья Пранда у него в долгу, что в случае победы этого человека на выборах он получит возможность контролировать ситуацию.

– Если ты уверен в Пранде, я мог бы тоже поддержать его, – громко, чтобы перекрыть рев толпы, ответил Красс.

Помпея такой поворот явно удивил.

– Великолепно. А не знаешь, Цинна будет участвовать в выборах?

Красс покачал головой:

– После смерти дочери он совсем отошел от политики. Ты что-нибудь об этом слышал?

Красс, волнуясь, взял Помпея за руку, и тот невольно поморщился. Красс ощутил укол ненависти к этому заносчивому, чванливому выскочке. Какое право имеет он так откровенно демонстрировать презрение, особенно если учесть, что именно Красс оплачивает содержание роскошных особняков Помпея?

– Нет, Красс, ничего не знаю. Но если Цинна не вступит в игру, нам придется искать другую кандидатуру на роль второго консула.

Шел уже четвертый круг заезда. Даций уверенно лидировал, за ним шел фракиец. Павел шел третьим, а завершали цепочку пострадавшие от морской болезни испанские лошади. Толпа одобрительно шумела; все смотрели туда, где колесницам предстояло завернуть за угол и начать пятый круг. Убрали очередное деревянное яйцо, а голоса зрителей уже охрипли от крика.

– А что ты думаешь о Юлии? Ведь его пребывание в Испании заканчивается, – задумчиво произнес Красс.

Помпей взглянул настороженно. Он все еще подозревал коллегу в симпатиях к Цезарю, которых сам вовсе не разделял. Разве не этот человек уладил дело с долгами Десятого легиона, когда Юлий возглавил его?.. Помпей покачал головой:

– Только не он, Красс. Этот пес умеет кусаться. Уверен, тебе неприятности нужны не больше, чем мне самому.

Даций увеличил разрыв, и Красс продолжал возбужденно говорить, довольный, что сумел нарушить невозмутимое спокойствие соперника.

– Говорят, что Цезарь очень успешно повел дела в Испании. Привлек под наше влияние новые земли и города. Я даже слышал разговоры о том, что ему собираются устроить триумфальную встречу.

Помпей смерил Красса острым взглядом и нахмурился:

– Ничего не слышал ни о каких триумфальных встречах. И по-моему, я высказался достаточно ясно. Когда служба в Испании подойдет к концу, я постараюсь сразу отослать его еще куда-нибудь. Может быть, в Грецию. Так что забудь все свои планы, Красс. Я видел, как мои собственные люди стояли под дождем, приветствуя этого человека. Мои люди отдают почести какому-то чужаку!.. Надеюсь, ты хорошо помнишь Мария. Городу не нужен еще один такой же выскочка, особенно в качестве консула.

Красс не спешил отвечать на эту тираду, и Помпей предпочел принять молчание за согласие.

Внизу события развивались бурно. Дация догнала испанская колесница. Но в тот самый миг, когда оба экипажа поравнялись, испанский возница дрогнул и на долю секунды потерял управление лошадьми. Даже столь малой оплошности оказалось достаточно: со страшным грохотом, заглушившим дружный вопль ужаса на трибунах, колесницы столкнулись, и вот уже лошади, опрокинувшись, с громким ржанием беспомощно бьются на земле.

Фракиец изо всех сил натянул вожжи, чтобы замедлить ход своей колесницы и обойти неожиданное препятствие. Хлестнув тех лошадей, которые шли ближе к месту события, он заставил их ускорить бег. Резкое изменение аллюра едва не опрокинуло его самого. Толпа в ужасе наблюдала, как маленький человек мучительно борется, пытаясь сохранить равновесие. Затем опасное место было успешно пройдено, и люди на трибунах дружно поднялись с мест, аплодируя искусству атлета.

Помпей не смог сдержать проклятия – Даций неподвижно лежал на песке, неестественно вывернув ногу. Может, ему и удастся выжить, но вот управлять колесницей уже не придется никогда.

– Подай знак охранникам, которых я тебе выделил, Красс. Как только люди очнутся от шока, начнется драка.

Красс решительно сжал губы и, поймав взгляд центуриона, поднял сжатую в кулак руку. Легионеры пошли меж рядов, и, как оказалось, вовремя. Пережив волнение за судьбу лошадей и возниц, люди осознали, что потеряли свои ставки, и теперь отчаянными криками выражали разочарование. Последние круги заезда прошли без происшествий и почти не привлекли внимания зрителей. Фракиец победил, первым преодолев финишную прямую, однако публика реагировала вяло. Уже завязались потасовки; легионеры действовали быстро и решительно, не стесняясь бить дерущихся мечами, пусть и плашмя.

Помпей дал знать собственной охране, что собирается уходить, и легионеры принялись расчищать ему дорогу. Взглянув на Красса, он заметил его недовольство, поскольку соперник вовсе не собирался скрывать отношения к происходящему. На улице Помпей глубоко задумался, не обращая никакого внимания на волнение за спиной.

Юлий спешил на краю деревни, и лошадь принялась спокойно щипать траву между камнями древней дороги. До этого они с Сервилией долго ехали по холмистой местности, не встречая никаких признаков человеческого жилья. Места были удивительно красивы – леса чередовались с нависающими над зелеными долинами меловыми скалами. Пока они добирались сюда, солнце успело преодолеть полуденную черту. Судя по всему, в этом краю царствовали дикие животные: всадники не раз замечали, как от них шарахаются в стороны то благородный олень, то кабан.

Юлий специально выбирал самые безлюдные тропы, иногда намеренно удлиняя путь. Казалось, путешествие вдвоем вполне его устраивает, и Сервилия чувствовала себя польщенной. Порой создавалось впечатление, что они одни на всем белом свете. Тенистые леса хранили молчание, и всадники пробирались, чувствуя себя почти призрачными существами. Неожиданно лес сменялся залитой ярким солнечным светом цветущей и благоухающей долиной; тогда всадники радостно подстегивали лошадей и веселым галопом уносились прочь от тьмы, не останавливаясь до тех пор, пока у лошадей, да и у них самих, не сбивалось дыхание. Сервилия не могла припомнить столь приятно проведенного дня.

Деревня, в которую привел ее Юлий, оказалась странным местом у самого подножия гор. Неподалеку текла река, но, как и в лесу, полная тишина не нарушалась звуками голосов. Покосившиеся от времени дома стояли полуразрушенными, из окон буйно выбивались дикие папоротники и плющ. Все вокруг говорило о запустении и полной разрухе. Укрепленные на проч-

ных кожаных петлях двери зияли открытыми проемами, а на ведущей к центру деревни улице во все стороны разбегались испуганные лошадьми дикие звери. Пустота и тишина вокруг не позволяли даже разговаривать – любое слово казалось вторжением в чужой мир, нарушением границ дозволенного. Сервилия невольно вспомнила отвечающие эхом своды храма и вновь с недоумением спросила себя, зачем Юлию понадобилось сюда ехать.

– Почему деревня опустела? – негромко поинтересовалась она.

Юлий пожал плечами:

– Причины могут быть самые разные – вражеское вторжение, болезнь. Или жители просто решили поискать себе новое место. Когда я впервые сюда попал, то провел в деревне несколько дней. Причину запустения мне так и не удалось понять – все произошло слишком давно. Место очень странное, однако я его люблю. Настолько, что, если мы когда-нибудь доберемся сюда, проложим новые дороги и обустроим улицы, мне будет жаль, что эта дикая красота пропала.

Под ногой Юлия хрустнул запыленный черепок, и он поднял его. Подув, повертел в руках, пытаясь понять, что именно это было прежде, при людях. Керамика оказалась такой хрупкой, что развалилась прямо в пальцах.

– Наверное, когда-то это место напоминало Валенсию. Рынок, полно всякой всячины, дети бегают вместе с курами... Сейчас даже трудно себе представить.

Сервилия оглянулась, пытаясь вообразить полную людей и жизни улицу. Совсем рядом по стене пробежала ящерица, внимательно взглянула блестящими круглыми глазками и юркнула в щель, под покосившийся наличник.

В прогулке по этому странному месту было что-то мистическое. Казалось, с минуты на минуту дома наполнятся голосами, а улица оживет, как будто движение не останавливалось ни на минуту.

– Зачем мы сюда приехали? – шепотом спросила Сервилия.

Ее спутник взглянул искоса, со странной улыбкой:

– Скоро покажу.

С этими словами он свернул за угол, на еще более заросшую улицу.

Дома казались почти кучами мусора, но за ними можно было разглядеть небольшую площадь. Солнце нагрело воздух и землю, и Юлий нетерпеливо ускорил шаг: ему явно хотелось поскорее выйти на открытое пространство. Древние камни, которыми была вымощена площадь, давно заросли травой и дикими цветами, однако Юлий шагал, не обращая на них никакого внимания, глаза его были прикованы к покосившемуся пьедесталу и лежащей рядом с ним разбитой статуе. Разглядеть лицо изображенного человека было невозможно, так как белый камень раскрошился на кусочки, однако Цезарь приблизился к поверженному изваянию с искренним благоговением. Он привязал лошадей к выросшему посреди площади, между камнями, деревцу и склонился над мраморными останками, осторожно проведя по ним рукой. Даже в столь жалком состоянии было заметно, что статуя когда-то изображала могучего человека. Сервилия рассмотрела следы высеченных букв и провела по ним пальцем.

– Кто это? – почему-то шепотом спросила она.

– Один испанский ученый сказал мне, что здесь написано «Царь Александр».

От наплыва чувств голос Юлия дрогнул, и спутнице внезапно захотелось еще раз дотронуться до него и ощутить тепло живого тела. Она с удивлением заметила на лице Цезаря слезы. Да, этот непреклонный человек смотрел на разбитую статую и плакал!

– Что случилось? Я не понимаю... – Сервилия импульсивно погладила его руку. Рука оказалась горячей, и Юлий не отстранился.

– Больно смотреть... – тихо объяснил он, вытирая глаза. Потом на мгновение крепко сжал руку спутницы, но тут же выпустил. Еще раз взглянул на поверженное каменное изваяние и пожал плечами, уже обретая обычное самообладание. – К тому времени, как ему исполни-

лось столько лет, сколько мне сейчас, он уже покорил мир. Говорили, что он был богом. По сравнению с ним я прожил жизнь даром.

Оба осторожно присели на край постамента. Прикосновение тел оказалось совсем легким, но Сервилия ощутила его, как ожог. А Юлий заговорил снова, размеренным голосом воспоминаний:

– Мальчиком я любил слушать истории о его жизни, битвах и победах. Он был... поразительный. Еще подростком держал в своих руках мир. Я пытался представить... один раз даже увидел его путь...

И снова Сервилия погладила его, теперь уже по лицу. Он вдруг, словно впервые, ощутил прикосновение и поднял голову, взглянув на нее.

– Эта статуя здесь специально для тебя, – почти шепотом произнесла красавица, сама не зная, предлагает ли нечто большее, чем просто надежду на славу, или что-то личное.

Казалось, Юлий услышал в ее словах оба значения и снова сжал руку спутницы. На сей раз его глаза с молчаливым вопросом сомкнулись с ее мягким взглядом.

– Я хочу всего, – едва слышно проговорил Цезарь.

Непонятно, кто из них первым потянулся вперед. Это просто случилось – поцелуи и объятия у ног Александра.

Глава 5

Обстоятельства сложились так, что в те дни, когда Сервилии не удавалось найти повод отправиться куда-нибудь верхом, время тянулось страшно медленно. Дела в «Золотой руке» шли прекрасно, тем более что из Рима приехали двое дюжих молодцов, которым ничего не стоило успокоить даже самого отчаянного гуляку. Однако, вместо того чтобы радоваться успеху, хозяйка постоянно ловила себя на том, что не может не думать о странном молодом человеке, способном одновременно и напугать, и вызвать жалость. Лишь силой воли ей удавалось удержаться, чтобы не пригласить его на верховую прогулку и дожидаться приглашения самой. Когда же наконец приглашение следовало, она радовалась, словно девочка, и не могла удержаться от смеха, в то же время удивляясь собственному поведению.

Они шли по волнующемуся от свежего ветра полю, и Сервилия остановилась, чтобы вплести в свой венок очередной цветок. Юлий тоже остановился, он выглядел куда спокойнее и увереннее, чем раньше. Казалось, угнетавшая его тоска отступила, рядом с Сервилией он выглядел почти счастливым. Трудно было поверить, что их первая совместная поездка – такая знаменательная – случилась всего лишь несколько недель назад. Сервилии казалось, что она начала понимать самые сокровенные стороны его жизни. Юлий же чувствовал себя так, будто знает свою спутницу всю жизнь.

В ее присутствии отступали страшные мысли, которые раньше приходилось безжалостно топить в вине. Кошмары отказывались уходить совсем, но прятались в самые темные углы, и одно это приносило облегчение. Цезарю казалось, что красавица принесла его душе благословение Александра Великого, а благословение героя спасало от доводящих до отчаяния мрачных наваждений. Хотя бы на время можно было скинуть с плеч тяжкий груз ответственности и забыть об обязанностях. И все это за час или два, которые они проводили наедине, в теплых лучах солнца, согревающих душу и сердце.

Сервилия наклонилась, чтобы сорвать цветок, потом выпрямилась. Юлий внимательно наблюдал за ней, удивляясь силе собственных переживаний. Спутница казалась непредсказуемой. Порою она обнаруживала такое понимание тонкостей римской жизни, такие глубокие познания в делах сената, что у Цезаря едва не захватывало дух. А через минуту вся серьезность куда-то бесследно улетучивалась, и Сервилия беспечно смеялась, радуясь красивому цветку или яркой бабочке.

После первой поездки в заброшенную деревню, к разбитой статуе, Брут поощрял новую дружбу. Он видел, что общение с Сервилией успокаивает мятежный дух друга. Казалось даже, что так давно мучившие его раны начинают постепенно затягиваться.

– Помпей совершил страшную ошибку, приказав распять мятежных рабов, – негромко заметил Юлий, вспоминая бесконечный ряд крестов вдоль дороги и мучеников, отчаянно, как избавление, призывающих смерть. Прошло четыре года со времени восстания, которое возглавил Спартак, однако страшные события все еще были свежи в памяти. Вороны наелись тогда до такой степени, что не могли подняться в воздух, и лишь недовольно каркали, когда посланные Юлием люди пытались их отогнать. – Мы с самого начала не сулили рабам ничего, кроме смерти. Они знали, что убежать не удастся. Их вожди оказались слабы, и Помпей, одержав победу, связал восставших и распял на крестах вдоль южной дороги.

– Ты бы не сделал этого? – не удержалась Сервилия от провокационного вопроса.

– И сам Спартак, и его гладиаторы должны были умереть, но среди них нашлись смельчаки, которые не побоялись выступить против легионов и сумели одержать победу. Нет, я поступил бы иначе: создал бы из них новый легион, а во главе его поставил самых отчаянных и неумолимых центурионов. Помпей же просто так, ради удовлетворения собственного тщеславия, погубил шесть тысяч лучших воинов. Была возможность распорядиться ими по-хозяйски, с толком... Беда в том, что Помпей не способен заглянуть дальше собственных мелких амбиций. Он придерживается давно устаревших правил, в то время как мир идет все дальше и дальше.

– Однако римляне бурно приветствовали именно Помпея. Он занял место первого консула, и его радостно встретили граждане. Красс – второй, он так и остается в тени.

– Лучше бы эти люди сами решили судьбу рабов, – негромко возразил Юлий. – Тогда они смогли бы стоять, гордо подняв голову, а не сгибаться до земли, чтобы целовать Помпею ноги. Всегда лучше вырастить собственный хлеб, а не просить кусок у правителя. Знаешь, в этом и заключается наша слабость: мы умеем выбирать недостойных властителей.

Юлий с трудом находил слова, способные точно выразить теснившиеся в голове мысли, и Сервилия остановилась, внимательно глядя спутнику в глаза. День выдался жаркий, и одета она была в тонкую полотняную тунику, а волосы собрала в пучок и перевязала серебристой лентой, открыв плечи и шею. Каждая проведенная вместе минута приносила чувствам Юлия новый оттенок. Сейчас ему непреодолимо захотелось поцеловать нежную спутницу.

– Но ведь он избавил народ от морских разбойников. За одно это ты должен быть благодарен ему больше всех.

– Разумеется, я признателен Помпею за обретенное спокойствие в путешествиях, хотя мне и хотелось решить задачу самому. К сожалению, Помпей совсем не способен мечтать. В мире немало мест, богатых золотом и драгоценными камнями, однако он бездействует, ограничиваясь жалкими увеселениями. Люди голодают, а он строит храмы, призывая их молиться о богатстве.

– Ты смог бы сделать больше? – мягко поинтересовалась Сервилия, взяв спутника за руку.

Прикосновение оказалось теплым, и мысли странным образом рассеялись, уступив место удивившему его самому порыву страсти. Ответ прозвучал неуверенно, будто слова с трудом находили себе дорогу:

– Да, я непременно сделал бы больше. Мы можем получить столько золота, что самые бедные из граждан заживут в достатке. Дело за малым – взять те богатства, которые нас ждут. Во всем мире нет ничего, подобного Риму. Говорят, что Египет богаче, но мы еще слишком малы, чтобы взять его богатства в свои руки. Если Помпей считает, что те легионы, которые у нас есть, смогут обеспечить безопасность границ, значит он просто спит и видит сны. Первое,

что необходимо сделать, – это вырастить новых воинов, а за службу платить им золотом и землями.

Сервилия опустила руку. В этом молодом мужчине кроется такая сила! Ее собеседник, которого она так остро сейчас желает, вовсе не похож на холодного замкнутого военачальника, встретившего ее у ворот форта. Интересно, к чему приведет пробуждение?

Стремление обладать Цезарем удивило и почти испугало Сервилию. Она не привыкла к подобным переживаниям. Мужчины, которые в нее влюблялись, никогда не получали больше той внешней оболочки, которой так жаждали. Они могли дойти до полного изнеможения, не получив в ответ ни единого искреннего вздоха. И лишь этот странный молодой человек одним взглядом прозрачных голубых глаз приводил ее в замешательство. Странные глаза с широкими черными зрачками, – наверное, из-за этих зрачков он так жмурился, едва оказавшись в лучах солнца. Зато эти глаза обладали даром видеть ее насквозь, заглядывая под оболочку внешнего лоска в самую глубину души.

Сервилия вздохнула и пошла дальше. Она ведет себя просто глупо. Не очень-то пристало особе ее возраста потерять голову при встрече с ровесником собственного сына. Подумав об этом, красавица провела рукой по густым, волнистым темным волосам. Нет, возраст пока еще не слишком заявляет о себе. Она хорошо и продуманно питается, старательно ухаживает за лицом и телом. Сервилии не раз говорили, что на свои почти сорок она вовсе не выглядит – невозможно дать ей больше тридцати. Однако порою приходилось ощущать собственный возраст, особенно в городе, рядом с Крассом. Иногда вдруг, откуда ни возьмись, подступала меланхолия, и тогда Сервилия плакала без всякой видимой причины, пока слезы не прекращались сами собой, не оставляя следа.

Сомневаться не приходилось: этот молодой человек может получить любую из самых красивых девушек города. Так зачем же ему та, которой приходится тщательно скрывать следы, оставленные прожитыми годами?

Сервилия так крепко сжала руки, что едва не сломала только что сплетенный роскошный венок. Конечно, при желании ей удастся разбудить в этом мужчине страсть. По сравнению с ней самой он юн и невинен. Дело вовсе не сложное, и какой-то частью своего существа она стремилась к победе, мечтая растаять в пылких объятиях на мягкой густой траве. Сервилия тут же остановила себя. Глупая девчонка. Нельзя было целоваться, вот и все.

Опасаясь, что спутник заметит рассеянность или невольный румянец, она быстро заговорила:

– Ты просто давно не видел Рима, Юлий. Сейчас в городе так много бедняков. Армия рабов вовлекла почти всех. На полях уже некому работать, зато нищие облепляют, словно мухи. Помпей хотя бы дает людям возможность ощутить вкус торжества, пусть и при пустом желудке. Сенаторы не осмеливаются противоречить ему даже в малом, опасаясь, как бы толпа не поднялась и не смела их всех. Когда я уезжала, мир в городе казался очень хрупким, и вряд ли он окреп с тех пор. Ты просто не представляешь, как близка та черта, за которой начинается хаос. Сенат живет в постоянном страхе перед бунтом, который по силе не уступит восстанию Спартака. Все, кто располагает хоть какими-то средствами, нанимают телохранителей, а бедняки безнаказанно убивают друг друга прямо на улицах. Рим переживает тяжелые времена, Юлий.

– Так может быть, мне пора вернуться? Что ни говори, а собственную дочь я не видел уже четыре года, да и Помпей у меня в долгу. Не настала ли пора вернуть причитающееся и снова заняться делом?

На какой-то миг лицо Цезаря озарилось страстью, и внутренний огонь сразу заставил вспомнить того человека, которым Сервилия восхищалась несколько лет назад, во время суда. Тогда Юлий привел сенат в восторг, сумев одержать справедливую победу над врагами. Но свет померк, и спутник лишь раздраженно вдохнул:

– Раньше у меня была жена, которая разделяла со мной все сложности и неприятности; был Тубрук – не только друг, он почти заменил мне отца; был дом. Будущее казалось сплошной чередой радостей и наслаждений. Теперь не осталось ничего, кроме новых мечей и золотых приисков. Все это не имеет никакого смысла. Я многое отдал бы всего за час общения с Тубруком или за возможность снова увидеть Корнелию и попросить у нее прощения за все неисполненные обещания.

Цезарь провел рукой по глазам и снова зашагал. Сервилию очень хотелось взять его за руку; она знала, что это принесет немалое облегчение, но усилием воли сдержалась. Прикосновение неизбежно повлечет за собой продолжение, и, хотя красавица мечтала об объятиях молодого и сильного мужчины, у нее хватило выдержки, чтобы не броситься в ту опасную игру, которую она так хорошо знала – знала всю свою жизнь. Женщина помоложе непременно воспользовалась бы минутами слабости, но Сервилия не хотела даже пытаться. Возможность еще обязательно представится.

И в этот самый момент Юлий повернулся к спутнице и сжал ее в объятиях так сильно, что едва не причинил боль. Губы его жадно искали поцелуя. Сервилия уступила, не в силах противостоять страсти.

Оказавшись во дворе форта, Брут легко соскользнул с коня. Десятый легион проводил в горах сложные учения, и Октавиан зарекомендовал себя очень хорошо: он толково распорядился подразделением, которым командовал, и искусно обошел Домиция. Не теряя времени, Брут стремительно вошел в здание. Мрачное настроение, еще недавно господствовавшее в укреплении римлян, к счастью, миновало. А это означало, что Юлий искренне порадует успехам своего молодого родственника. Как говорил когда-то Марий, у Октавиана надежные руки и широкие плечи.

Часовой, которому надлежало находиться у самого основания лестницы, оставил свой пост и отошел в сторону. Взяв на второй этаж, Брут услышал его окрик, но лишь усмехнулся.

Юлий возлежал рядом с Сервилией. Внезапное шумное и бесцеремонное вторжение Брута всполошило обоих. Юлий, нагой, в ярости вскочил с ложа и бросился к другу.

– Убирайся вон! – прорычал он.

От неожиданности зрелища Брут замер на месте. Но через несколько секунд, придя в себя, с искаженным лицом, повернулся и выскочил вон, резко захлопнув за собой дверь.

Юлий взглянул на Сервилию, уже сожалея о том, что поддался необузданному гневу. Небрежно накинув одежду, сел на широкое ложе. Запах духов наполнял воздух; он знал, что и сам пахнет этими духами. Юлий резко поднялся, стремясь оказаться в стороне и от ложа, и от женщины и решая, как теперь вести себя и что делать.

– Я сама выйду к нему, – негромко произнесла Сервилия, поднимаясь.

Растерянный и расстроенный, Юлий едва замечал ее наготу. Как они могли заснуть? Однако запоздалые сожаления бесплодны. Юлий отрицательно покачал головой и завязал сандалии:

– Извиняться должен я, а не ты. Поэтому я и пойду к нему.

– Но ты же не будешь извиняться... за меня? – обманчиво спокойным голосом уточнила Сервилия.

Юлий повернулся и посмотрел ей в глаза.

– Ни за единый проведенный с тобой миг, – нежно ответил он.

Сервилия подошла, и он обнял ее, удивившись, как, оказывается, приятно обнимать обнаженную женщину, оставаясь полностью одетым. Несмотря на тревогу за Брута, Юлий улыбнулся.

– Сейчас он немного успокоится, и можно будет попробовать обсудить ситуацию, – попытался успокоить возлюбленную Цезарь, хотя и сам не слишком верил собственным словам.

Уверенным движением он пристегнул к поясу ножны. Сервилия неожиданно испугалась.
– Я не хочу, чтобы между вами произошло что-то серьезное, – жалобно взмолилась она. – Юлий, прошу тебя!

Цезарь принужденно рассмеялся:

– Он еще ни разу не причинил мне боли.

Выйдя из комнаты, он плотно закрыл за собой дверь.

Выражение его лица моментально изменилось, и вниз он спустился с видом угрюмым и непреклонным.

В общем зале сидели Домиций, Кабера и Цирон. Полководцу показалось, что все они смотрят на него осуждающе.

– Где он? – коротко и резко спросил Юлий.

– На плацу. На твоем месте я оставил бы его в покое. Кровь его бурлит вовсю, так что не время выяснять отношения.

Цезарь на секунду задумался, однако обычная дерзость, как всегда, одержала верх. Он сам заварил всю эту кашу, ему ее и расхлебывать.

– Брут – мой давний, самый старый друг, и все должно остаться между нами.

Брут в одиночестве стоял посреди пустого плаца, в руке его ярко блестел меч работы Кавальо. Увидев Юлия, коротко кивнул, и тот едва не остановился: темная угроза исходила от всего облика друга. Если дело дойдет до схватки, он не сможет одержать над Брутом верх. Даже украв победу, не найдет в себе достаточно сил, чтобы забрать эту жизнь.

Брут поднял клинок в первую позицию, и Юлий моментально изгнал все лишние мысли – так, как учил Рений: это враг и его надо убить.

Юлий обнажил меч.

– Интересно, ты ей заплатил? – негромко спросил Брут, моментально лишив противника собранности.

Юлий подавил резкий укол гнева. Они учились боевому мастерству у одного человека, а потому нельзя поддаваться на провокации.

Противники начали кружить по площадке.

– Мне казалось, что я все знаю и понимаю, но верить не хотелось, – не унимался Брут. – Надеюсь, что ты не опозоришь меня, а потому старался не волноваться.

– В этом нет никакого позора.

– Есть. Еще как есть! – упрямо повторил Брут и сделал выпад.

Юлий знал боевой стиль Брута лучше всех, однако ему с трудом удалось отразить направленный в самое сердце удар. Прием смертельный, и прощать его нельзя. Гнев начинал захлестывать, движения становились все стремительнее, шаг тверже, а чувства острее. Что же, чему быть, того не миновать.

Юлий метнулся вперед, низко нагнувшись, и резкий неожиданный выпад заставил противника отпрянуть. С трудом увернувшись, Брут в свою очередь начал наносить удар за ударом.

Наконец, тяжело дыша, воины разошлись. Юлий крепко сжал левую руку, пытаясь зажать глубокую рану на ладони. Но кровь все равно сочилась – медленно, крупными каплями – и тут же впитывалась в песок.

– Я люблю ее, – произнес Цезарь. – И люблю тебя. А потому достаточно. Хватит.

С выражением откровенного отвращения на лице он отбросил меч в сторону и, безоружный, остановился перед другом.

Брут приставил острие меча к его горлу:

– Они все знают? Кабера, Домиций, Октавиан?

Юлий смотрел в упор, изо всех сил стараясь не мигать:

– Возможно. Брут, мы ничего не планировали. И уж разумеется, я вовсе не думал, что ты вот так влетишь в комнату.

Острие меча осталось единственной неподвижной точкой во вращающемся мире. Юлий крепко сжал губы, пытаясь успокоиться. Сознательно расслабил все до единой мышцы и стоял, просто ожидая. Умирать очень не хотелось, но уж если суждено встретить смерть, то лучше встретить ее с холодным презрением.

– Это не игра и не шутка. Ни для меня, ни для нее.

Меч внезапно опустил, и огонь безумия в глазах Брута моментально погас.

– Несмотря на все, что есть между нами, я не задумываясь убью тебя, если ты принесешь ей хоть малейшую боль.

– Отправляйся к ней. Она волнуется за тебя, – словно и не заметив угрозы, приказал Цезарь.

Брут смерил друга долгим, пристальным взглядом и зашагал прочь, оставив его в одиночестве посреди плаца. Юлий посмотрел вслед уходящему, а потом, сморщившись от боли, раскрыл ладонь. На мгновение гнев запылал снова. Он повесил бы любого, кто осмелился бы поднять против него меч. Никаких извинений здесь быть просто не может.

Но они с Брутом вместе выросли, а это что-нибудь да значит. Возможно, стоит простить даже предательский удар прямо в сердце. Юлий задумался, продолжая смотреть туда, где скрылся Брут. Можно ли доверять этому человеку?

Следующие полтора месяца оказались непереносимо тяжелыми: напряжение не спадало. Несмотря на то что Брут нашел в себе силы поговорить с матерью и даже, сжав зубы, благословил союз, ему никак не удавалось стряхнуть с себя гнев и чувство одиночества.

Без единого слова объяснения Юлий снова начал сам тренировать Десятый легион. Он устраивал многодневные походы, на протяжении которых сохранял молчание, если не считать резко отдаваемых приказов. Легионеры сносили лишения и усталость ради короткого одобрительного кивка своего командира, а одно это значило куда больше, чем все лестные речи, которые только можно сочинить.

Оказываясь в форте, Цезарь засиживался далеко за полночь, работая над письмами и расчетами. Он не жалел созданного здесь, в Испании, золотого резерва. Посылал гонцов в Рим, чтобы заказать в Александрии новые доспехи и оружие, а из всех испанских городов через горы тянулись караваны с припасами и продовольствием. Чтобы добыть достаточно железной руды и изготовить новые мечи по методу Кавальо, требовалось разрабатывать бесчисленные рудники. Чтобы получить древесный уголь, надо было валить деревья. Каждый из пяти тысяч солдат Десятого легиона получал на день по два, а то и три задания.

Офицеры одновременно и страдали от перегрузки, и радовались тому, что их полководец наконец-то обрел прежнюю энергию. Задолго до того, как Юлий отозвал своих подчиненных с важных постов, которые они занимали по всей стране, люди уже знали, что Десятый легион в скором будущем покинет Испанию. Эта страна просто слишком мала, чтобы с честью выдерживать размах деятельности их военачальника.

Юлий выбрал самого достойного из испанских грандов и назначил его временным правителем – до тех пор, пока Рим не пришлет кого-то из своих сыновей. Он передал дела и печать в надежные руки, а сам вновь с головой окунулся в работу, на несколько дней лишая себя и сна, и еды, – пока от изнеможения не падал с ног. Короткий отдых – и он снова в строю, и все шло по-прежнему. Все вокруг взирало на Цезаря с опаской, не зная, каких результатов ожидать от подобной безудержной энергии.

Брут пришел рано утром, когда весь лагерь еще крепко спал. Постучав в дверь, он услышал в ответ неясное бормотание и вошел.

Цезарь сидел за столом, на котором громоздились географические карты и глиняные таблички. Все, что не поместилось, лежало вокруг, просто на полу. Увидев Брута, он поднялся, но некоторое время бывшие друзья молчали: холодность и враждебность лишила слов. Теплые товарищеские чувства оказались бессильны перед ледяной стеной.

Брут с трудом проглотил застрявший в горле комок.

– Прости, – наконец тихо проговорил он.

Юлий молчал, неподвижно наблюдая и словно ожидая продолжения. Лицо его оставалось холодным, ничто в нем не говорило ни о расположении, ни о былой дружбе, которой так не хватало Бруту.

Он попытался начать еще раз:

– Я вел себя как глупец, но ты ведь знаешь меня достаточно, чтобы простить. Я остаюсь тебе другом. Твой меч, помнишь?

Цезарь кивнул, словно принимая объяснения.

– Я люблю Сервилию, – тихо ответил он. – Я собирался все рассказать тебе, но случилось то, что случилось, – слишком быстро и внезапно. Все это не игра и, кроме того, глубоко личное. Я не собираюсь отчитываться за чувства даже перед тобой.

– Стоило мне увидеть вас вместе... – начал Брут.

Юлий предостерегающе поднял руку:

– Достаточно. Все уже в прошлом.

– Неужели ты ни за что не хочешь снять с моих плеч этот тяжкий груз? – почти с отчаянием спросил Брут, качая головой.

– Он не может быть легким, – ответил Юлий. – Ты был для меня самым близким человеком на свете и все же хотел вонзить меч в самое сердце. Такое трудно простить.

– Что?! Я не...

– Я знаю, что говорю, – твердо стоял на своем Цезарь.

Брут словно обмяк. Не произнеся больше ни слова, он подвинул скамью и сел. Юлий опустился в кресло, в котором сидел до прихода товарища.

– Так ты ждешь, чтобы я продолжил извинения? Я был вне себя от ярости. Решил, что ты использовал ее, как... Это было ошибкой, заблуждением. Прости. Что еще я должен сказать? Чего ты от меня хочешь?

– Хочу знать, что могу тебе полностью доверять. И хочу забыть все, что между нами произошло.

Брут поднялся:

– Ты можешь мне доверять. И сам это знаешь. Ведь ради тебя я покинул Первороденный.

Двое посмотрели друг другу в глаза, и на лице Цезаря проскользнула улыбка.

– А ты заметил, как я парировал твой выпад? Жаль, что Рений не видел нашего поединка!

– Конечно, ты был необычайно хорош, – с сарказмом ответил Брут. – Такой ответ тебя устраивает?

– Думаю, продолжи мы схватку, я вполне мог бы выйти из нее победителем. – Голос Юлия звучал уже почти жизнерадостно.

Брут не выдержал:

– Ну, это заходит уж слишком далеко!

Напряжение спало, оставив лишь слабый след.

– Я собираюсь вести легион обратно в Рим, – торопливо, словно радуясь, что вновь обрел человека, способного разделить его планы, заговорил Юлий.

Интересно, страдал ли Брут от разрыва так же, как он сам?

– Мы все всё знаем, – прямо ответил Брут. – Дело в том, что мужчины сплетничают ничуть не меньше женщин. Ты затеял это для того, чтобы бросить вызов Помпею?

Брут задал вопрос как бы между прочим, слово от ответа на него не зависела жизнь пяти тысяч человек.

– Вовсе нет. С помощью Красса он правит совсем не плохо. Я собираюсь выставить свою кандидатуру на выборах новых консулов.

Не отводя взгляда от лица Брута, Цезарь ожидал реакции.

– Ты надеешься победить? – задумчиво уточнил тот. – У тебя в запасе будет всего лишь несколько месяцев, а память у людей очень коротка.

– Я единственный оставшийся в живых потомок Мария. И я им об этом напому, – решительно ответил Юлий, и Брут ощутил укол бывшего возбуждения.

Он задумался о произошедшем в последние несколько месяцев полным возрождении друга. Теперь уже разящий гнев окончательно испарился, ведь не приходилось сомневаться в той роли, которая принадлежала в этом возрождении его матери. Даже его дорогая маленькая Ангелина глубоко почитала Сервилию, и он начинал понимать, за что именно.

– Уже почти утро. Тебе не мешало бы поспать, – заключил Брут.

– Нет, не сейчас. До того как мы снова увидим Рим, предстоит еще масса важных дел.

– Ну, тогда, если не возражаешь, я останусь с тобой, – решительно, хотя и с трудом подавляя зевоту, заявил друг.

Цезарь улыбнулся:

– Не возражаю. Мне как раз нужен помощник, который смог бы писать под диктовку.

Глава 6

Рений стоял на дне пересохшей реки и, запрокинув голову, смотрел на мост. На нем, словно муравьи, толпились строители – и римляне, и испанцы. Люди осторожно передвигались по бревенчатым лесам, скрывавшим произведение их рук. Сухое русло пролегалo футов на двести ниже вымощенной камнями дороги. Как только строительство моста закончится, насыпанную выше по течению дамбу сломают и вода хлынет в привычное ложе, моментально скрыв каменные опоры. Строители уйдут, суeta закончится, а река спокойно потечет дальше, омывая новый, украшенный изящной резьбой мост. Старый гладиатор наблюдал за работой и думал, что вряд ли кто-нибудь еще увидит новый мост так, как он, со дна реки.

Рений с гордостью вслушивался в команды и распоряжения: строители начали поднимать очередной каменный блок – новое звено моста. Голоса эхом отдавались внизу, и Рению слышалась в них такая же гордость, какую испытывал он сам. Все вокруг не сомневались в вечности дела своих рук.

Новый мост откроет путь к плодородной долине, раскинувшейся вдоль реки. Скоро здесь вырастут новые селения, а дороги протянутся дальше, туда, где будут жить люди. Поселенцев привлекут богатая земля, надежная торговля, а главное, чистая вкусная вода, текущая по подземным акведукам, обустройство которых продолжалось три года.

Рений с интересом наблюдал, как толпа сильных мужчин дружно тянет конец толстого каната: еще одно усилие, и каменный блок точно опустится на приготовленное для него место. За стуком и скрипом команды едва слышались, зато было хорошо видно, как Цирон, перегнувшись через перила лесов, машет руками, направляя движение. Строители щедро обмазали все поверхности обточенного камня строительным раствором. Цирон крепко обхватил блок могучими руками и, придерживая его, начал вместе со всеми скандировать, направляя движения рабочих, тянущих трос. Рений затаил дыхание: хотя никто не мог состязаться с гигантом в силе и выносливости, тем не менее сейчас ему угрожала страшная опасность. Ведь камень мог сорваться и просто-напросто раздавить его. Больше того, если вдруг рабочие не рассчитают и камень с первой же попытки не войдет в отведенное ему гнездо, то своим весом он разрушит строительные леса и потянет за собой вниз всех, кто на них работает.

Даже здесь, внизу, было хорошо слышно, как кряхтит Цирон, ворочая блок. Раствор сползал и кусками падал вниз, в сухое русло. Прикрыв глаза рукой, Рений с гордой улыбкой наблюдал за работой, готовый в любую минуту увернуться, если раствор полетит в его сторону.

Цирон вызывал симпатию. Гигант не умел красиво говорить, да и вообще не отличался многословностью. Но едва дело доходило до тяжелой работы, он оказывался поистине незамеченным, не боялся никаких усилий. Одно лишь это его качество вызывало чувство благодарности. Поначалу Рения удивляло, что ему самому доставляет удовольствие обучать Цирона таким приемам, которые более опытным legionерам казались элементарными. Легион не мог останавливаться ни перед долиной, ни перед горами. А потому каждый воин прекрасно понимал, что нет и не может быть такой реки, через которую нельзя построить мост, так же как нет такой местности, по которой нельзя проложить дорогу. Везде, куда бы ни попал Десятый легион, он возводил свой маленький Рим.

От приятных мыслей Рения отвлек неожиданно показавшийся неподалеку одинокий всадник в легких доспехах. Он спускался с берега, направляясь как раз к тому месту, где стоял старый гладиатор. Было видно, что ему очень жарко, а кроме того, проезжая под мостом, он инстинктивно пригибал голову, словно в случае опасности это движение могло его защитить. Действительно, одного лишь упавшего сверху молота вполне хватило бы, чтобы убить коня, не говоря уже о всаднике. И все же Рению подобная осторожность показалась забавной.

– Ты везешь мне весть? – поинтересовался Рений.

– Да, господин. Легат просит твоей помощи в форте. А еще он просил тебя привезти с собой человека по имени Цирон.

– Работы осталось совсем немного, парень. Почти закончен последний пролет.

– Легат приказал явиться немедленно.

Рений нахмурился, потом, прищурившись, внимательно посмотрел вверх. Только глупец способен кричать что-то человеку, который тащит камень едва ли не тяжелее самого себя. Но Цирон уже закончил работу и теперь стоял, вытирая тряпкой пот со лба. Рений набрал в легкие побольше воздуха:

– Спускайся, Цирон! Нас с тобой ждут в форте!

Яркое солнце припекало всюду, но Октавиан не ощущал жары: спасал свежий ветер. Его отряд в пятьдесят всадников галопом несся вниз с самого крутого холма из всех, которые приходилось видеть юноше. Если бы он сам сегодня рано утром не осмотрел склон, то ни за что не решился бы на подобный головокружительный спуск. Но земля была плотной и достаточно ровной, так что никто из опытных всадников не пострадает. И правда, сейчас все они уверенно справлялись с задачей, управляя лошадьми твердой рукой, и крепко держались в седле. Нечего и говорить, на таком крутом склоне и при такой скорости сделать это совсем не легко. Октавиан поморщился – седельная лука больно ударила в пах.

Брут выбирал холм вместе с юношей, желая испытать реальную силу и искусство всадников. Сейчас он ожидал их со своей центурией внизу, у подножия холма. Даже на скаку Октавиан заметил, как волнуются воины, инстинктивно стремясь уйти в сторону от копыт бешено несущихся вниз лошадей.

Пытаясь перекричать грохот, Октавиан приказал воинам выстроиться в линию. Всадники рассыпались по холму, а потому пришлось напрягаться изо всех сил, чтобы привлечь внимание поглощенных спуском людей. Отчаянно удерживаясь коленями, Октавиан привстал в седле и вытащил из ножен меч. От такого положения ноги в стремях отчаянно сводило, но юноша терпел и мчался вперед.

У подножия холма склон оказался неожиданно пологим, и Октавиан с трудом удержал равновесие. Отряд на полном ходу ворвался в построенную ровными рядами центурию. Ожидающие всадники крепко держали лошадей, сохраняя достаточную дистанцию. Несущиеся на

головокружительной скорости воины всего лишь за несколько секунд пролетели сквозь стройные ряды центурии и показались на равнине, в противоположном ее конце. Промчавшись мимо офицера, Октавиан успел заметить, как тот побледнел.

Юноша возбужденно приказал своим людям развернуться и перестроиться. Кое-кто из воинов не мог сдерживать улыбки; на лицах читалось облегчение – все прошло успешно. Они спокойно подъехали к отряду Брута. Его всадникам сегодня тоже потребовалось немало храбрости, выдержки и хладнокровия.

Брут заговорил, слегка повысив голос, чтобы все могли слышать его слова:

– Да, если нужно, мы действительно можем быть устрашающей силой. Когда вы приближались, даже я едва не умер со страху, хотя твердо знал: вы должны лишь проскочить сквозь наши ряды.

Воины Октавиана радостными криками приветствовали откровенное признание, хотя и не слишком ему поверили. Кто-то похлопал юношу по плечу, а сам Брут повернулся к нему с широкой улыбкой:

– Ну вот, теперь вы и сами знаете, на что способны. Осталось проверить вашу выдержку. Стройтесь широкими рядами, а я поведу своих всадников вверх. Поменяемся ролями. Октавиан, держи отряд крепко, особенно когда мы окажемся совсем рядом. Уверен, ты многому научишься.

Октавиан, еще не успев остыть от возбуждения атаки, усилием воли подавил неизвестно откуда взявшуюся нервозность и улыбнулся. Брут спешил, чтобы вести коня вверх по крутому склону, но в эту минуту заметил приближающегося всадника.

– Что бы это значило? – словно про себя пробормотал он.

Всадник спешил и поднял руку в приветственном салюте:

– Легат Цезарь просит тебя и Октавиана явиться в форт.

Брут понимающе кивнул и с улыбкой повернулся к своей отборной сотне:

– Представьте, что ваши офицеры погибли в первой атаке. Неужели вы запаникуете и позволите хаосу завладеть рядами? Продолжайте без нас. Надеюсь, что, когда вы вернетесь в форт, я услышу подробный доклад об успешном завершении учений.

Октавиан и Брут последовали примеру посыльного и повернули коней. А уже через пару секунд они галопом скакали в сторону форта.

Кабера с детским восторгом провел пальцем по голубому шелку. Его удивлению и восхищению не было предела – словно малое дитя, он радовался изысканным украшениям, которые Сервилия заказала в Риме для своего заведения, «Золотой руки», и хозяйка уже начала сердиться. Однако Кабера никак не мог остановиться: вот он бросился в другую сторону и, взяв в руки изящную статуэтку, начал внимательно ее рассматривать.

– Итак, теперь ты видишь, – снова начала Сервилия, – что я пытаюсь создать благородное, чистое заведение, а некоторые солдаты пользуются толченым мелом, чтобы запудрить сыпь...

– И все это ради удовольствия! – продолжал восторгаться Кабера, едва слушая ее слова. – О чем тут говорить, я готов умереть в таком доме!

Сервилия нахмурилась, а он отошел к краю устроенного в полу углубления, устеленного шелковыми подушками. Вопросительно взглянул на хозяйку, но та лишь решительно покачала головой:

– Юлий сказал, что ты хорошо разбираешься в кожных болезнях. Я готова хорошо платить, если ты согласишься обслуживать мое заведение.

Ей пришлось сделать паузу, так как веселый старик все-таки прыгнул на кучу подушек и, радостно хихикая, начал кататься по ним.

– Работа нетрудная, – упрямо гнула свою линию Сервилия. – Мои девочки и сами распознают проблему, если увидят симптомы, однако на случай возможных разногласий мне необ-

ходим человек, способный профессионально заняться... ну, скажем, проблемным мужчиной. Я прошу поработать временно, до тех пор пока не найдется постоянный доктор из города.

Кабера продолжал хулиганить, а Сервилия изумленно наблюдала за его проделками.

– Зарплата – пять сестерциев в месяц, – выложила она главный козырь.

– Пятнадцать, – неожиданно став серьезным, потребовал Кабера.

Пока хозяйка изумленно обдумывала услышанное, он быстро поднялся и аккуратно расправил старую рубашку.

– Не больше десяти, милый. За пятнадцать я запросто могу нанять местного врача и поселить его здесь, чтобы он был всегда под рукой.

Кабера презрительно фыркнул:

– Во-первых, местные ничего не знают, а во-вторых, вы просто потеряете комнату, и все. Согласен на двенадцать, но предупреждаю, что беременностями заниматься не буду. Для этих дел нанимайте кого-нибудь еще.

– У меня здесь не какой-нибудь захудалый притон, – вспыхнула Сервилия. – А мои девочки, как все женщины, прекрасно умеют следить за луной. Больше того, каждая из них знает, что стоит ей попасть впросак, как она тут же получит расчет. Впрочем, обычно они снова возвращаются – уже после того, как отлучат ребенка от груди. Десять – моя окончательная цена.

– Осмотр интимных мест наших солдат стоит еще пары сестерциев, уважаемая, – жизнерадостно стоял на своем Кабера. – А кроме того, я не прочь захватить с собой несколько подушечек.

Сервилия потеряла терпение:

– Эти подушечки стоят дороже твоих услуг, старик. Пусть будет двенадцать, но никаких подушек.

Кабера удовлетворенно потер руки:

– Полагаю, плата за первый месяц работы – вперед. Да и чарка вина не помешала бы, в честь успешной сделки.

Сервилия открыла было рот, чтобы произнести очередную колкость, но тут за ее спиной раздалось деликатное покашливание. Зашла Нади, одна из новых девушек, лишь недавно поступивших на работу. Глаза ее были тщательно подведены и казались настолько же жесткими, насколько мягким и нежным было тело.

– Госпожа, у входа ждет посланник из легиона.

– Веди его сюда, Нади, – изобразив улыбку, распорядилась Сервилия. Как только девушка удалилась, хозяйка, словно оса, накинулась на врача: – Вылезай оттуда, быстро. Не заставляй краснеть за твое поведение.

Кабера выбрался из шелковой ямы, не забыв засунуть под рубашку маленькую подушечку: благо Сервилия в этот момент отвернулась, приветствуя гонца.

На щеках молодого человека пылал румянец, и по лукавой улыбке стоящей рядом Нади Сервилия догадалась, что девушка уже успела с ним поговорить.

– Госпожа, Цезарь просит тебя явиться в форт. – Молодой человек взглянул на Каберу. – И тебя тоже, целитель, – добавил он. – Мне поручено сопровождать вас обоих. Лошади ждут у крыльца.

Сервилия задумчиво потерла лоб, не обращая ни малейшего внимания на то выражение, с которым смотрел на нее гонец.

– А мой сын там будет? – уточнила она.

Гонец коротко кивнул:

– Созывают всех, госпожа. Осталось разыскать только центуриона Домиция.

– О, это совсем не трудно сделать, – с едва заметной иронией заметила Сервилия. – Он наверху.

Сказав это, красавица с интересом наблюдала, как огненный румянец молодого человека опустился со щек на шею и пополз дальше – под тунику. Она почти слышала, как бешено колотится в его груди сердце.

– На твоём месте я не спешила бы подниматься к нему.

Все расселись в просторной комнате с окнами во двор. Встречаясь взглядами, они не могли не заметить всеобщего возбуждения. Юлий стоял у окна, ожидая появления последнего из приглашенных. С гор в комнату залетал прохладный ветерок, слегка освежая разгоряченные движением и волнением лица, однако напряжение все равно оставалось почти болезненным, едва выносимым. Кабера неожиданно вытащил из-под рубашки шелковую подушечку, и Октавиан нервно засмеялся. Рений держал кубок с вином так крепко, словно хотел его раздавить.

Как только охранник плотно закрыл дверь, Брут осушил свою чашу и усмехнулся:

– Ну, Юлий, ты собираешься поведать, зачем так спешно собрал нас всех?

Взгляды сосредоточились на человеке у окна. Обычная усталость неожиданно пропала, и он держался прямо, словно до блеска начищенные доспехи придавали сил.

– Друзья. Сервилия. Я хочу заявить, что наши дела в этой стране завершены. Пора возвращаться домой.

Последовало минутное молчание, а потом, словно очнувшись, все принялись бурно выражать свою радость, а Сервилия, словно девочка, запрыгала от восторга.

– Пью за приятную новость! – провозгласил Рений и залпом осушил кубок.

Юлий расстелил на столе карту, не забыв прижать ее по углам, и все столпились вокруг. Сервилия почувствовала себя вдали от общего дела, но Цезарь с улыбкой взглянул на нее, и ощущение одиночества моментально исчезло. Все должно быть хорошо.

Мужчины принялись обсуждать, как лучше переправить пятитысячный легион из Испании в Рим. Сервилия же занялась собственными расчетами. Дело в «Золотой руке» лишь недавно наладилось. Кто же займется заведением после ее отъезда? У Ангелины полностью отсутствует деловая хватка. Если оставить дело в ее руках, через год услуги окажутся бесплатными. Может быть, Нади? Железное сердце и достаточно опыта. Но умно ли ей доверять? Не присвоит ли она половину дохода? Внезапно Сервилия услышала собственное имя и вернулась к реальности.

– ...нет, не сушей, во всяком случае сейчас. Сервилия подала хорошую идею при встрече с капитаном, который возит ей товары из Рима. Я прикажу мобилизовать все суда, которые в настоящее время ходят между Испанией и Римом. Выносить план за пределы этой комнаты не следует. Как только капитаны узнают, что их ждет, тут же сбегут в море, чтобы там переждать события.

– Почему ты решил уйти отсюда? – негромко поинтересовался Кабера.

Разговоры вокруг стола стихли, а Юлий, не убирая палец с карты, поднял голову.

– С Испанией покончено, – веско ответил он. – Сейчас мое место не здесь. Ты же сам мне это говорил. Если я дослужу здесь до окончания срока, Помпей отправит меня в очередную ссылку, подальше от родного города. А в случае отказа это назначение и вообще окажется последним. Консул не дает второго шанса. – Юлий едва заметно постучал пальцем по кружку на карте – за этим кружком стоял его любимый Рим. – В конце года состоятся выборы двух консулов. Я возвращаюсь на родину, чтобы попытаться занять одну из почетных должностей.

Кабера пожал плечами:

– Ну попробуешь, а потом? Неужели будешь сражаться за город, подобно Сулле?

Юлий застыл, устремив неподвижный взгляд на Каберу.

– Нет, старина, – наконец негромко произнес он. – Помпей уже ничем не сможет мне навредить. Заняв место консула, я обрету неприкосновенность. И снова окажусь в гуще событий.

Кабера хотел было прекратить препирательства, однако упрямство взяло верх над рассудком.

– Хорошо. А после? Брут будет муштровать Десятый легион, а ты – сидеть и сочинять законы, которые никто не сможет понять? Или, как и здесь, займешься картами и мостами? – Рений схватил Каберу за плечо, пытаясь заставить его замолчать, но старик не желал подчиняться. – Если сумеешь открыть пошире глаза, то сразу увидишь, что на самом деле существует множество куда более важных проблем.

Рений сжал худую руку, и Кабера поморщился от боли.

– Если мне удастся стать консулом, – медленно и веско произнес Цезарь, – то я заберу все, что люблю, самые дикие места, которые смогу разыскать на земле. Ты это хочешь от меня услышать? Что Испания для меня слишком спокойна и мала? Я знаю. И сумею найти собственный путь, Кабера. Боги любят Рим и внимательно слушают тех, кто разговаривает с ними из этого города. А отсюда до них труднее докричаться.

Юлий улыбнулся, пытаясь за улыбкой скрыть разгоревшийся гнев, и, обернувшись, заметил, что Сервилия внимательно наблюдает за ним из-за плеча Октавиана. Рений отпустил плечо лекаря, и старик пронзил его злым взглядом.

Чтобы как-то сгладить конфликт, Брут решил обсудить детали похода:

– Если начать собирать корабли уже сегодня вечером, то когда их окажется достаточно, чтобы погрузить весь Десятый легион?

Юлий едва заметно склонил голову в знак благодарности:

– Самое большее через месяц. Я дал знать в городе, что нам потребуются капитаны для перевозки крупного груза. Думаю, тридцати кораблей будет вполне достаточно. Сенат ни за что не позволит мне подойти к Риму целым легионом, в полном его составе, а потому мне потребуется лагерь на побережье. Я возьму с собой золото. Для осуществления моих планов его у нас вполне достаточно.

Сервилия внимательно слушала бесконечные споры. Солнце уже садилось, но, кроме нее, этого никто не заметил. Почти не обратили внимания и на охранника, который вошел неслышным шагом и зажег лампы. Через некоторое время единственная присутствовавшая на совете женщина тихо вышла, чтобы заняться собственными приготовлениями к отъезду. Прохладный ночной воздух приятно освежал – в комнате было душно.

Сквозь открытые окна голоса спорящих разносились по всему двору. Часовые у ворот увидели Сервилию и нетерпеливо шагнули навстречу.

– Правда, что мы возвращаемся в Рим, госпожа? – не выдержал один из них.

Не приходилось удивляться подобной осведомленности. Она сама нередко получала самую ценную информацию от людей низших сословий.

– Правда, – коротко ответила Сервилия.

Часовой улыбнулся:

– Пора домой.

Когда Десятый легион действовал, он действовал быстро. Уже за день до совета десять самых крупных судов, стоящих в порту Валенсии, арестовали. К ярости капитанов, драгоценный груз без всяких церемоний выбросили на берег и отправили на склады до лучших времен. Все это делалось для того, чтобы освободить места для воинов, снаряжения и сопутствующего груза.

Все хранившееся в форте золото тщательно упаковали и отправили на корабли, не забыв выставить надежную охрану вдоль всей дороги в порт, буквально на каждом метре пути. Горны и наковальни кузнецов разобрали и привязали к массивным деревянным волокушам. Волы тянули их до самой пристани, а потом и дальше – в темные трюмы кораблей. Мощные военные баллисты оказались расчлененными на отдельные части и тоже отправились на суда, так что

устойчивые торговые корабли погружались все глубже и глубже по мере того, как с берега приносили бесконечную поклажу. Чтобы выйти из гавани, флоту потребуется самый высокий прилив, и Цезарь рассчитал день заранее – отплытие было назначено ровно через месяц после формального объявления о возвращении на родину. Если все пойдет так, как предусмотрено, без непредвиденных обстоятельств, то в Рим Десятый легион прибудет за сто дней до выборов новых консулов.

Назначенный Юлием наместник оказался человеком весьма честолюбивым, так что не приходилось сомневаться в том, что он будет работать как раб ради сохранения новой должности. После ухода легионеров не начнется никаких беспорядков – дисциплина сохранится на такой же высоте, как и при римлянах. По приказу Цезаря наместник перевел на восток страны две когорты, состоящие из местных жителей, которые уже несколько лет служили римлянам. Этим сил казалось вполне достаточно для поддержания мира и порядка, и Юлий с удовольствием думал о том, что все проблемы теперь будет решать кто-то другой.

Однако, прежде чем корабли смогли бы выйти в море, предстояла еще огромная работа. Цезарь продолжал изнурять себя заботами, отказываясь от еды и сна. Он устраивал встречи с важными людьми из самых дальних уголков страны, старательно объясняя им, что же именно происходит. Богатые прощальные дары обеспечивали римлянам всеобщую поддержку и благословение всех испанских провинций.

Наместник тоже получил приятный сюрприз. Во-первых, он с радостью услышал о том, насколько прибыльными стали рудники за время правления Цезаря. Во-вторых, ему предоставили возможность взять в казне легиона значительный заем, выплатить который предстояло в течение последующих пяти лет. Не важно, кто будет занимать пост к концу этого срока, – главное, что долг останется долгом. Разработка рудников и приисков должна продолжиться, и часть нового богатства, несомненно, будет декларирована. Однако не раньше, чем должность превратится в постоянную, не без хитрости отметил про себя Юлий. Не стоит возбуждать жадность людей, подобных Крассу.

Выйдя во двор, Цезарь невольно зажмурился – солнце палило нещадно. Ворота стояли распахнутыми настежь, и в форте царило некое запустение, напомнившее о заброшенной деревне с валяющейся на земле статуей Александра Великого. Сравнение не слишком приятное. Утешало, однако, то, что уже наутро должны были прибыть испанские когорты, а с их появлением форт ожидала новая жизнь.

Солнечный свет помешал заметить стоящего возле ворот молодого человека. Он явно ожидал легата. Юлий свернул к конюшням, но в этот момент человек заговорил и вывел его из глубокой задумчивости. Рука бывшего воина сама собой легла на рукоятку меча.

– Легат! У тебя не найдется для меня свободной минутки? – спросил юноша.

Юлий всмотрелся и узнал говорящего. Его имя, кажется, Адан. Когда-то его помиловали.

– В чем дело? – нетерпеливо поинтересовался Юлий.

Адан подошел ближе, и Юлий крепче сжал меч. Он не сомневался, что в случае необходимости без труда справится с молодым испанцем. Но ведь за ним могут оказаться и другие. Опыт подсказывал, что нельзя терять бдительности. Глаза скользнули к воротам, пытаясь определить, не появился ли возле них кто-нибудь еще.

– Мэр нашего города, уважаемый Дель Субио, сказал, что тебе нужен писарь. Так вот, я хорошо умею и читать, и писать по-латыни.

Цезарь взглянул на него с нескрываемым подозрением.

– А Дель Субио не сказал тебе, что я собираюсь возвращаться в Рим? – поинтересовался он.

Юноша кивнул:

– Это знают все. Мне очень хочется увидеть Рим, но для этого нужна работа.

Юлий смерил парня внимательным, оценивающим взглядом. Он верил в свою безошибочную интуицию. Нет, у юноши открытое, честное лицо. Вполне возможно, что испанец не кривит душой, хотя мотивы его и вызывают подозрение, особенно в нынешних обстоятельствах.

– Бесплатно добраться до Рима, а потом раствориться на рыночной площади? Так, Адан? – уточнил он.

Юноша лишь пожал плечами:

– Даю честное слово. Больше мне нечего прибавить. Я умею хорошо работать и очень хочу посмотреть мир. Вот и все.

– А почему ты решил работать именно на меня? Ведь на твоих руках лишь недавно высохла римская кровь.

Адан густо покраснел, но гордо поднял голову, словно решив не сдаваться так просто:

– Ты человек чести, легат. В то время, когда я всеми силами души мечтал об освобождении родины от римлян, ты поступил совершенно неожиданно. Клянусь, я сделаю все, чтобы ты не пожалел о том, что взял меня.

Цезарь нахмурился. Судя по всему, парень не осознает опасности собственных слов. Помнит ли он о том, как стоял в длинной комнате перед воинами, из последних сил пытаясь обуздать страх?

– Мне еще предстоит научиться доверять тебе, Адан, а это придет только со временем. Все, что я буду тебе говорить, может быть продано за огромные деньги. Сможешь ли ты хранить тайну?

– Как ты сам только что сказал, это прояснится со временем. Мое слово надежно.

В этот момент Юлий наконец принял решение, и взгляд его посветлел.

– Ну что ж, хорошо, Адан. Поднимись в мою комнату и принеси бумаги, которые лежат на столе. Я продиктую письмо и посмотрю, на что ты годишься. Затем ступай прощаться с родственниками. Мы отплываем в Рим через три дня.

Глава 7

Бруту было плохо. Его рвало. Стоя на палубе и перегнувшись через поручни, он едва не выворачивался наизнанку.

– Я совсем забыл, каково это... – жалобно простонал он.

Цирон в ответ лишь махнул рукой. Ему самому было ничуть не лучше. Только что в море отправились последние капли выпитого в Валенсии вина. Порыв ветра донес до обоих брызги омерзительной жидкости. Брут с отвращением вздрогнул.

– Отодвинься от меня, осел, – прохрипел он.

Желудок уже давно опустел, но спазмы начались снова, и Брут беспомощно сморщился от ощущения страшной горечи во рту.

С востока надвигались темные тучи, а испанский берег остался за кормой. В ожидании шторма корабли отошли подальше друг от друга. Те, что шли на веслах, сохраняли некоторую видимость управления, хотя из-за качки палубы по очереди оказывались слишком высоко над водой, чтобы весла могли достать до нее. Капитаны, предпочитавшие паруса, надеялись на якоря, огромные тюки ткани и бревна, которые могли замедлить ход судна, оказывая ветру некоторое сопротивление. Впрочем, все уловки были почти бесполезны. Шторм принес с собой тьму, и корабли потеряли друг друга из виду, сражаясь с бушующими волнами в полном одиночестве.

Очередной вал накрыл палубу. Брут, вздрогнув, из последних сил уцепился за поручень, но деревянный настил все равно уходил из-под ног. Весла беспомощно барахтались в мощных

ударах волн, и оставалось лишь гадать, будет угодно небесам пощадить суденышко или же скоро придет конец.

Вокруг царила кромешная тьма – такая густая, что невозможно было разглядеть стоящего неподалеку Цирона. Зато стоны великана были слышны даже сквозь рокот волн. Брут закрыл глаза. Ведь когда-нибудь это мучение должно закончиться? Все шло хорошо до тех пор, пока они не вышли в открытое море и не началась дикая, жестокая качка. Именно тогда и подступила тошнота – она затмила весь мир и заставляла стоять на палубе, крепко держась за поручни и склонившись над водой. Ему хоть повезло: он стоял на корме. Тем же, кто остался в трюме, еще хуже. То, что там творилось, могло сравниться лишь с ночным кошмаром.

Та часть его сознания, которая еще не потеряла способность думать о чем-то, кроме морской болезни, подсказывала, что, прежде чем зайти в порт Остии, кораблям придется на день-другой задержаться, став на якорь. Ведь необходимо привести суда в надлежащий вид, да и воинам Десятого легиона не помешает вернуть былой лоск. Войди они в порт в таком виде, как сейчас, рабочие непременно решат, что войско потерпело сокрушительное поражение в какой-нибудь страшной битве.

За спиной раздалися шаги. Брут обернулся, пытаясь разглядеть человека, однако темнота поглотила фигуру.

– Кто здесь? – хрипло спросил Брут.

– Юлий, – бодро ответил подошедший. Судя по всему, на него шторм не действовал. – Я принес тебе воду. По крайней мере будет с чем выворачиваться наизнанку.

Страдалец слабо улыбнулся и, взяв флягу, крепко прижал к губам бронзовое горлышко. Однако качка не сразу позволила сделать хотя бы несколько глотков. Цирон протянул руку и с шумом влил в себя чуть ли не половину содержимого.

Брут понимал, что надо спросить о состоянии лежащих в трюме людей, о курсе, которого они должны придерживаться, чтобы беспрепятственно пройти между островами Сардиния и Корсика... Но ему было настолько плохо, что просто не хватало сил чем-то интересоваться. Голова раскалывалась от тошноты и слабости; удалось лишь слабо махнуть рукой, словно прося прощения.

Судно отчаянно накренилось, и все трое потеряли равновесие. В трюме что-то загрохотало. Юлий поскользнулся на вставшей на дыбы палубе и непременно упал бы, не поддержи его мощной рукой Цирон. Цезарь благодарно похлопал спасителя по плечу.

– В такой тьме трудно вести корабль, – пожаловался он. – Не видно ни земли, ни других судов. Завтра тебе предстоит ночная вахта – вместе со мной. Как только шторм закончится, не сможешь оторвать глаз от звездного неба – такая красота. Не волнуйся, морская болезнь никогда не продолжается больше пары дней.

– Надеюсь, – с сомнением согласился Цирон.

Ему не нравилось, что Юлий ведет себя так легкомысленно и до неприличия жизнерадостно, когда все вокруг ожидают неминуемой смерти. Что касается его самого, то он готов пожертвовать месячным жалованьем, лишь бы хоть на час избавиться от мучений.

Держась за поручни, Юлий пошел по палубе дальше, собираясь поговорить с капитаном. Казалось, торговец уже полностью смирился со своей участью и даже снизошел до разговоров с заполнившими его корабль воинами. Опытный моряк предупредил незваных пассажиров, чтобы те вели себя в шторм как можно осторожнее.

– Если кого смоеет волной, считайте, вам конец. Даже если бы мне и удалось повернуть назад – а это невозможно, – все равно в такой сумятице в море человека не разглядеть. Так что проще не бороться за жизнь, а глотнуть побольше воды и отправиться на дно. Во всяком случае будет быстрее, да и мук поменьше.

– Мы на курсе, капитан? – поинтересовался Юлий, подойдя вплотную к согнувшемуся под ветром человеку в тяжелом плаще.

– Узнаем, когда сядем на мель возле Сардинии. Правда, я проходил здесь много раз, – спокойно ответил капитан. – Ветер дует с юго-востока, а мы идем против него.

В полной темноте рассмотреть лицо капитана было невозможно, но голос звучал совершенно спокойно. Едва на корабль обрушились первые порывы мощного ветра, опытный морской волк приказал крепче привязать рулевые весла под углом и занял свой пост, время от времени отдавая распоряжения незаметно шнырявшим в темноте матросам.

Держась за перила, Юлий раскачивался вместе с судном. Ему было весело. Плавание на «Ястребе», которым командовал капитан Гадитик, казалось далеким до нереальности. Однако стоило лишь дать волю воображению, и оно тут же переносило в другое время и в другое море. Интересно, помнит ли те давние дни Цирон? Тогда им обоим не раз пришлось рисковать жизнью в погоне за пиратом, потопившим небольшое суденышко.

Цезарь закрыл глаза, вспоминая тех, кто погиб во время этого преследования. Особенно жаль Пелиту – он был очень хорошим человеком. В те времена жизнь казалась совсем простой, а жизненный путь – ясно предначертанным. Сейчас же вдруг открылось слишком много возможностей – столько, что вполне хватило бы сразу на нескольких человек. Если удастся получить место консула, можно будет или остаться в Риме, или повести свой легион в новые земли – в любую точку земли. Александр уже делал это до него. Юный царь повел свое войско на восток – туда, где встает солнце, в земли такие далекие, что многие даже не верили в их существование. Душа Юлия стремилась к той дикой свободе, которую полководец познал в Африке и Греции. Там ему не приходилось никого убеждать, не требовалось держать ответ. Задача состояла лишь в том, чтобы прокладывать новые пути.

Мысль заставила улыбнуться. Испания осталась далеко позади, и шторм снял с плеч все волнения, обязательства, сложившиеся и разрушенные отношения.

В темноте раздались торопливые шаги – кто-то еще спешил расстаться с содержимым собственного желудка. Юлий услышал отчаянный голос Адана; молодой человек в полной темноте столкнулся с Цираном и крепко выругался.

– Ты что, слон? – воскликнул испанец. – Посторонись, махина!

Цирон лишь слабо, задавленно хихикнул, радуясь, что в полку страдалцев прибыло.

В эту минуту стеной полил дождь, и где-то впереди тьме неожиданно прорезал слепящий зигзаг молнии. Все невольно пригнулись.

Невидимый в крошечной тьме, Цезарь воздел руки в благодарственной молитве. Он приветствовал шторм. Рим маячил впереди, и молодой военачальник чувствовал себя сильным, как никогда раньше.

Дождь безжалостно заливал город. Александрия пыталась успокоиться, убеждая себя, что рядом с ней двое телохранителей, однако внезапно нависшая тьма внушала ужас. Едва померкло солнце, как улицы опустели. Горожане поспешили по домам, крепче заперли двери и зажгли лампы. Мощная мостовая на глазах превращалась в поток густой липкой грязи, в которой вязли ноги. Споткнувшись о невидимый камень, Александрия чуть не упала и невольно поморщилась – испачкаться совсем не хотелось.

Света на улицах не было, и каждая встречная фигура пугала. Как раз в такое время и выходят на охоту насильники и грабители, так что надеяться можно лишь на отвагу и силу Тедия и его сына.

– Не отставайте, госпожа, – раздался впереди голос Тедия. – Уже совсем близко.

В темноте с трудом можно было различить фигуру говорившего, однако уверенный голос внушал спокойствие и помогал преодолеть страх.

Неожиданно ветер принес тошнотворный запах экскрементов, и Александрия невольно зажала рукой рот и нос – как отвратительно! Здесь трудно не испугаться. Тедий уже далеко не

молод, а старая рана делает его походку не просто неровной, но даже комичной. Сын же угрюм настолько, что неизвестно, до какой степени ему вообще можно доверять.

Проходя по улице, Александрия то и дело слышала стук задвигаемых засовов – горожане спешили закрыться от незваных гостей. В Риме никто не защищал честных людей от разбойников, так что выходить на улицу в темноте отваживались лишь те, кто мог позволить себе охрану.

Впереди, на углу, неожиданно показалась группа людей – темные тени внимательно наблюдали за шагающими по улице тремя прохожими. Александрия невольно вздрогнула и тут же услышала, что Тедий вытаскивает охотничий нож. Если не переходить на другую сторону, неизбежно придется миновать опасную компанию. Девушка с трудом подавила желание броситься бегом. Она прекрасно понимала, что, оставшись без охранников, будет совершенно беззащитна перед бандитами, и лишь это удерживало ее на месте. Сын Тедия пошел рядом, так близко, что едва не касался рукавом ее руки, однако даже это не принесло ощущения безопасности.

– Ну вот, мы почти и дома, – громко произнес Тедий, скорее не госпоже, а стоящим на углу людям, ведь Александрия знала дорогу не хуже его самого.

Голос охранника звучал совершенно спокойно. Проходя мимо незнакомцев, он прижал нож к ноге. Разглядеть в темноте лица было невозможно, но девушка ощутила определенный запах мокрой шерсти и чеснока. Один из стоящих задел ее плечом, и она едва не упала. Сын Тедия поднял меч, словно отгораживая им госпожу. Люди даже не шевельнулись, и девушка ощутила сосредоточенные на себе враждебные взгляды. Напряжение достигло предела: одно неловкое движение, и разбойники нападут.

Наконец опасное место осталось за спиной. Тедий крепко сжал руку госпожи, а его сын занял позицию с другой стороны.

– Ни в коем случае не оборачивайтесь, – шепотом приказал телохранитель.

Девушка кивнула, хотя и понимала, что движения головы в темноте никто не заметит. Интересно, идут ли разбойники следом, словно стая бродячих собак? Так хочется посмотреть! Но Тедий неумолимо тянул за руку, стремясь уйти от опасности как можно дальше. От напряжения и волнения хромота его усилилась, а дыхание стало сбивчивым и тяжелым. Он никогда не жаловался, но правая нога его находилась в самом плачевном состоянии и порою отказывалась служить.

А дождь продолжал равнодушно стучать по крышам домов, в которых уютно устроились люди, достаточно разумные, чтобы не высовывать нос во тьму, да еще в такую погоду.

Александрия отважилась оглянуться, но ничего не увидела и лишь рассердилась. Сенаторам не приходится бояться так, как ей! Они никогда не выходят на улицу без вооруженной охраны, и бандиты даже близко к ним не суются, зная, что с этой силой им тягаться не дано. Бедные люди не могли похвастать такой защитой. Кражи и потасовки случались даже среди бела дня. Нередко кто-то так и оставался лежать на дороге, а виновные спокойно уходили, прекрасно зная, что разыскивать их не будут.

– Почти пришли, госпожа, – повторил Тедий и на сей раз не солгал.

В голосе охранника чувствовалось облегчение, и девушка попыталась представить, что могло бы произойти, если бы бандиты вытащили ножи. Дрался бы он за нее до последнего или просто бросил на милость победителей?.. Нанять еще одного телохранителя? Но ведь и в его преданности не будет никакой уверенности.

Еще пара поворотов, и все трое вышли на ее улицу. Дома здесь выглядели приличнее, чем в тех лабиринтах, по которым они только что пробирались, но и грязь почему-то была гуще и глубже. Неудачный шаг – и мокрый комок залетел под накидку, попав на колено. Пропала еще одна пара сандалий. Кожа уже не будет выглядеть свежей, как ее ни отмывай.

Негромко кряхтя от боли в ноге, Тедий первым подошел к двери и постучал. Воцарилось молчание, мужчины настороженно озирались, опасаясь, что на улице кто-нибудь появится. Совсем недавно на соседней улице на женщину напали прямо возле ее собственного дома, и никто не отважился прийти на помощь.

За дверью слышались тяжелые шаги.

– Кто там? – раздался голос Атии, и Александрия наконец-то вздохнула с облегчением.

Ну вот, теперь она действительно дома. Этот голос она знает с детства. Атия – кухарка, живет в доме, и ближе нее у Александрии никого нет.

– Это я, Ати, – отозвалась девушка.

Дверь открылась, выпустив на крыльцо узкую полоску света, и Александрия быстро прошмыгнула внутрь. Тедий и его сын плечом к плечу стояли сзади, словно живая стена. Они вошли в дом за ней, сын накрепко задвинул засов, и лишь тогда Тедий спрятал нож в карман и с облегчением вздохнул.

– Спасибо вам обоим. – Благодарность госпожи прозвучала вполне искренне.

Молодой человек промолчал, а Тедий, постучав по крепкой двери, словно для уверенности, проворчал:

– Мы за работу деньги получаем.

Александрия заметила, что телохранитель стоит, не опираясь на больную ногу, и сердце ее исполнилось сочувствия. Поистине, существуют разные формы мужества.

– Я принесу чего-нибудь горячего, а ты пока займись ногой, – предложила она.

Удивительно, но Тедий слегка покраснел:

– В этом нет необходимости, госпожа. Мы с мальчиком сами позаботимся о себе. Может быть, попозже.

Александрия молча кивнула, не зная, стоит ли настаивать. Похоже, любое проявление симпатии смущало Тедия. Судя по всему, за труд он не ждал от хозяйки ничего, кроме регулярной платы. Что ж, пусть будет так. И все-таки сегодня она чувствовала себя не в своей тарелке, а потому никак не хотела оставаться в одиночестве.

– Вы оба наверняка проголодались, а на кухне есть холодная говядина. Мне было бы приятно, если бы вы, после того как освободитесь, разделили с нами ужин.

Атия нетерпеливо переступала с ноги на ногу, а Тедий что-то внимательно разглядывал на полу. Наконец, словно собравшись с духом, он поднял голову:

– Если настаиваете, госпожа.

Охранники отправились по своим комнатам, а Александрия смотрела им вслед, словно не желая расставаться. Потом перевела взгляд на Атию и невольно улыбнулась: лицо поварахи было сурово.

– Ты слишком добра. Толку от них мало, что от отца, что от сына. Дай им волю, так они стесняться не станут. Слуги не должны забывать свое место. Им платят деньги, и этого вполне достаточно.

Александрия засмеялась. Напряжение сегодняшнего трудного вечера наконец-то начало спадать. Вообще-то, Атия и сама была служанкой, хотя этого никто и никогда не упоминал. Александрия познакомилась с ней, когда разыскивала в городе чистую и респектабельную квартиру. А когда ювелирное дело окрепло и начало приносить стабильный доход, Атия переехала вместе с новой хозяйкой в просторный дом, чтобы поддерживать в нем порядок и готовить еду. Взяв на себя роль домоправительницы, она тиранила других слуг, зато благодаря ее стараниям дом действительно походил на дом.

– Я рада, что они сопровождали меня, Атия. Если бы не они, я вполне могла бы попасть в лапы разбойников. Пара стаканов горячего вина – не слишком щедрая плата за добросовестную службу и мою безопасность. Пойдем же, я проголодалась.

Атия в ответ лишь фыркнула, однако послушно направилась в кухню.

Зал сената ярко освещали несколько дюжин укрепленных на стенах ламп. В его гулком пространстве было тепло и сухо, хотя на улице продолжался дождь, так что присутствующие не слишком спешили по домам, не желая промокнуть. День прошел в обсуждении городского бюджета и в нескольких этапах голосования: решалось, стоит ли выделять крупные суммы тем легионам, которые, находясь в дальних странах, поддерживают там власть Рима. Деньги казались поистине громадными, но, к счастью, казна не пустовала, так что запасов вполне могло хватить еще на год. Несколько самых пожилых сенаторов позволили себе вздремнуть в тепле и уюте, и лишь ужасная погода мешала им спокойно отправиться домой – к вкусному ужину и мягкой постели.

На трибуне стоял сенатор Пранд. Обводя взглядом полукруглый амфитеатр зала, он искал поддержки. Раздражало поведение Помпея – пока Пранд объявлял свою кандидатуру на следующий консульский срок, он преспокойно беседовал с соседом. Помпей сам просил Пранда назвать свое имя, мог хотя бы изобразить уважение к выступающему.

– Если меня выберут на почетную должность, я непременно соберу всех, кто занимается чеканкой денег, под одной крышей и установлю единую денежную единицу, на которую жители города смогут положиться. Сейчас у нас в ходу слишком много различных монет, и все они считаются золотыми и серебряными. Каждый торговец вынужден их взвешивать, чтобы понять, что же ему дают на самом деле. Единый монетный двор, подчиняющийся сенату, наведет порядок в расчетах.

Помпей заметил, как Красс нахмурился, и спросил себя, уж не он ли виновен в появлении некоторых из тех фальшивых монет, которые приносят столько неприятностей. Вполне возможно, что именно так оно и есть.

– Если граждане даруют мне право на консульское кресло, я непременно буду действовать в интересах Рима и постараюсь восстановить веру в справедливость сената. – Помпей поднял голову, и Пранд замолчал, поняв, что позволил себе лишнее. Кто-то из присутствующих хмыкнул, и оратор совсем смутился. – Постараюсь добиться большей веры в сенат, – исправился он. – Необходимо уважение к власти и силе закона. Необходима справедливость, которую нельзя ни купить, ни продать. – Здесь Пранд снова замолчал, растерявшись и не зная, что говорить дальше. – Для меня было бы огромной честью служить своему народу. Благодарю.

Оратор закончил речь и с явным облегчением спустился с трибуны, заняв место в первом ряду. Сидящие рядом похлопали его по плечу, и он немного успокоился. Возможно, выступление прозвучало и не слишком плохо. Пранд взглянул на собственного сына, Светония, чтобы понять его реакцию, однако молодой человек с непроницаемым видом смотрел перед собой.

Помпей прошел между рядами и, поравнявшись с Прандом, улыбнулся. Те, кто позволил себе шепотом обмениваться впечатлениями, замолчали. Консул поднялся на трибуну. Пранд с раздражением отметил про себя его спокойствие и уверенность.

– Благодарю всех кандидатов за выступления, – начал Помпей, позволив себе сделать паузу и посмотреть на всех претендентов по очереди. – Хочу надеяться, что наш великий город найдет тех правителей, которые смогут посвятить жизнь борьбе за его благо, а не корыстной погоне за собственной наживой.

После этих слов в зале возникло оживление, и оратор, облокотившись на край трибуны, спокойно ждал, пока слушатели успокоятся.

– Выборы дадут возможность строителям обновить и увеличить это здание, а пока работа будет продолжаться, я готов предоставить для работы сената собственный новый театр. Надеюсь, он подойдет. – Помпей улыбнулся слушателям, и все в зале тоже улыбнулось: ведь театр консула был в два раза больше того здания, в котором они сейчас заседали, а кроме того, гораздо богаче и удобнее. Разумеется, возражений не последовало. – Помимо тех кандидатов, которых мы выслушали сегодня, могут появиться и новые – ведь выдвижение продолжится

еще десять дней. Прошу лишь заранее поставить меня в известность. А теперь, прежде чем мы отважimsя выйти под дождь, позвольте объявить об общем собрании граждан. Оно состоится на форуме ровно через неделю. Суд над Госпием отложим на неделю. Мы с Крассом хотим обратиться к народу. Если кто-то еще решит выступить, предупредите меня сегодня, до того как я уйду домой.

На какое-то мгновение Помпей встретился взглядом с Прандом. Все было оговорено заранее, и кандидат знал, что может рассчитывать на содействие более опытных коллег. Конечно, надо было отрепетировать выступление. Несмотря на обещания Помпея, слушатели в Риме совсем не просты.

– На сегодня работа закончена, сенаторы. Пора по домам. – Помпей произнес эти слова как можно громче, чтобы перекрыть барабанный по крыше дождь.

Шторм на море продолжался три дня. Он расшвырял корабли, отбросив их с намеченного курса. Когда наконец стихия успокоилась, суда, перевозившие Десятый легион, постепенно снова собрались в единый флот. На каждом из них кипела работа: ремонтировали весла и паруса, нагревали деготь, чтобы заделать щели и пробоины, в которые затекала вода. Как и предполагал Брут, Цезарь командовал встать на якорь вблизи Остии. Между кораблями без устали сновали юркие лодочки, подвозя припасы, оказывая различного рода услуги и высаживая на борт плотников, работы для которых было больше чем достаточно. Солнце быстро высушило палубы, и воины Десятого легиона старательно драили трюмы, не желая оставлять в них следов недавней унизительной и повальной морской болезни.

Наконец якоря подняли и очистили от ила. Корабли направились в порт. Юлий Цезарь собственной персоной гордо возвышался на носу первого из них. Он высоко поднял кубок с вином, демонстративно празднуя возвращение на родину. Слегка повернув голову, через плечо он заметил вереницу веселых кораблей, за которыми возвышались мачты парусников. В эту счастливую и волнующую минуту он ни за что не смог бы выразить нахлынувшие чувства словами. Впрочем, он не пытался даже определить их. Под свежим морским ветром головная боль давно прошла, и в знак благодарности за счастливое избавление от шторма полководец воскурил богам фимиам.

Цезарь считал, что Десятый легион должен разбить лагерь на берегу, недалеко от порта, а ему самому предстояла дорога в Рим. Конечно, и офицеры, и простые воины мечтали как можно скорее воссоединиться с семьями, но радостные встречи предстояли позже, после обустройства лагеря. Пять тысяч человек – огромный груз, который тяжело давил на плечи. Накормить их непросто, а здесь, в порту, цены гораздо ниже. При малейшей оплошности командира легион, словно саранча, мог проесть все привезенное из Испании золото. Хорошо хоть, что в гостиницах и домах терпимости солдаты расплачиваются из собственного жалованья.

Мысль о доме, о собственном поместье одновременно и взволновала, и расстроила Юлия. Да, он увидит подросшую дочку, сможет погулять с ней по берегу реки, которую отец запрудил так, что теперь она течет по их земле. Вспомнив отца, Цезарь перестал улыбаться. Семейный склеп ждал его как раз по дороге в город, так что первым делом ему предстояло встретиться с могилами ушедших близких.

Глава 8

Вдохнув горячий воздух бассейна, Красс сел на верхнюю ступеньку. По контрасту с разгоряченным телом мрамор казался почти ледяным, и перепад температур создавал ощущение волшебной легкости. Однако где-то в районе шеи все-таки чувствовался узел напряжения, и

поэтому, не прекращая беседы, консул махнул рукой, подзывая раба, чтобы тот хорошенько помассировал его.

Все те, кто составлял ему компанию в приятном времяпрепровождении, были его приближенными и проявляли почтительность и верность. Еще бы! Ведь каждый из них ежемесячно получал солидное денежное вознаграждение! Красс прикрыл глаза: раб принялся растирать плечи и шею сильными руками. Наконец, вздохнув от удовольствия, он заговорил снова.

– Мое служение в качестве консула не оставило заметного следа в городе, друзья, – произнес он. Компаньоны застыли в недоумении и нерешительности. Прежде чем они успели прийти в себя и произнести что-то, приличествующее случаю, Красс продолжил, подчеркивая каждое слово: – Я надеялся, что удастся сделать гораздо больше. Слишком мало свершений, указав на которые можно с гордостью заявить, что это дело моих рук. Судя по всему, заново заключенные торговые соглашения – это совсем не то, что волнует кровь наших сограждан. – Консул мрачно взглянул на приближенных и нарисовал на гладкой поверхности воды замысловатую фигуру. – Да, конечно, когда они жаловались на голод, я давал им хлеб. Но он заканчивался, а серьезных изменений не происходило. Я давал деньги на проведение скачек и на ремонт храма. И вот теперь я спрашиваю себя, вспомнят ли наши граждане когда-нибудь этот год и мое консульство.

– Мы поддерживаем тебя, – произнес кто-то.

Красс кивнул, не скрывая горечи:

– Видите ли, я не выигрывал войн им во благо. А потому они поют хвалу Помпею, совсем забыв старика Красса.

Приближенные избегали смотреть друг другу в глаза, опасаясь увидеть в них подтверждение слов консула. Красс словно почувствовал неуверенность и заговорил намеренно твердым голосом:

– Я не хочу, чтобы год моего служения оказался забытым, а потому купил для них еще день скачек. Это лишь начало. Пусть те, кто пользуется моей рентой, выберут лучшие билеты и приведут с собой семьи. – Замолчав, консул поднял руку, прося стакан прохладной воды, и раб, прервав массаж, исполнил пожелание. Красс снисходительно улыбнулся юноше и продолжил: – Уже готовы новые сестерции, на которых изображен мой профиль. Мне потребуется ваша помощь в распространении денег, друзья. Они должны попасть в самые бедные дома, причем не больше чем по одному на каждого взрослого члена семьи. Вам придется нанять охрану и носить с собой только небольшое количество монет.

– Ты позволишь высказать предложение? – спросил один из приближенных заемщиков.

– Разумеется, Парей, – разрешил Красс, величественно вздымая бровь.

– Надо непременно нанять людей и привести в порядок улицы. Они утопают в грязи, так что жители города будут весьма тебе признательны.

Красс рассмеялся:

– Вопрос заключается в том, перестанут ли они пачкать тротуар после того, как я его вычищу. Как же, они будут продолжать пачкать, причем с новой энергией! Ведь старик Красс все равно наведет порядок... Нет, уважаемый! Если людям нужны чистые улицы, надо дать им в руки метлы, щетки и прочее и заставить сделать все самим. А если летом вонь окажется невыносимой, они будут просто вынуждены вычистить территорию вокруг своих домов, и это послужит хорошим уроком.

От взгляда Красса не ускользнуло разочарование инициативного клиента, и он решил похвалить его:

– Нельзя не восхищаться теми из нас, кто так хорошо думает о согражданах, однако, к сожалению, не многие из них способны поддерживать чистоту. А потому не имеет смысла заигрывать с ними. – Красс усмехнулся собственным словам и замолчал, задумавшись. – С

другой стороны, если это принесет популярность... нет, чистить дерьмо – недостойное Красса дело. Я этим заниматься не буду.

– А как насчет уличных разбойников? – упрямо продолжал Парей. – В некоторых частях города они совсем не дают людям жить. Отряд в несколько сот человек сможет навести в городе больше порядка, чем...

– То есть ты предлагаешь создать еще одну банду, чтобы она боролась с теми, которые уже существуют? А кто будет держать в руках ее? Не придется ли тогда создавать следующий отряд, чтобы он управлял этим, и так далее? – Красс снисходительно усмехнулся: наивность упряма казалась даже забавной.

– Одна из центурий... – растерялся Парей.

Красс прислонился спиной к мраморному бортику бассейна. Затем поднял руку, призывая к вниманию, и все вокруг замолчали.

– Разумеется, Парей, легионеры способны на многое, беда лишь в том, что они мне не подчиняются. Возьмешь ли ты на себя труд попросить у Помпея солдат, чтобы патрулировать бедные кварталы? Он требует, чтобы я оплатил охрану порядка во время скачек, а мне, честно говоря, уже надоело поддерживать его репутацию своими деньгами. – С этими словами Красс решительно взмахнул рукой, и стоящая на краю бассейна металлическая чаша со звоном покатилась по мраморным плитам. – Ну что ж, пожалуй, на сегодня достаточно, друзья. Пока работы вам хватит, а завтра будет новый день, и он принесет новые дела. Оставьте меня.

Приближенные послушно, без единого слова, вылезли из бассейна и поспешили прочь от своего непредсказуемого господина.

Юлий и Октавиан ехали по дороге, направляясь в город. Оставить за спиной шум порта и погрузиться в тишину сельских просторов оказалось очень приятно. За легион волноваться не приходилось: Брут прекрасно справится и с разгрузкой, и с размещением людей. Каждого из центурионов выбирали индивидуально, так что положиться на них можно было полностью. До тех пор пока первые из легионеров не получают разрешение на время покинуть лагерь, не произойдет ровным счетом ничего непредвиденного.

Цезарь взглянул на Октавиана и порадовался: как красиво и уверенно мальчик держится верхом! Упорные тренировки вместе с отборным отрядом сделали свое дело, и теперь можно было подумать, что он родился в седле. Никто не скажет, что этот уличный паренек впервые увидел лошадь в девять лет.

Всадники спокойно ехали по вымощенной стертыми от старости камнями дороге, время от времени обгоняя медленно тащившиеся тяжелые повозки. Нагруженные зерном и вином, драгоценностями, кожами, железными и бронзовыми изделиями, они двигались в Рим – город, который поглощал все, что ему предлагали. Возницы щелкали кнутами, подгоняя волов и ослов, и Юлий знал, что всем им предстоит проделать неблизкий путь к рынкам столицы.

Равномерное постукивание копыт усыпляло, однако Юлий никак не мог сбросить напряжение. Впереди ожидала встреча с семейным склепом, и ему не терпелось увидеть могилы близких.

Наконец, когда солнце поднялось почти в зенит, Юлий не выдержал и пришпорил мерина. Октавиан сделал то же самое, и всадники стремительно помчались к цели, провожаемые одобрительными возгласами торговцев и возниц.

Семейная усыпальница представляла собой скромный куб из темного мрамора, прилепившийся к краю дороги. До городских ворот отсюда было меньше мили. Разгоряченный быстрой ездой, Цезарь спешил и оставил коня пастись на буйно разросшейся вокруг склепа траве.

– Ну вот и приехали, – коротко заметил он.

Подойдя к стене, начал молча читать высеченные на мраморе знакомые имена. Увидев имя матери, смежил веки. Он заранее готовился к встрече, но все равно от мысли, что ее прах покоится именно здесь, на глаза навернулись слезы.

Имя отца было высечено уже десять лет назад, однако буквы все еще оставались резкими, ничуть не потеряв четкости. Почтительно склонив голову, Юлий провел пальцами по контуру надписи.

Третье родное имя оказалось таким же отчетливо-резким, как и та непреходящая боль, которая сверлила сердце Цезаря. Корнелия. Она тоже здесь, скрыта и от солнечных лучей, и от его объятий. Он уже никогда не сможет ее увидеть.

– У тебя нет вина, Октавиан? – повернулся Юлий к юноше после долгого молчания.

Он пытался держаться прямо, но лежавшие на могильном камне руки почему-то отказывались подчиняться.

Октавиан порылся в сумках и вытащил небольшую глиняную амфору, которая стоила больше месячного жалования легионера. Фалернское вино – самое дорогое, зато лучше его нет на свете, а значит, лишь оно достойно памяти самых дорогих сердцу людей. На верхней плите усыпальницы было вырезано небольшое углубление в виде чаши, на дне которого виднелось небольшое, величиной с монету, отверстие. Распечатывая амфору, Юлий спросил себя, водит ли старая Клодия сюда его дочку, и если да, то совершают ли они обряд кормления мертвых. Трудно представить, что старушка сможет когда-нибудь забыть Корнелию.

Темное густое вино наполнило чашу, а потом начало медленно капать внутрь склепа.

– Эта чаша – отцу; он дал мне силу. Эта – матери; она оберегала меня своей любовью. Эта, последняя, – Корнелии, любимой жене. – Юлий помолчал, глядя, как сочится сквозь мрамор вино. – Я любил ее при жизни и глубоко чту ее память сейчас, когда она ушла. – Цезарь повернулся, чтобы отдать амфору Октавиану; глаза были красны от слез, но он не стеснялся слабости. – Закупорь понадежнее, парень. По дороге домой, в поместье, нам предстоит навестить еще одну могилу, а Тубрук одной чашей не обойдется.

Сказав это, Юлий заставил себя улыбнуться и снова сел верхом. Печаль немного отступила, и копыта коня снова мерно застучали по дороге, оживляя повисшую над длинным рядом склепов тишину.

Подъезжать к имению оказалось неожиданно страшно. С этим красивым местом связано столько воспоминаний и столько боли!.. Внимательный взгляд сразу отметил сорняки, буйно разросшиеся среди поля злаков. Не укрылись от Юлия и признаки запустения и разрухи: заросшая дорога, покосившийся забор. И тут послышался знакомый гул – пчелы! Его пчелы! Глаза Цезаря оживились.

Вид белых стен причинил боль. Краска кое-где облупилась, и Юлий ощутил острый укол совести. Этот дом стал частью того страдания, что переполняло сердце.

Вот ворота, возле которых он мальчишкой ждал возвращавшегося из города отца. За ними конюшни, там он познал первый поцелуй. Еще немного дальше – площадка, на которой он много лет назад едва не погиб от руки Рения. Несмотря на ветхость, это его родной дом, то самое важное место в мире, где он вырос и стал человеком. Но если бы навстречу мог выйти, широко улыбаясь, Тубрук! Если бы его встретила Корнелия!

Юлий остановился перед закрытыми воротами и прислушался к тишине, погружившись в воспоминания и словно надеясь, что через минуту-другую они станут явью.

Над белой стеной неожиданно возникла голова незнакомого человека, и Юлий улыбнулся: интересно, значит, с внутренней стороны все еще сохранились невидимые отсюда ступеньки. Их он знает столько же, сколько помнит себя самого. Его ступеньки. Его родной дом.

– Что привело вас сюда? – поинтересовался человек равнодушно.

На всадниках были самые простые доспехи, однако манеры Цезаря явно внушили сторожу почтение.

– Я приехал навестить Клодию и свою дочь, – ответил Юлий.

Глаза человека широко раскрылись от удивления, и голова исчезла: сторож побежал докладывать о прибытии гостя.

Через некоторое время ворота медленно открылись, и Юлий проехал во двор. Октавиан не отставал ни на шаг. Было слышно, как вдалеке зовут Клодию, и Юлий снова погрузился в воспоминания.

Отец погиб, защищая вот эту самую белую стену. Тубрук принес его в дом на руках. Воспоминание вызвало озноб, несмотря на жаркое солнце. Поместье густо населено призраками. Интересно, удастся ли ему когда-нибудь снова почувствовать себя здесь спокойно и свободно? Или прошлое уже не захочет отпустить?

Клодия поспешно вышла на крыльцо и замерла, увидев, кто приехал. Как только Юлий спешился, она согнулась в низком поклоне. Время не пощадило старушку, и Юлий с нежностью обнял ее, легко приподняв над землей. Она всегда была, да и сейчас еще оставалась быстрой, полной сил женщиной. Морщины отражали не только прошедшие годы, но и горькие переживания. Если бы Тубрук остался в живых, она непременно вышла бы за него замуж, однако надежду на счастье отобрали те же ножи, которые отняли у него Корнелию.

Клодия подняла мокрое от слез лицо, и горе его собственной потери обострилось. Когда-то они страдали вместе, но годы прошли, и трудно было ожидать такого наплыва чувств сейчас, когда они стояли в этом дворе, а восстание рабов бушевало где-то на юге страны. Тогда, несколько лет назад, Клодия обещала остаться жить в его доме и вырастить его дочку. Веря в это обещание, Цезарь и уехал.

– Ты так давно не давал о себе знать, Юлий, – наконец заговорила служанка. – Я даже не знала, куда послать известие о смерти твоей матери.

Эти слова вызвали новый поток слез, и Цезарь снова сжал добрую женщину в объятиях.

– Я... я чувствовал, что это произойдет. Она мучилась?

Вытирая слезы, Клодия отрицательно покачала головой:

– Она постоянно говорила о тебе и очень радовалась Юлии. А боли не было совсем.

– Это утешает, – негромко произнес Юлий.

Он не видел мать так давно, что сейчас сам не переставал удивляться охватившей душу тоске: отчаянно хотелось присесть на край кровати и не спеша, подробно рассказать и об Испании, и о тех сражениях, в которых пришлось участвовать. Как он любил рассказывать матери о собственных свершениях! Даже после того, как болезнь унесла разум, она, казалось, все равно слышала сына и понимала все, что он говорит. А теперь поделиться не с кем. И никого рядом нет. Ни отца, к которому можно было бы подбежать, ни Тубрука, который так любил посмеяться над промахами мальчика. В мире не осталось ни единого человека, способного любить его просто так – за то, что он живет на свете. Какая пустота вокруг!

– А где же Юлия? – оглядываясь, поинтересовался отец.

Лицо Клодии моментально приобрело горделивое и одновременно нежное выражение.

– На верховой прогулке. Обожает своего пони и при любой возможности старается уехать в лес. Она очень похожа на Корнелию, Юлий. Те же волосы, тот же смех. Иногда мне кажется, что тридцати лет как не бывало и моя девочка снова со мной.

Заметив в лице господина напряжение, служанка истолковала его по-своему:

– Не волнуйся, я не позволяю малышке кататься в одиночестве. Ее всегда сопровождают двое слуг – для безопасности.

– Она меня хоть немного помнит? – с внезапной неловкостью уточнил Цезарь. – Узнает, когда увидит?

Он взглянул в сторону ворот, словно упоминание о дочери могло ускорить ее появление. Он сам плохо помнил ту малышку, которую оставил на попечение верной служанки. Ярче всего сохранилось воспоминание о крохотных ручонках, крепко обвивших шею в тот момент, когда он пытался успокоить девочку после гибели матери. Как оказалось, это детское объятие обладало почти магической силой.

– Обязательно узнает, нечего и сомневаться. Она постоянно просит рассказать что-нибудь о папе, а я уж стараюсь изо всех сил.

Клодия посмотрела на Октавиана – юноша неподвижно стоял возле лошадей.

– Неужели это Октавиан? – недоверчиво спросила она, удивляясь произошедшей в юноше перемене. Но тут же подбежала и, крепко сжав его в объятиях, от всей души расцеловала.

Смушение парня не могло не вызвать улыбки.

– Послушай, Клодия, – пришел товарищу на выручку Цезарь, – у нас в горле пересохло от дорожной пыли. Ты собираешься держать нас во дворе весь день?

Клодия наконец-то выпустила Октавиана из объятий:

– Что ты! Что ты! Поручите лошадей кому-нибудь из мальчишек, а я займусь кухней. Сейчас в доме не много народу: я да несколько рабов. Если бы не бумаги на твое имя, никто из купцов не захотел бы даже разговаривать со мной. Без Тубрука здесь совсем...

Юлий вспыхнул, увидев, что добрая женщина готова снова расплакаться. Удивляясь собственной черствости, он вдруг осознал, что не выполнил свой долг по отношению к ней. Все эти годы Клодия несла тяжкий груз, а он, хотя и имел возможность его облегчить, не сделал этого. Конечно, перед отъездом следовало нанять кого-нибудь на место Тубрука и документально подтвердить право верной служанки распоряжаться финансами. Клодия явно волновалась, что скажет хозяин о состоянии дома, который она считала своим, и Юлий решил успокоить ее волнения.

– О лучшем и мечтать нельзя, – заверил он, положив руку на плечо домоправительницы.

Напряжение сразу спало. Мальчики-рабы увели лошадей в конюшню, где их предстояло вычистить и накормить, а Клодия бросилась на кухню. Мужчины последовали за ней, причем Цезарь едва переводил дух от волнения – ведь он входил в дом своего детства.

За окнами раздался высокий звонкий голосок, сопровождаемый стуком копыт, – вернулась с верховой прогулки Юлия. Не успев проглотить кусок намазанного медом хлеба, Цезарь вскочил из-за стола и поспешил во двор. Он собирался дожидаться, когда девочка войдет в дом, и торжественно с ней поздороваться, но на ритуал попросту не хватило терпения.

Юлии исполнилось всего лишь десять лет, но она как две капли воды походила на покойную мать. Даже густые длинные темные волосы были заплетены в такую же толстую косу, как у Корнелии. Юлий не смог сдержать радостного смеха, глядя, как маленькая наездница ловко соскочила с пони и принялась любовно разглаживать ему гриву, выбирая колючки и травинки.

Девочка услышала звук и обернулась, недоумевая, кто это осмелился над ней смеяться, причем в ее же собственном доме. Встретившись глазами с мужчиной, с подозрением нахмурилась. Юлий же неотрывно смотрел, как юная красавица идет по дорожке, вопросительно склонив голову – именно так, как это делала Корнелия. Отец с удовольствием отметил в походке дочери достоинство: хозяйка дома шла навстречу ожидавшему ее посетителю. Одета для верховой езды, в простую кремовую тунику и шаровары, с собранными на затылке волосами и без всякого намека на особенности женской фигуры, дочка вполне могла бы сойти за сына, впрочем один признак женственности все-таки нашелся: руку Юлии украшал серебряный браслет, в котором отец сразу узнал свой подарок Корнелии.

Клодия, выйдя на порог, с материнской гордостью наблюдала за встречей.

– Это твой отец, Юлия, – подсказала она.

Девочка, которая в эту минуту стряхивала с рукава пыль, застыла. Потом посмотрела на Цезаря с серьезным выражением.

– Я тебя помню, – наконец медленно проговорила она. – Ты останешься со мной жить?

– На некоторое время, – стараясь сохранить серьезность, ответил Юлий.

Девочка обдумала ответ и кивнула:

– А ты купишь мне лошадь? Я уже слишком большая, чтобы ездить на старичке Гибии. А Ресидий говорит, что мне подошел бы норовистый жеребец.

Юлий не мог оторвать от дочки восхищенного взгляда, – казалось, перед отцовской радостью отступило даже печальное прошлое.

– Я найду тебе самого красивого коня, – пообещал он и в ответ получил улыбку, от которой сердце едва не вырвалось из груди: это была улыбка любимой, но навсегда потерянной женщины.

Александрия стояла на почтительном расстоянии от жара плавильной печи и внимательно наблюдала, как Таббик достал чашу с расплавленным золотом, а потом укрепил ее над глиняной формой.

– Теперь главное, чтобы не дрогнула рука, – без всякой необходимости предупредила Александрия, и мастер начал сосредоточенно, плавно вращать деревянную ручку.

И хозяйка, и мастер относились к шипящему и булькающему металлу с должным почтением. Одна лишь раскаленная капля могла моментально прожечь плоть до самой кости. Поэтому каждый этап процесса требовал осмотрительности и осторожности. Александрия удовлетворенно кивнула: пар со свистом вырвался из вентиляционных отверстий, а низкий булькающий звук постепенно становился все выше. Значит, форма наполняется именно так, как необходимо. Едва золото остынет, глиняную форму надо будет с величайшей осторожностью снять, и тогда из-под нее покажется маска столь же совершенная, как и то женское лицо, которое она повторяет. По заказу сенатора Александрии пришлось решить достаточно неприятную задачу – снять маску с лица его жены, умершей всего несколько часов назад. Затем она сделала еще три глиняные маски меньшего размера, убрав следы болезни, исказившие прекрасное лицо. С величайшей осторожностью художница нарастила плоть там, где ее безжалостно съела жестокая болезнь, и в конце концов сенатор расплакался, увидев лицо, которое унесла от него смерть. Воплощенная в золоте, красавица останется молодой навеки – даже через много лет после того, как муж ее сам превратится в прах.

Александрия осторожно дотронулась до глины, ощущая запертый внутри жар, и невольно спросила себя: сохранит ли муж любовь к той, чей образ отлил в золоте?

Глубоко задумавшись, художница не слышала, как в мастерскую ворвался Брут. Лишь неподвижность его тяжелого взгляда, неизъяснимая словами, заставила девушку обернуться.

– Открой бутылку лучшего вина и сбрось одежды! – провозгласил Брут. Устремив взгляд на ту, о которой мечтал, он даже не заметил стоящего неподалеку с разинутым ртом Таббика. – Я вернулся, девочка! Юлий Цезарь снова в Риме, и скоро этот город вздрогнет!

Глава 9

Брут и Александрия ехали по окутанной сумерками дороге в имение Цезаря. Весь день они провели в постели, и Брут чувствовал себя просто восхитительно. Если бы все его возвращения домой были столь же удачными! Он нежно похлопал подругу по руке.

Непривычная к верховой езде, Александрия крепко обняла мужчину за талию. Выбившийся на ветру локон щекотал шею, и ощущение показалось Бруту изысканно-волнующим. В его отсутствие девочка похорошела и расцвела, красивое тело излучало здоровье и силу. Лицо

тоже слегка изменилось, а на лбу появился крохотный шрам от ожога каплей расплавленного золота, по форме напоминающий слезу.

Ветер взметнул черный плащ Александрии, и Брут крепко схватил его край, привлекая возлюбленную как можно ближе. Она же, обвив руками его грудь, глубоко вздохнула. Земля отдавала собранный за день солнечный свет, воздух казался теплым и напоенным самыми восхитительными ароматами. Бруту очень хотелось, чтобы кто-нибудь наблюдал, как красиво и стремительно они несутся через поле к поместью.

Он увидел дом издалека. Свет факелов сливался в яркое зарево, превращая стены в остров света, возвышающийся среди океана ночной тьмы. Натянув поводья, он немного замедлил бег коня и всмотрелся: на мгновение почудилось, что у открытых настежь ворот встречает Тубрук.

Цезарь стоял молча, наблюдая за приближением пары и пытаясь прочесть мысли Брута. Он хорошо понимал, о чем думает друг. Место Тубрука было именно здесь, и молодые люди успели обменяться улыбкой сожаления – в тот самый момент, когда Брут повернулся в седле, чтобы помочь Александрии спуститься с коня, а потом легко прыгнул вслед за ней.

Цезарь поцеловал гостью в щеку:

– Считаю за честь принимать тебя в своем доме. Слуги помогут расположиться, а мы с Брутом тем временем обсудим кое-какие дела.

Глаза красавицы блеснули, и Юлий спросил себя, вспомнила ли она тот единственный вечер, который в эту минуту пришел на память ему самому.

Как только гостя скрылась в доме, Юлий глубоко вздохнул и с дружеской нежностью потрепал Брута по плечу.

– До сих пор не могу поверить, что Тубрука больше нет, – со вздохом признался он и обвел взглядом поле.

Брут с минуту помолчал, а потом наклонился и набрал целую пригоршню дорожной пыли:

– Помнишь, как он заставлял тебя держать в руках пыль и песок?

Юлий кивнул и повторил действие друга. Брут не смог сдержать улыбку, наблюдая, как тот, слегка разжав пальцы, выпускает пыль по ветру.

– В ней – кровь тех, кто ушел до нас, – проговорил Цезарь.

– И наша кровь, – добавил Брут. – Тубрук был хорошим человеком. – Он разжал ладони и выпустил пыль, а потом энергичным хлопком отряхнул руки. – Теперь тебе придется искать еще кого-нибудь, кто будет содержать в порядке поля и растить хлеб. Давно я не видел такого запустения.

Юлий в ответ нахмурился:

– Хотел спросить тебя, куда ты запропастился, но теперь и сам вижу, что нашлось занятие куда более приятное, чем следить за обустройством лагеря в Остии.

Сердиться всерьез Цезарь сейчас не мог, однако ему хотелось как можно яснее выразить свое отношение к поступку друга.

– Там хорошо справляется Рений, – оправдался Брут. – А я сделал как раз то, что надо. Александрия сказала, что завтра на форуме состоится общий сход граждан города, и я решил, что необходимо как можно быстрее известить об этом тебя.

– Я уже и сам все знаю. Сервилия, как только услышала новость, сразу передала ее мне. Как бы то ни было, я рад твоему появлению. Даже если бы ты не нарушил моего приказа и остался в лагере, я все равно послал бы за тобой.

Брут взглянул на друга, стараясь понять, насколько глубоко тот рассержен. Следы испанской усталости и напряжения уже сгладились, и Цезарь выглядел моложе, крепче и веселее, чем в долгие месяцы изнурительных трудов.

Брут немного помолчал.

– Я прощен? – наконец поинтересовался он.

– Прощен, – ответил Юлий. – А теперьходи и познакомься с моей дочерью. Комната для тебя готова, ты нужен для обсуждения плана кампании.

Они прошли через освещенный колеблющимся светом факелов двор. Порыв ветра неожиданно стукнул створкой ворот, и Брут вздрогнул. Но Юлий уже открыл дверь в наполненную голосами и смехом комнату, и Брут с удовольствием погрузился в оживленную атмосферу, исполненную радостных предчувствий.

Осмотревшись, Брут начал приветствовать товарищей. Сервилия, Кабера, Домиций, Цирон, Октавиан – все собрались вокруг своего вождя. Единственным чужаком в этой дружной компании казался молодой испанец, который приехал вместе с Юлием в качестве писаря. Адан рассматривал приглашенных с таким же вниманием, как и Брут, и, встретившись с ним взглядом, старший из мужчин кивнул, зная, что Юлий потребует признания новичка.

Через мгновение Брут заметил, что Александрия стоит, растерянно оглядываясь и явно чувствуя неловкость собственного присутствия. Он почти инстинктивно сделал шаг в ее сторону. Юлий заметил движение и моментально понял его смысл.

– Без твоего совета, Александрия, нам никак не обойтись. Ведь из всех нас ты одна жила в городе все это время и знаешь ситуацию в подробностях.

Красавица очаровательно вспыхнула и успокоилась, а Брут не преминул незаметно ущипнуть ее за пухлую попку. Александрия шлепнула хулигана по руке, матушка грозно взглянула на шаловливого сыночка, а Брут лишь мило улыбнулся обоим и перевел взгляд на Цезаря:

– Так где твоя дочка?

Ему явно не терпелось увидеть девочку, о которой он столько слышал.

– Наверняка задержалась в конюшнях. Ездит верхом, как кентавр. Я позову ее перед сном.

Говоря о дочери, Юлий не мог скрыть счастливой отцовской гордости, и Брут понимающе улыбнулся. Наконец Цезарь приступил к делу:

– Помогите мне решить, что именно я должен делать завтра утром, когда выйду на форум и заявлю, что хочу занять пост консула.

Все заговорили одновременно и не сразу расслышали стук в дверь. Показалась Клодия, и выражение ее лица сразу заставило собравшихся замолчать.

– Там... я не могла его остановить, – начала домоправительница.

Юлий нетерпеливо схватил ее за руку:

– Кто?

Увидев возникшую у входа фигуру, он замер, позволив Клодии пошире распахнуть дверь.

Все увидели Красса. Белоснежная тога резко контрастировала со смуглой кожей. На плече сияла золотая пряжка, и Александрия слегка прищурилась, узнав свою собственную работу и решая, совпадение ли это, или Красс решил таким образом продемонстрировать понимание взаимоотношений между присутствующими в этой комнате.

– Добрый вечер, Цезарь, – приветствовал он. – Надеюсь, твое положение трибуна нисколько не пошатнулось. Можно мне называть тебя этим титулом? Тем более что ты оставил пост испанского наместника.

Юлий опустил лицо, пытаясь скрыть раздражение столь бесперемонным вторжением. В голове теснилось множество разных мыслей и вопросов: может, дом уже оцеплен солдатами? Если так, то Красс горько пожалеет – выйти отсюда ему будет гораздо труднее, чем войти. Юлий выпустил из своей руки руку Клодии, и та, не оглядываясь, почти бегом выскочила из комнаты. Она не виновата в том, что впустила Красса. Хотя добрая женщина и заправляла большим домом как хозяйка, все-таки много лет она была всего лишь рабыней и не могла не испугаться, увидев одного из самых могущественных людей в сенате. Перед римским консулом послушно распахивались все двери.

Красс заметил напряжение молодого человека и продолжил:

– Успокойся, Юлий. Я друг этому дому, так же как когда-то был другом Марию. Неужели ты предполагал, что сможешь высадить на моем побережье целый легион втайне от меня самого? Думаю, даже жалкие шпионы Помпея уже знают о твоём возвращении.

Красс увидел в комнате Сервилию и слегка склонил голову в знак приветствия.

– Добро пожаловать, – приветствовал незваного гостя Юлий, стараясь обрести обычное самообладание.

Он прекрасно понимал, что растерянность продолжалась слишком долго и Красс успел в полной мере насладиться произведенным впечатлением.

– Рад слышать, – ответил консул. – А если кто-нибудь принесет еще один стул, то, с вашего позволения, я присоединюсь к обществу. Если ты, Цезарь, действительно собираешься в следующем году облачиться в консульскую мантию, завтра утром тебе потребуется поистине мощная речь. Разумеется, Помпею вся эта затея совсем не понравится, но именно в этом и заключается пикантность ситуации.

– Так что же, от тебя ничто не может укрыться? – не без ехидства поинтересовался Юлий, начиная понемногу приходить в себя.

Красс в ответ улыбнулся:

– Ну вот, ты сам только что это сказал! Я просто решил, что иного повода оставить Испанию быть не может. Надеюсь, прежде чем отправиться в Рим, ты назначил наместника?

– Конечно, – подтвердил Цезарь.

К собственному удивлению, этот странный диалог казался ему интересным.

Красс уселся на предложенный Октавианом стул и длинными тонкими пальцами аккуратно расправил тогу. Напряжение в комнате постепенно спадало, все уже смирились с присутствием постороннего.

– Так как ты представляешь себе речь на форуме? – поинтересовался Красс. – Надеешься просто подняться на трибуну и сразу привлечь всеобщее внимание?

Юлий с удивлением взглянул на него:

– А почему бы, собственно, и нет? Сервилиа сказала, что должен выступать Пранд. А я имею не меньше прав, чем любой другой.

Красс с улыбкой покачал головой:

– Да, на тебя это похоже. Но будет лучше, если ты выйдешь по моему приглашению. Учти, Помпей не станет просить тебя присоединиться к нам. Представляю выражение его лица после того, как он прочитает в списке твое имя. – Красс пригубил предложенный бокал вина и слегка поморщился. – А ты понимаешь, что Помпей может повернуть дело против тебя? Например, заявит, что, уехав из Испании до окончания срока полномочий, ты нарушил обязательства.

Словно стараясь быть лучше понятым, Красс даже подался вперед.

– Звание трибуна дает неприкосновенность. Значит, преследовать меня ему не удастся.

– Только в том случае, если трибун не совершил покушения на жизнь человека, мой друг. Впрочем, дезертирство с занимаемого поста в этом отношении вполне безопасно. Помпей, разумеется, знает о твоём иммунитете, но что скажет народ? Как ты будешь выглядеть в глазах людей? Начиная с сегодняшнего дня и до самых выборов ты не только должен совершать благие дела, но и совершать их как можно более заметно. В ином случае потерянные тобой голоса перейдут к кому-нибудь другому.

Красс внимательным взглядом обвел сидящих в комнате и, встретившись глазами с Александрией, улыбнулся. Погладил золотую пряжку на плече. Девушка поняла, что консул узнал ее, и испытала легкое возбуждение близкой опасности. Только сейчас она ясно поняла, что Цезарь успел приобрести не только множество друзей и последователей, но и немало врагов. Пока трудно определить, к какому именно лагерю относится Красс.

– Почему ты решил мне помогать? – неожиданно обратился к консулу Юлий. – Какая тебе от этого выгода?

– Ты командуешь легионом, который я создавал, когда он еще носил название Первородного. Почему-то необходимость присутствия воинов в городе не вызвала у меня сомнения. Именно таких воинов, которых не сможет ни подкупить, ни переманить ни одна из банд.

– То есть ты клонишь к тому, что я перед тобой в долгу? – задал следующий вопрос Цезарь.

Красс бросил взгляд на Сервилию, та ответила ему понимающим взглядом, смысл которого Юлий не смог разгадать.

– Разумеется, нет. Я давно оставил в стороне все долги и не собираюсь даже упоминать о них. Я просто открыто обращаюсь к тебе за помощью, а в ответ на это мои люди постараются сделать твое имя известным и почитаемым в городе. Не забывай, мой друг, что в твоём распоряжении всего лишь сто дней. Даже с учетом моей помощи это очень короткий период.

Юлий продолжал колебаться, и Красс решил выложить следующий козырь:

– Тебе известно, как я дружил с твоим отцом и с Марием. Так неужели после этого мне не дано завоевать доверие сына?

Сервилия попыталась привлечь внимание Цезаря. Она знала Красса лучше, чем все остальные, сидящие в этой комнате, и опасалась, что Юлий необдуманно откажет этому опасному человеку. Глядя на любимого почти с болью, она ожидала его ответа.

– Благодарю, консул, – наконец официально произнес Юлий. – Я не забываю друзей.

Красс улыбнулся, даже не пытаясь скрыть удовольствия.

– С моим богатством... – начал он.

Юлий покачал головой:

– Спасибо, Красс, но средств у меня вполне достаточно.

Красс впервые взглянул на молодого полководца с истинным уважением. Да, он не ошибся в своих предположениях. С этим человеком можно иметь дело – тем более что это непременно приведет в неописуемую ярость Помпея.

– Ну так что же, поднимем бокалы за твой успех на выборах? – предложил Красс.

Юлий кивнул, и присутствующие подняли бокалы в несколько напряженном ожидании. На какое-то мгновение Цезарь пожалел, что вылил в могилу Тубрука чудесное фалернское вино. Добрый друг знал толк в радостях жизни и с удовольствием поднял бы сейчас кубок.

Юлия не хотела уходить из конюшни. Сидя в уголке, она наслаждалась тем теплом и уютом, которое всегда окружает лошадей. Потом встала и, заглянув в стойла, погладила каждого из своих любимцев, негромко с ними разговаривая. Остановилась рядом с огромным сильным меринком, на котором друг ее отца привез эту красивую молодую женщину. Как странно звучит: ее отец. Клодия много раз рассказывала о бесстрашном и благородном человеке, которого консул по какой-то прихоти отослал в чужие края – как можно дальше от родного Рима. Она любила представлять его, убеждая себя, что он связан службой, а потому не может к ней вернуться. Клодия не уставала повторять, что обязательно настанет час и отец вернется. И вот он наконец вернулся, и оказалось, что девочка очень боится этого человека. Стоило ему шагнуть во двор, как вся жизнь в доме моментально изменилась, подчиняясь новому хозяину.

Глядя мягкие ноздри мерина, девочка думала о том, что отец очень суров. Лошадь, словно сочувствуя и соглашаясь, кивала и переступала с ноги на ногу. Он был вовсе не старым. Юлия ожидала, что отец выглядит куда солиднее – с сединой на висках и спокойным достоинством в манерах, по которому сразу можно определить сенатора.

Из окна комнаты, в которой собрались люди, донесся шум. Как много народу сразу приехало в их дом! Наверное, столько здесь никогда и не собиралось. Когда они съезжались, девочка сидела на окружавшем поместье каменном заборе и с интересом рассматривала новых людей.

Все они казались совсем непохожими на тех гостей, которых приглашала Клодия. Особенно отличалась старуха с бриллиантами на шее. От острых глаз девочки не укрылось, что отец несколько раз поцеловал ее, думая, что никто не видит. Юлия сказала себе, что поцелуи чисто дружеские, однако в манере женщины сквозило что-то настолько нескромно-интимное, что невольная свидетельница даже покраснела. Кем бы ни была эта богатая особа, ее отношения с отцом явно не ограничивались дружбой.

Девочка задумалась, пытаясь представить, как поведет себя, если женщина постарается завоевать ее расположение. Нет уж, никакого расположения и быть не может! Она поведет себя очень холодно. Конечно, грубости допускать нельзя, Клодия всегда повторяет, что грубость – признак слабости. Она лишь примет отстраненный вид – пусть женщина почувствует, что ей здесь совсем не рады.

На гвозде возле стойла мерина висел большой черный плащ, и Юлия вспомнила, что он укутывал ту пару, которая так красиво прискакала последней. Они ехали и смеялись – смех был слышен даже издали. Мужчина очень красив. Конечно, не такой высокий и стройный, как отец. Но ходил он точно так же, как тот учитель верховой езды, которого наняла для нее Клодия, – казалось, сила бьет из него ключом и потому ему даже трудно остановиться.

А женщина, наверное, любит его – иначе не обнимала бы его так крепко и не прижималась к его спине. И потом, они постоянно касались друг друга, словно случайно.

Юлия долго расхаживала по конюшне, глядя по очереди всех лошадей и пытаясь решить, в чем же суть тех перемен, которые произошли после приезда отца. Она привыкла искать совета у лошадей во всех затруднениях. И если Клодия вдруг сердилась на что-то, то девочка сразу убегала в конюшню. Запахи животных, соломы, кожаной упряжи внушали ощущение спокойствия и защищенности. А в самом доме было полно комнат, которые по ночам оставались темными и холодными. Когда девочка пробиралась через них, чтобы в свете луны забраться на свое любимое место – каменный забор, – то всегда представляла, как по этим комнатам ходила, дрожа от страха, мама. Люди, убившие ее, казались почти реальными. Вот они, крадутся за спиной!.. Девочка, дрожа, оборачивалась и, натываясь на пустую тьму, в ужасе убегала.

Из окон дома донесся взрыв смеха, и Юлия подняла голову, прислушиваясь. Смех стих, – казалось, что дом погрузился в полную тишину. Но нет, эти люди там, в комнате с настежь раскрытыми окнами. Удивительно, их присутствие здесь, в поместье, приносит чувство безопасности. Все должно быть хорошо. Сегодня ночью она не будет бояться ни крадущихся убийц, ни призраков. Ночные кошмары отступят.

Юлия снова погладила мерина, а потом сняла с гвоздя черный плащ и бросила его на пол, прямо на солому. Красивый друг отца достоин лучшей спутницы, чем та, что приехала с ним вместе. Подумав об этом, девочка пошла прочь.

Заложив руки за спину, Помпей мерил шагами комнату. Тога из толстой белой ткани не закрывала рук, а потому было видно, как движутся мускулы, – консул нервно сжимал и разжимал кулаки. Лампы в доме уже начали меркнуть, но он не звал рабов, чтобы те долили масла. Полумрак вполне соответствовал настроению уважаемого римского патриция.

– Он мог оставить пост только ради выборов, Регул. Ничто другое не оправдывает риска.

Старший из центурионов стоял навытяжку перед своим полководцем. Прослужив под его началом уже двадцать лет, он, как никто другой, чувствовал перепады настроения начальника.

– Я полностью в твоём распоряжении, – заверил офицер, глядя прямо перед собой немигающим взглядом.

Помпей взглянул на подчиненного и, судя по всему, остался доволен:

– Ты поистине моя правая рука, Регул. В этом я не сомневаюсь. Однако, если я не хочу отдать город прямо в руки Цезаря, мне потребуется кое-что большее, чем простая покорность. Потребуется идеи. Так что говори открыто, ничего не опасаясь.

Услышав такую команду, Регул слегка расслабился и осмелел:

– Ты не думал о законе, который позволил бы снова претендовать на консульство? Если твоя кандидатура окажется альтернативной, Цезарь пост не получит.

Помпей нахмурился – он просто не считал подобный вариант возможным, в ином случае обязательно использовал бы его. И сенат, и даже простые граждане единодушно восстанут против возвращения к прежним временам. Ирония заключалась в том, что он сам активно способствовал введению тех ограничений, от которых теперь так страдал. Впрочем, подобные мысли ничуть не исправили ситуацию.

– Исключено, – проскрипел консул сквозь стиснутые зубы.

– В таком случае, мой господин, нам предстоит строить планы на будущее, – заключил Регул.

Помпей прекратил шагать и с надеждой взглянул на советника:

– Что у тебя на уме?

Тот глубоко вздохнул и, собравшись с духом, заговорил:

– Позволь мне вступить в его легион. Если вдруг настанет момент, когда этого человека придется срочно остановить, тебе понадобится неподалеку от него надежный меч.

Помпей глубоко задумался: предложение достаточно серьезное. Полная преданность в сочетании с отчаянностью и даже с яростью. Хотя в душе консул и осознавал нечистоплотность подобного шага, искушение получить на годы вперед такое оружие против соперника оказалось слишком велико. Кто знает, что принесет будущее каждому из них?

– Тебе придется войти в состав одной из центурий простым солдатом, – медленно проговорил Помпей.

Центурион перевел дух: ясно, что идея не отвергнута без рассмотрения.

– Это для меня не препятствие. Ведь я начинал рядовым воином, а продвижение по службе произошло благодаря твоей милости, без задержек.

– Но у тебя на лице слишком заметные шрамы, постепенно все поймут, кто ты такой.

– Что ж, скажу, что я наемник. И запросто сыграю роль. Позволь лишь приблизиться к этому человеку, мой господин. И тогда увидишь, чего стоит преданность старого солдата.

Помпей старательно взвешивал все «за» и «против».

– Дело может затянуться на годы, Регул. По тебе никто не будет скучать?

– Нет, мой господин, я совсем один в мире.

– В таком случае считай, что получил мой приказ. Ступай, и да благословят тебя боги.

От волнения Регул с трудом нашел нужные слова:

– Это... это большая честь, мой господин. Клянусь, при первом же твоём слове я буду в нужном месте в нужное время.

– Не сомневаюсь в тебе, Регул. И непременно вознагражу, когда...

– В этом нет ни малейшей необходимости, господин, – сам удивившись собственным словам, быстро ответил офицер.

Он отлично понимал, что нельзя прерывать речь консула, однако так хотелось показать, что доверие не напрасно.

Улыбка Помпея была наградой.

– Если бы таких, как ты, было побольше, Регул! Не многие способны так служить.

– Благодарю, господин, – вытянулся по струнке офицер.

Он знал, что впереди маячат годы суровой дисциплины и скромного солдатского жалованья, но это его несколько не беспокоило.

Глава 10

Рим не затихал ни днем ни ночью, а с наступлением утра обширную площадь форума до отказа заполнили массы горожан. Толпа волновалась, двигалась, гудела. Отцы сажали детей на плечи, чтобы те могли хотя бы издали взглянуть на консулов. Когда вырастут, они будут рассказывать, что своими глазами видели людей, победивших армию Спартака и спасших город.

Юлию толпа казалась безликой и пугающей. Как вести себя на трибуне: смотреть в пространство или в упор уставиться на какого-нибудь одного несчастного горожанина? Да и вообще, услышат ли они его? Во время выступления Помпея люди молчали, однако нечего и сомневаться: консул наштапковал площадь своими шпионами.

Цезарь снова и снова повторял в уме речь, молясь лишь о том, чтобы не запнуться и не забыть какой-нибудь логический переход. После выступления будут, наверное, вопросы – возможно, от находящихся на жалованье у консулов подставных лиц. Его могут попытаться унижить. Юлий незаметно прижал ладони к коленям, надеясь, что мягкая ткань тоги осушит холодный нервный пот.

Юлий сидел на подиуме рядом с Крассом и отцом Светония, но даже не смотрел на соседей. Те внимательно слушали речь Помпея. Вот он запустил в публику какую-то остроту и тут же поднял руки, пытаясь успокоить рассмеявшихся. Да, приходилось признать, что держится консул прекрасно, в его манерах не ощущалось ни малейшей неуверенности. Ораторское искусство непосредственно отражалось в реакции слушателей. Все лица были поднятыми, словно в поклонении. Выступать после такого успеха казалось не просто трудно, а страшно.

Помпей начал говорить о том, что ему удалось сделать за год консульства, и по площади прокатились аплодисменты. Военные успехи чередовались с обещаниями бесплатного хлеба и зрелищ, с посулами раздачи памятных монет. Услышав о последнем, Красс внутренне замер. Интересно, где это Помпею удастся найти средства, чтобы отчеканить свой профиль в серебре? Однако тяжелее всего оказалось перенести то обстоятельство, что в подачках, в общем-то, никакой необходимости не было. Помпей держал толпу уверенной рукой, силой своей воли ввергая ее то в смех, то в задумчивость, то в негодование. Выступление было поистине мастерским. Закончив, оратор отступил в сторону и широким жестом пригласил на трибуну Цезаря.

Тот встал и с застывшей улыбкой поклонился консулу. Отеческое снисхождение показалось раздражающим и отвратительным, но приходилось терпеть.

Помпей негромко обратился к молодому сопернику:

– Неужели под тогой не скрыты новые щиты, Юлий? Я не сомневаюсь, что ты приготовил что-нибудь в этом роде.

Цезарь изобразил на лице улыбку, как бы говоря окружающим, что слова опытного мастера – всего лишь милая шутка, а вовсе не колкость. Помпей намекал на выигранный Юлием на этой самой площади суд: тогда толпе показывали щиты с изображенными на них сценами из жизни Мария.

Помпей, ничего больше не добавив, со спокойным и заинтересованным видом сел на свое место. Юлий же подошел к трибуне и на мгновение замер, оглядывая раскинувшееся внизу море лиц. Сколько человек оставили свои дома и пришли сюда, чтобы выслушать ежегодное обращение консулов к народу? Восемь тысяч? Или десять? Утро было ранним, солнце еще не вышло из-за крыш возвышавшихся по краям форума храмов, и поэтому свет казался серым и холодным. Юлий глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, чтобы голос с самого начала звучал твердо и сильно. Важно, чтобы граждане расслышали каждое слово.

– Меня зовут Гай Юлий Цезарь. Я племянник Мария, который семь раз становился римским консулом. И я тоже включил свое имя в сенатский список. Я хочу стать консулом в память об этом человеке и надеюсь продолжить начатое им дело. Хотите ли вы и от меня услышать

обещания о раздаче бесплатного хлеба и монет? Разве здесь собрались дети, ожидающие игрушек в обмен на преданность? Кроме того, хороший отец не будет баловать ребенка лишними подарками.

Юлий на секунду замолчал. Все становилось на свои места, он уже не нервничал. Собравшиеся на площади люди не отводили от него внимательных глаз, и он вдруг ощутил первую протянувшуюся ниточку доверия.

– Я хорошо знаком с теми, кто не разгибая спины выращивает для вас хлеб. Кормить других – не слишком благодарное и вовсе не прибыльное занятие, но крестьяне гордятся своим трудом, и потому они настоящие люди. Знаю я и многих из тех, кто, не жалуясь, сражался за свободу этого города. Иногда мы встречаем этих искалеченных людей на улицах и отводим глаза, забывая, что можем смеяться и любить лишь потому, что воины отдали за нас здоровье, а порою и жизнь.

Наш город держится потом и кровью тех его жителей, которых уже нет среди нас, однако нам тоже надо многое сделать ради его блага. Вы слышали слова консула Красса о воинах, которым предстоит поддерживать порядок на улицах? Я без малейшего сожаления пошлю своих людей охранять вас, но ведь настанет время, когда я должен буду вести их в дальние края, чтобы завоевать для вас новые богатства и новые земли. Кто же тогда позаботится о безопасности города, кроме самих горожан?

Толпа беспокойно пошевелилась, и Юлий на мгновение замолк. Он ясно представлял то, что хочет сказать, но как выразить свою мысль доступно?

– Аристотель говорил, что государственный деятель стремится воспитать в гражданах определенные моральные устои, расположение к добродетели. Я ищу это расположение в ваших душах и вижу его готовым выплеснуться в мир. Именно вы защитили стены нашего города от восставших рабов. В тот момент вы не спрятались от исполнения своего долга. Надеюсь, что не спрячетесь и сейчас, когда я прошу об этом. – Цезарь продолжал громче и увереннее, чем прежде: – Обещаю создать специальный фонд и оплачивать труд тех, кто сейчас не имеет работы. Труд этот будет заключаться в уборке улиц и защите граждан от разбойных банд, которые терроризируют слабых. Где же была слава Рима, если сейчас мы живем в постоянном страхе, опасаясь, едва стемнеет, выйти на улицу? До каких пор нам крепко-накрепко запирают двери и с опаской ждать, не сломает ли их грабитель или убийца?

Юлий заметил, что многие из слушателей согласно закивали, и понял, что задел живую струну. Он мысленно поблагодарил Александрию, ведь именно она рассказала об этой напасти.

– Консул Красс назначил меня эдилом, а значит, мне вы должны жаловаться в случае беспорядков или преступлений в городе. Приходите, если вас несправедливо обвиняют; я непременно выслушаю жалобу и, если не найду достойного представителя, сам буду вас защищать. Все свое время, все силы я отдаю вам – берите, если нуждаетесь в них. Мои подчиненные и помощники сделают улицы города безопасными, а я сам позабочусь о равенстве граждан перед законом. Если мне суждено занять место консула, то обещаю стать тем потоком, который наконец очистит Рим от многовековой грязи. В одиночку мне это сделать не удастся. Дать вам новый город я не смогу. Но сообщая мы его улучшим.

Площадь поняла слова и ответила согласием. Голова Юлия слегка кружилась от радости, – наверное, благоволение богов проявляется именно так. Плечи оратора распрямились, голос свободно разносился над площадью, и собравшиеся на ней стремились хоть на мгновение встретиться взглядом с человеком на трибуне.

– Где те богатства, которые наши легионы завоевали для города? Думаю, что их недостаточно. Став консулом, я не стану прятаться от мелких задач. Дороги наши забиты повозками и экипажами, и от этого страдает торговля. Я заставляю возниц ездить и ночью, но при этом запрещаю им во все горло орать на волов. Люди должны спать спокойно. – Слушатели засмеялись, и Юлий улыбнулся вместе с ними. Взаимопонимание достигнуто. – А может, вы счита-

ете, что это недостойное занятие? Что, лучше построить еще одно роскошное, но бесполезное здание, которое будет пустовать?

Кто-то в толпе ответил: «Нет!» – и оратор посмотрел в сторону этого одинокого голоса, с удовольствием отмечая, что по толпе прокатилась новая волна смеха.

– Тому, кто мне только что ответил, я возражу: да! Да, мы должны строить возвышенные храмы, крепкие мосты и акведуки, по которым потечет чистая вода. Если вдруг к нам в Рим приедет владыка иностранного государства, я хочу с гордостью показать ему прекрасный город. Я хочу, чтобы он с восторгом смотрел вверх – но при этом не вляпался бы во что-нибудь отвратительное под ногами.

Пришлось подождать, пока смолкнет смех. Цезарь знал, что его слушали уже хотя бы потому, что голос звучал уверенно и убежденно. Он сам верил в свои слова, и граждане ощущали в них правду.

– Мы все – и вы, и я – практичные люди. А потому нуждаемся в сточных канавах, безопасности, честной торговле и справедливых ценах. Но в то же самое время мы и мечтатели. Практичные мечтатели, готовые переделать мир таким образом, чтобы он существовал еще тысячу лет. Мы строим на века и считаем себя наследниками греков. Обладаем силой, но не только телесной. Готовы изобретать и совершенствовать до тех пор, пока в мире не останется ничего равного по красоте нашему городу. Если возникнет необходимость, мы будем перестраивать одну улицу за другой. – Юлий глубоко вздохнул, и глаза его увлажнились от признательности к заполнившим площадь людям. – Смотрю на вас, и душа переполняется гордостью. Я тоже пролил свою кровь за благоденствие Рима и сейчас, видя ваши глаза, понимаю, что жертва не напрасна. Это наша земля. И все же за ее пределами существует мир, которому еще предстоит узнать о наших достижениях. Успехи достаточно величественны, чтобы распространиться повсюду, принести другим народам власть закона, честь нашего города – действовать до тех пор, пока в любом уголке земли будет жить человек, с гордостью называющий себя римским гражданином и несущий славу Рима. Если мне суждено стать консулом, то все свои силы я отдам во имя приближения этого дня.

Цезарь закончил выступление, хотя слушатели не сразу это поняли. Площадь терпеливо ждала, надеясь, что оратор продолжит столь интересную речь, и Юлий едва не поддался на невольную провокацию. Но внутренний голос приказал просто поблагодарить людей за пристальное внимание и покинуть трибуну.

Молчание взорвалось криками восторга и одобрения; оратор даже слегка покраснел от возбуждения и радости. Он не видел реакции тех, кто сидел на подиуме за его спиной, зато упивался пониманием народа. Ощущение было пьянящим, словно крепкое, выдержанное вино.

Помпей склонился к Крассу и, аплодируя, прошептал:

– Ты и правда назначил его эдилом? Не забывай, Красс, что он тебе вовсе не друг.

Пытаясь сохранить видимость дружелюбия в глазах толпы, Красс в ответ улыбнулся, однако глаза его метали молнии гнева.

– Я прекрасно могу отличить друга от недруга, Помпей.

Помпей поднялся с места и, встав перед Цезарем, похлопал его по плечу. Толпа увидела, как они улыбаются друг другу, и снова разразилась приветствиями. Помпей приветственно воздел руку, словно желая этим жестом показать, что Юлий – всего лишь его ученик и хорошо затвердил преподанный наставником урок.

– Превосходная речь, Цезарь, – похвалил он. – Если добьешься успеха, твое появление в сенате будет подобно свежему ветру. Практичные мечтатели – это замечательный образ.

Юлий пожал протянутую руку, затем повернулся к Крассу, приглашая его присоединиться. Однако второй консул уже и сам встал и шел к ним, не желая упустить возможности покрасоваться.

Все трое стояли на подиуме рядом, принимая восторги толпы. Издалека их улыбки казались искренними. Сенатор Пранд тоже поднялся, но его никто не заметил.

Александрия повернулась к стоявшему рядом Тедию, словно желая посмотреть, как тот реагирует на восторг толпы.

– Ну, что ты о нем скажешь?

Старый солдат потер заросший щетиной подбородок. Он пришел сюда лишь по просьбе Александрии. Обещания правителей города его вовсе не интересовали, но он стеснялся признаться в этом, боясь обидеть хозяйку.

– Все путем. Хотя я что-то не слышал, чтобы он, как другие, пообещал отчеканить монету. Обещания – это, конечно, прекрасно, госпожа, но на серебряную монету можно купить немало хорошей еды, да и выпивку в придачу.

Александрия сначала нахмурилась, потом расстегнула висящий на поясе тяжелый кошелек и достала динарий. Протянула монету Тедию, и тот с немалым удивлением принял дар.

– К чему это? – вопросительно поднял он брови.

– Просто так, чтобы ты потратил на себя, – ответила девушка. – Когда деньги закончатся и ты снова проголодаешься, Цезарь все еще останется здесь.

Тедий кивнул, словно понял, что она имела в виду, и бережно засунул монету в потайной карман. Украдкой оглянулся, чтобы посмотреть, не заметил ли кто-нибудь, где именно он хранит деньги, но все взгляды были устремлены на подиум. И все же осторожность в Риме – качество, далеко не лишнее.

Сервилия наблюдала, как Помпей снисходительно похлопывает по плечу ее возлюбленного. Консул улавливал, куда дует ветер, не хуже остальных сенаторов. Однако догадывается ли этот ловкий политик о том, что Юлий не потерпит ни малейшего давления или даже контроля над своими действиями, пусть даже со стороны бывших консулов?

В былое время красавица глубоко презирала занимавшие политиков пустые и ничтожные игры. Даже возможность выступить, которую они предоставили Цезарю и Пранду, тоже казалась частью этих игр. В сенатском списке числилось еще два кандидата на следующий консульский срок, а до окончания внесения кандидатур оставалось несколько дней. Однако никому из остальных кандидатов не позволили удешевлять речи почтенных консулов дешевыми посулами.

Толпа должна запомнить лишь троих, и один из них – Юлий Цезарь. Сервилия вздохнула с облегчением. В отличие от остальных, она не могла расслабиться и просто слушать, что говорят ораторы. Юлию предстояло с ними соперничать, и сердце его подруги стремительно билось от волнения и гордости. Ее возлюбленный, как всегда, оказался на высоте. Сейчас он уже совсем не походил на того потерянного человека, которого она встретила в Испании. Юлий обрел прежнюю силу и даже магию – Сервилия не могла не ответить всей душой на тот огненный взгляд, который то и дело настигал ее с трибуны. Он так молод! Видит ли это толпа? При всей опытности и изощренности Помпей и Красс сразу блекли в сравнении с пламенным темпераментом Цезаря. И этот удивительный человек любит ее, принадлежит только ей!..

Какой-то мужчина пробрался сквозь толпу и подошел к Сервилии почти вплотную. Она заметила суровое, жесткое, рассеченное глубоким шрамом лицо, влажное от пота. Но не успела римлянка пошевелиться и даже осознать опасность, как сильная рука железной хваткой сжала плечо незнакомца.

– Поосторожнее, – тихо, но с нескрываемой угрозой в голосе произнес Брут.

Человек резко дернулся, освободился от безжалостной хватки и скрылся в толпе, хотя и остановился на секунду, чтобы зло сплюнуть. Сервилия же благодарно взглянула на сына, и тот спокойно улыбнулся. Все сразу встало на свои места.

– По-моему, матушка, ты сделала верную ставку, – глядя на Цезаря, произнес Брут. – Ты сама-то это понимаешь? Смотри, у него все получается словно само собой.

Энтузиазм сына рассмешил Сервилию. В гражданской одежде, без доспехов, Брут выглядел совсем мальчишкой, и она любовно взъерошила ему волосы.

– Беда в том, что одной лишь удачной речи недостаточно, чтобы стать консулом. Сегодня-то и начнется настоящая работа.

Сервилия проследила за взглядом Брута и увидела, что Юлий спустился с подиума и теперь с трудом пробивается сквозь толпу, улыбаясь, крепко пожимая протянутые руки и отвечая на восторженные приветствия граждан. Даже на расстоянии чувствовалась радость победителя.

– Хорошее начало, – негромко похвалила Сервилия.

Окруженный друзьями, Светоний шел с площади по пустым улицам. Жилые дома, лавки – все было закрыто; люди отправились слушать выступления политиков. До сих пор с форума доносился приглушенный шум толпы, а время от времени раздавались и отдельные выкрики.

Светоний расстроено молчал, да и на лице его отчетливо читалось разочарование. Каждый приветственный выкрик приносил ему острую боль – до тех пор, пока чаша терпения не переполнилась окончательно. Юлий, всегда и постоянно Юлий Цезарь! Что бы ни происходило, обстоятельства всегда поворачивались таким образом, что этому человеку везло больше, чем другим. Несколько удачных слов с трибуны – и вся площадь у его ног, а Пранд, отец Светония, унижен и забыт. Отвратительно наблюдать, с какой готовностью чернь клюет на дешевые ораторские уловки, не обращая внимания на достойного римского гражданина. Светоний так гордился, узнав, что отцу позволено претендовать на звание консула. Рим заслуживает, чтобы во главе его стоял почтенный человек, а не выскочка, подобный Цезарю, которому слава досталась совершенно случайно.

Светоний в бессильном отчаянии сжал кулаки. Друзья нервно переглянулись.

– Ведь он победит, правда? – уточнил Светоний, ни к кому конкретно не обращаясь.

Бибул, немного отставший от товарища, кивнул, однако спохватился, что жест его никак не мог быть замечен, а потому заговорил:

– Вероятно. Во всяком случае, и Помпей, и Красс думают именно так. Зато второй пост вполне может достаться твоему отцу.

Молодой человек спрашивал себя, не придется ли верным друзьям бежать за разгоряченным Светонием до самого поместья. Не хотелось бы – ведь поместье расположено за городской чертой. В противоположном направлении друзей ожидали хорошие лошади и удобные комнаты, но, ослепленный ненавистью, сын патриция и не думал останавливаться. Бибул ненавидел ходить пешком, когда можно было с комфортом ехать, причем желательно в экипаже. Верховую езду он тоже недолюбливал, но все-таки во время нее устаешь меньше, чем при ходьбе, да и потеешь не так сильно.

– Только представьте! Этот бессовестный человек самовольно покидает пост в Испании и без всякого приглашения является сюда, чтобы объявить о намерении занять пост консула! И все послушно принимают такой поступок! Интересно, какие взятки понадобились, чтобы подобное произошло? Он способен на подкуп, уж поверьте мне. Я хорошо его знаю. У этого человека чувство чести полностью отсутствует. Это известно еще со времени греческих событий и истории с кораблями. И вот теперь негодяй явился сюда, словно преследуя меня. Можно было предположить, что после смерти жены он оставит политику более достойным людям, так ведь? Урок мог бы пойти на пользу. Поверь мне, Катон, конечно, умел наживать врагов, но по сравнению с Цезарем он великий человек! Твой отец знал это, Бибул!

Товарищ нервно оглянулся, пытаясь определить, может ли кто-нибудь их услышать. Когда Светоний приходит в такое состояние, трудно предположить, куда его занесет и что он

скажет. В уединении, вдали от посторонних ушей, гнев Светония, честно сказать, доставлял Бибулу удовольствие. Интересно было наблюдать за тем невероятным количеством злости, которое производил его приятель. На улице, однако, такое поведение тревожило. Бибул ощущал полнейший дискомфорт: солнце уже отчаянно пекло, так что от жары и нервного напряжения молодой человек совсем взмок. Светоний же мчался вперед с такой скоростью, словно ни солнца, ни усталости не чувствовал. Светоний споткнулся о выбившийся из мостовой камень и выругался. Мысли о Цезаре не выходили из головы. Когда Юлий в городе, на семью Пранда начинают валиться неудачи. Светоний знал, что и в праве командовать легионом ему отказали из-за сплетен, которые распространял Юлий. Он ощущал косые взгляды, слышал за спиной ехидные смешки и прекрасно понимал причину этого.

Увидев, как к дому Юлия подбираются убийцы, сын патриция испытал истинную радость. Он ведь вполне мог поднять тревогу, послать гонцов, чтобы предупредить соседей. Мог остановить, предотвратить нападение, однако ничего не предпринял. И убийцы буквально разорвали жену Цезаря. Светоний хорошо помнил, как его развеселила новость, которую сообщил отец. Да, тогда он славно посмеялся. А еще смешнее история была оттого, что отец рассказывал ее с таким трагическим выражением лица. Веселье сына искренне изумило старика, и от этого молодой человек смеялся еще отчаяннее – до тех пор, пока на глаза не навернулись слезы.

Возможно, теперь, униженный Цезарем, отец смог бы лучше понять сына. Мысль показалась занятой. Стоит поговорить с Прандом серьезно – тема для обсуждения есть, причем достаточно веская. Светоний уже и не помнил, когда патриций удостоивал сына большего, чем нескольких случайных, ничего не значащих слов. И в этом тоже была вина Цезаря. Отец ведь вернул ту землю, которую они сумели так ловко отхватить в отсутствие Юлия. А Светоний как раз собирался строить там собственный дом. И до сих пор помнил взгляд отца, когда тот услышал возражения. В этом взгляде не светилось ни капли любви – одно лишь холодное презрение.

Светоний поднял голову и разжал кулаки. Он обязательно навестит отца и выразит ему свое сочувствие. Тогда, возможно, при виде сына Пранд уже не будет морщиться, словно он отчаянно ему претит. Может, в выражении его лица уже не будет просвечивать столь острое разочарование.

Изменение в настроении и походке друга не ускользнуло от взгляда Бибула, и он тут же воспользовался возможностью:

– Становится совсем жарко, Светоний. Пора поворачивать к гостинице.

Светоний остановился, словно вдруг осознал присутствие товарища.

– Ты очень богат, Бибул? – неожиданно спросил он.

Бибул нервно потер руки, как делал всякий раз, когда поднимался вопрос о деньгах. Он унаследовал состояние, которое вполне обеспечивало безбедную жизнь и свободу от необходимости работать. Но упоминание об этом обстоятельстве всегда приводило молодого человека в смущение. Жаль, что Светония эта тема так откровенно привлекала.

– У меня достаточно средств. До Красса, конечно, далеко, но все равно вполне достаточно, – неохотно ответил он.

Интересно, к чему клонит спутник? Хочет снова попросить взаймы? Как неприятно. Почему-то Светоний считал, что отдавать долги он вовсе не обязан. Конечно, когда просил денег, то непременно обещал, что расплатится, однако, получив их, словно сразу забывал об обещании, да и вообще о том, что брал взаймы. Когда же набиралась солидная сумма и Бибул отваживался напомнить о долге, Светоний начинал сердиться, выходить из себя и бросать обвинения во всех смертных грехах. Дело всегда заканчивалось извинениями кредитора.

– Хватит на то, чтобы выставить свою кандидатуру на должность консула? Ведь сенат будет принимать заявления от претендентов еще день или два.

Идея привела товарища в ужас.

– Нет, Светоний, ни за что. Этого я делать не буду даже ради тебя. Меня вполне устраивает и собственная жизнь, и положение в сенате. А консульское звание вовсе не привлекает.

Услышав такой ответ, приятель подошел вплотную и, не скрывая презрения, схватил Бибула за мокрую от пота тогу:

– Так что же, может, тебе угодно, чтобы консулом стал Цезарь? Ты хоть помнишь гражданскую войну? Помнишь Мария и тот вред, который он нанес городу? Если ты выступишь, то сможешь расколоть электорат Юлия, и тогда кто-нибудь другой займет консульское кресло рядом с отцом. Если ты мне друг, то не смеешь ни минуты сомневаться.

– Я тебе друг, но этот номер не пройдет! – почти закричал Бибул, пытаясь вырвать тогу из цепкой хватки товарища. Мысль о том, что Светоний ощутит его пот, унижала, однако тот с силой тянул тогу, обнажая белую кожу на пухлой груди. – Неужели ты не понимаешь, что даже если я войду в число претендентов и наберу несколько жалких голосов, то голоса эти могут уйти не от Цезаря, а от твоего отца? Если тебе так уж необходимо, то выступи сам. Обещаю финансировать твою кампанию!

– Ты совсем потерял рассудок? Советуешь мне выступить против собственного отца? Нет уж, Бибул. Конечно, ты не бог весть какая важная и яркая птица, но выхода попросту нет. Если мы ничего не предпримем, то Цезарь неизбежно победит. Я знаю, как он понравился толпе. Они его уже обожают. Кто из них почитит отца, когда рядом, словно разряженная шлюха, щеголяет Юлий? А ты родом из древней семьи и имеешь вполне достаточно денег для проведения избирательной кампании. – Глаза Светония загорелись алчной радостью, идея явно его вдохновляла. – Учти, что отец не покидал Рима, как Цезарь, а кроме того, он пользуется поддержкой богатых центурий, которые обычно голосуют первыми. Цезарь же уповает главным образом на бедноту. Но ведь в том случае, если большинство голосов будет набрано одним из кандидатов достаточно быстро, половину жителей Рима даже не позовут на голосование. Это все вполне можно устроить.

– Не думаю... – начал было Бибул.

– Ты должен, Бибул, должен ради меня. Всего лишь несколько первых центурий, и успех обеспечен. Тогда выскочке придется покинуть Рим. А если ты увидишь, что страдает электорат отца, то сможешь выйти из состава претендентов. Все очень просто, если ты, конечно, не предпочтешь без борьбы сдать консульское кресло Юлию.

Бибул не уступал:

– У меня не хватит денег, чтобы...

– Отец оставил тебе целое состояние. Ты думаешь, я об этом не знаю? Неужели ты считаешь, что я допущу в консулы старого врага Катона? Нет уж! Все эти мелкие суммы, которые ты мне ссужал, для тебя не больше чем кусок хлеба на пару дней. – Здесь Светоний, судя по всему, осознал, что не стоит держать друга за грудки так долго и с такой силой, даже пытаясь убедить. Он разжал кулак, а потом несколькими быстрыми движениями разгладил тогу. – Так-то лучше. Ну, теперь ты готов сделать это для меня? Ты же знаешь, насколько все важно. Если уж на то пошло, консульство в паре с моим отцом тебе может даже понравиться. Но самое главное, Цезарю не удастся захватить в Риме власть.

– Нет! Ты что, не слышишь? Я отказываюсь! – почти закричал Бибул, и голос его зазвенел от страха.

Зло сощурившись, Светоний схватил Бибула за руку и потащил прочь от той компании, в которой они шли. Отойдя на почтительное расстояние, где никто не мог его услышать, он наклонился к самому уху испуганного, но несговорчивого товарища и зашептал:

– Ты не забыл, что сказал мне в прошлом году? Что я увидел, когда зашел к тебе без предупреждения? Ведь я прекрасно знаю, за что так презирал тебя твой отец, почему он отослал тебя подальше – в твой замечательный дом – и ушел в отставку, отказавшись заседать в сенате.

Может быть, именно поэтому его сердце не выдержало и он так рано умер? Как ты думаешь, сколько еще ты протянешь, если твои пристрастия окажутся достоянием гласности?

– Это была случайность, та девочка... она...

– Посмотри на вещи трезво, Бибул! – нажимал Светоний, нависая над несчастным, загнанным в угол приятелем. – Я собственными глазами видел результат твоего... энтузиазма... ведь я и сам вполне мог выдвинуть против тебя обвинение. Уверю, наказание было бы жестоким, ничуть не мягче, чем ты того заслуживаешь. Сколько маленьких девочек и мальчиков прошло через твои руки за последние годы?

Бибул от отчаяния начал заикаться:

– Ты не смеешь мне угрожать! Мои рабы принадлежат только мне, и я вправе поступать с ними по собственному усмотрению. Никто не станет тебя слушать.

Светоний изобразил улыбку, однако она больше напоминала оскал. Триумф не украсил, а обезобразил его лицо.

– Помпей потерял дочь, Бибул! Он обязательно прислушается. Больше того, он непременно позаботится о том, чтобы ты расплатился за свои удовольствия. Разве я не прав? Уверен, стоит мне явиться к нему, он ни за что не отправит меня восвояси.

Бибул внезапно обмяк, на глаза его навернулись слезы.

– Пожалуйста, прошу...

Светоний снисходительно похлопал его по плечу:

– Забудем, Бибул. Дружья ведь не бросают друг друга в трудную минуту.

С этими словами он почти по-братски обнял истекающего потом и слезами римлянина.

– Сто дней, Сервилия, – проговорил Юлий, обнимая подругу. Они стояли на ступенях сената. – К работе должны подключиться юристы. Я выбрал лучших, которые не опозорят имя Цезаря. Народу же предстоит слушать. Боги, как много надо сделать! Нужно, чтобы ты непременно связалась со всеми, кто в долгу у нашей семьи. Ведь потребуется масса агитаторов, организаторов, просто крикунов – всех, кто способен хвалить меня на улицах с раннего утра и до позднего вечера. Бруту следует направить легионеров Десятого на наведение порядка в городе: никаких преступных банд и ночных разбойников больше не будет. Благодаря Крассу это теперь входит в мои прямые обязанности. Клянусь, старик просто гений. Один росчерк пера – и я получил ту власть, которая так необходима, чтобы сделать улицы города безопасными. Все произошло настолько быстро, что я почти не...

Пытаясь прервать поток торопливых слов, Сервилия прижала палец к губам друга. Однако ничего не получилось – Юлий никак не мог остановиться и продолжал невнятно бормотать, выкладывая идею за идеей. Смеясь, она накрыла его губы поцелуем, но он все равно говорил и говорил. Пришлось легонько шлепнуть непослушного мальчишку по щеке.

Юлий со смехом выпустил возлюбленную из объятий:

– Мне предстоит встреча с сенаторами, и опаздывать никак нельзя. Приступай к работе, Сервилия. Встретимся в полдень здесь же.

В вестибюле стоял Красс. Он явно нервничал – настолько, что его лицо покрылось каплями пота.

– Прежде чем ты откроешь дверь, Юлий, нам необходимо поговорить, – предупредил он. – Лучше сделать это здесь, внутри слишком много длинных ушей.

– Что случилось?

– Должен признаться, что я не был абсолютно честен с тобой, друг мой, – ответил Красс.

Они сидели на широких ступенях лицом к форуму. Из-за дверей доносились приглушенные голоса сенаторов.

Юлий недоверчиво и разочарованно покачивал головой:

– Ни за что не поверил бы, что ты способен на такое, Красс.

– Я действительно не способен! И именно поэтому сижу с тобой здесь и все рассказываю – пока не поздно, пока заговорщики не выступили против Помпея.

– Но ведь ты должен был остановить их, как только узнал сам. Надо было отправиться прямиком в сенат и осудить Катилину, прежде чем его идеи обрели плоть и кровь. А теперь ты сообщаем, что он уже собрал целую армию! Немного поздновато рядиться в чистые одежды, уважаемый, как бы тебе этого ни хотелось.

– Отказ означал бы смертный приговор. А кроме того, предложение управлять Римом действительно показалось мне весьма заманчивым. Как бы то ни было, теперь я открыл тебе всю правду. Может, следует выдать их Помпею, чтобы публично отпраздновать еще одну его победу? После этого он уж непременно станет пожизненным диктатором, подобно Сулле. Да, Юлий, я поддался искушению и слишком долго молчал о том, что узнал, но, как видишь, теперь исправляю ошибку. Мне известны их планы и место дислокации. С помощью своего легиона ты уничтожишь армию мятежников почти мгновенно.

– Так ты для этого сделал меня эдилом? – с иронией в голосе поинтересовался Цезарь.

Красс пожал плечами:

– Разумеется. Так что теперь остановить злоумышленников – твоя прямая обязанность. Почтение к тебе в народе резко возрастет, как только чернь увидит, что и благородные люди получают такие же наказания за преступления, как и простые граждане. Ты сразу окажешься выше всех классовых и племенных предрассудков.

Во взоре Юлия мелькнула тень легкого презрения.

– А если бы я не вернулся из Испании? Как бы ты поступил?

– Нашел бы какой-нибудь иной способ разделаться с мятежниками.

– Правда? – В голосе Юлия прозвучали требовательные, настойчивые нотки.

Повернувшись, Красс в упор взглянул на молодого собеседника:

– Не сомневайся. Кроме того, ты ведь здесь. Я могу поименно перечислить тебе заговорщиков, а легионеры без труда прикончат всю мелочь, которую они собрали под свои знамена. Они представляли опасность лишь до тех пор, пока никто ничего не знал. Ты же с легкостью разгонишь всю шайку и получишь взамен консульство. Надеюсь, после этого ты не забудешь друзей.

Юлий стремительно вскочил на ноги и сверху вниз взглянул на консула. Услышал ли он теперь всю правду или только ту ее часть, которую пожелал раскрыть старый хитрец? Вполне возможно, что те самые люди, которых он с такой легкостью предал, виноваты лишь в несогласии с ним самим. Тем более недостойно посылать легионеров в дома могущественных граждан лишь по наговору Красса, и следует учесть, что сам он сможет запросто отказаться от своих слов. Сомневаться в том, что бесчестный человек способен на подобное, не приходилось.

– Я все обдумываю и решу, как поступить, Красс. Но учти: послушным мечом, которым ты сможешь поражать неудобных, я не стану ни при каких обстоятельствах.

Красс тоже поднялся, пытаясь погасить в глазах гневный огонь:

– Политика – дело кровавое, Юлий. Тебе лучше узнать это сейчас, пока еще не поздно. Я слишком долго ждал возможности расправиться с преступниками. Постарайся не повторить той же ошибки.

Они вошли в зал заседаний рядом, но не вместе.

Глава 11

Тот дом, который Сервилия подыскала для организации предвыборной кампании, оказался большим – в три этажа. Но сейчас люди заполнили его до отказа. Самое главное досто-

инство здания состояло в том, что оно находилось в оживленной, деловой части города, и это позволяло Цезарю активно общаться со всеми, кто искал с ним встречи. С раннего утра и до заката сквозь никогда не закрывающиеся двери бегали посыльные, выполняя поручения и приказы, которые сыпались на них, словно из рога изобилия.

Цезарь непосредственно приступил к обязанностям эдила. Воины Десятого легиона по ночам группами патрулировали город, и в результате трех яростных стычек с бандами разбойников одиннадцать улиц в беднейших кварталах уже были свободны от них. Легион продолжал действовать. Юлий прекрасно понимал, что лишь глупец может надеяться на то, что с бандитами покончено, однако они опасались проникать в те районы, где ощущалось присутствие нового хозяина города. Жители, в свою очередь, почувствовали, что их надежно охраняют, и начали ходить по улицам более уверенно.

Юлий взял на себя три судебных дела и первое уже выиграл. Следующее предстояло через три дня. Посмотреть на молодого оратора приходили толпы людей, с огромным энтузиазмом приветствуя его, несмотря на то что дело было относительно несложным, а преступление – далеко не самым страшным. Юлий же тешил себя тайной надеждой, что ему доверят дело об убийстве или иной серьезный вопрос. Тогда на площади, чтобы послушать его, соберутся тысячи.

Цезарь не видел Александрию несколько недель – с того самого дня, как девушка согласилась выполнить обширный заказ: одеть в доспехи участников большого боевого турнира, который должен был состояться в городском предместье. Нередко, устав от работы, он садился верхом и отправлялся посмотреть, как идет строительство предназначенной для поединков арены. Брут и Домиций отправили гонцов во все маленькие и большие города – иногда за пятьсот миль от Рима, призывая самых искусных воинов явиться в столицу и принять участие в турнире. Но даже при огромном числе соперников оба воина надеялись выйти в финал. Брут вообще настолько был уверен в собственной победе, что заключил пари почти на все годовое жалованье.

Отправляясь на форум и даже выезжая за город, на строительную площадку, Цезарь намеренно не брал с собой охранников. Тем самым он хотел показать гражданам, что верит им и не боится никого и ничего. Поначалу Брут пытался спорить, но вскоре как-то подозрительно легко уступил. Юлий подозревал, что центурион втайне от него отрядил людей, сопровождавших командира повсюду, словно тень. С этим он смирился. В данном случае видимость была гораздо важнее реальности.

Как и обещал, Цезарь провел в сенате закон, предписывающий торговым повозкам въезжать в Рим только по ночам. Это позволяло людям днем свободно передвигаться по городу. В темное время суток на каждом углу стояли солдаты, обеспечивающие тишину передвижения. После нескольких кратких стычек с беспокойными возницами порядок установился быстро. Теперь ответственность за порядок в городе целиком лежала на плечах молодого военачальника, а поддержка Красса обеспечивала почти безболезненное общение с сенаторами.

Подчиненные и солдаты трудились, не жалея сил. Предвыборная кампания продвигалась успешно, и, если бы не проблема, подкинута Крассом, скоро можно было бы почивать на лаврах.

Каждый день консул требовал выступить против тех, кого называл предателями. Юлий не торопился, однако постоянно мучился тревожным ожиданием выступления мятежников. Тогда окажется, что он вполне мог его предотвратить, но не сделал этого. Правда, он не бездействовал: за каждым из названных Крассом заговорщиков днем и ночью следили шпионы. Ясно было одно: люди эти действительно собирались там, где их разговоры никто не смог бы услышать, – в банях, в частных домах и квартирах. И все-таки спешить с выводами не следовало. Глядя на спокойные улицы, трудно было представить себе таящийся где-то в их глубине

заговор. Тем не менее гражданские войны в Риме случались, и этого было достаточно, чтобы отправить Брута на разведку туда, куда указал Красс.

Нельзя было не признать, что именно в этом и заключалась основная тяжесть ответственности, которую молодой эдил взвалил на свои плечи: хотя кто-то другой мог непосредственно рисковать карьерой и даже жизнью, все решения находились в его руках. Ставка была высока. Имея в распоряжении лишь несколько имен, нельзя обвинить сенаторов в измене, не положив на плаху собственную голову. Если вдруг не удастся убедительно и очевидно доказать собственную безупречную правоту, весь сенат, как один человек, повернется против отступника. Хуже того, многие испугаются возвращения к страшным дням Суллы, когда люди понятия не имели, кого именно уведут из дому следующим, обвинив в измене. Ошибка в данном случае могла привести к еще более страшным последствиям, чем бездействие, и эта мысль угнетала больше всего.

Оставшись на несколько минут в одиночестве, Юлий с такой силой стукнул кулаком по столу, что тот закачался. Как доверять Крассу после подобных откровений? Ведь этот человек – консул, а значит, должен был выдвинуть Катилине обвинения в заговоре в ту самую минуту, как тот вступил в сенат. Не сделав этого, он нарушил свой священный долг, а значит, предстал как самый презренный из всех граждан. Подобную слабость простить невозможно. Тем более что еще не остыла память о той страшной ночи, когда в город вошло войско Суллы. Юлий невольно вздрогнул. Он снова увидел поверженного людьми в черных плащах Мария – они облепили безоружного, словно жестокие африканские муравьи. Крассу не следовало верить Катилине и его приспешникам, чего бы те ни сулили.

Шум на первом этаже вывел Юлия из глубокой задумчивости. Рука сама потянулась к лежавшему на столе мечу, но тут он услышал голос Брута и успокоился. Все Красс: опять вернулся страх, который не давал покоя в те времена, когда Катон угрожал не на шутку и каждый человек мог оказаться врагом. Красс умело манипулировал им, и эта нечистоплотность рождала в душе гнев. Но ведь, несмотря ни на что, Красс получит все, к чему стремится. Заговорщиков необходимо обезвредить до того, как они нанесут удар, – это несомненно. Интересно, можно ли их запугать? Послать по домам центурию под руководством лучших, самых опытных офицеров? Если конспираторы поймут, что планы их раскрыты, то заговор вполне может умереть, так и не реализовавшись.

Брут постучал и вошел. По выражению его лица Цезарь сразу понял, что друг принес дурные вести.

– Мои люди прочесали те деревни, о которых тебя предупреждал Красс. Судя по всему, он говорит чистую правду, – без всяких предисловий приступил к делу Брут.

Сейчас в его поведении не осталось и следа от обычной беспечности.

– Сколько мечей они имеют в своем распоряжении? – сразу уточнил Цезарь.

– Восемь тысяч, может, и больше, хотя и в разных местах. В каждом городке и в каждой деревне полно вооруженных людей. Никаких знамен, никаких опознавательных знаков. Просто огромное, устрашающее множество клинков, причем почти рядом с Римом. Трудно не волноваться. Если бы мои ребята не знали точно, что искать, то могли бы и промахнуться. Боюсь, что опасность действительно серьезная, Юлий.

– Значит, пришла пора действовать, – встрепнулся Цезарь. – Дело зашло слишком далеко, так что предупреждать уже бесполезно. Веди своих солдат к тем домам, за которыми мы наблюдали. Сам отправляйся к дому Катилины. Арестуй заговорщиков и сегодня же доставь их на заседание сената. А там я возьму инициативу в свои руки и покажу нашим законодателям, как близко они подошли к краю пропасти. – Цезарь энергично пристегнул меч к поясу. – Будь осторожен, Брут. Не исключено, что в городе у них есть сторонники. Красс говорил, что они начнут наступление с самых бедных кварталов, а потому необходимо выставить на улицах легионеров, готовых в любую минуту отразить нападение. Кто знает, во что все это выльется?

– Если мы будем стремиться охватить весь город, одного лишь Десятого легиона окажется недостаточно, Юлий. А мне самому не удастся одновременно и командовать, и сражаться с наемниками.

– Я постараюсь убедить Помпея вывести на улицы своих людей. Он и сам поймет, что это необходимо. После того как доставишь заговорщиков в сенат, дай мне час, а потом действуй. Если я не встану во главе войска, выступай один.

Брут не спешил отвечать, прекрасно понимая, что его просят сделать.

– Но ведь если я вступлю в бой без сенатского приказа, мне тут же придет конец, независимо от того, на чьей стороне окажется победа, – наконец негромко произнес он. – Ты уверен, что Красс не предаст тебя?

Юлий явно колебался. Стоит Крассу отказаться повторить свои обвинения перед сенаторами, он окажется первым и самым страшным преступником. Старый консул настолько изощренно хитер, что может состряпать самую сложную паутину просто для того, чтобы убрать с пути нескольких нежелательных конкурентов. Таким образом он избавится от неугодных, даже не запачкав рук.

Но есть ли выбор? Если существует хотя бы малейший шанс остановить восстание, это необходимо сделать немедленно.

– Я не могу доверять этому человеку и в то же время не могу допустить опасности, которая угрожает Риму. А потому арестуй всех тех, кого он назвал, пока они не успели выступить. Всю ответственность я возьму на себя и, если смогу, приду тебе на помощь. Если же вдруг не появлюсь, принимай решения сам. Выжди, сколько сможешь, но ни в коем случае не опоздай.

Брут вместе с Домицием и двадцатью лучшими легионерами своей центурии отправился в особняк Катилины, чтобы арестовать заговорщика. Отряд немного замешкался в воротах, и эти минуты оказались роковыми: ворвавшись в кабинет, Брут с яростью увидел, как претор греет руки возле жаровни, в которой ярко горит целая кипа бумаг. Он выглядел совершенно спокойным и с достоинством приветствовал военных. Четко вылепленное лицо казалось почти скульптурным, а широкие плечи и сильные, мускулистые руки свидетельствовали о том, что этот человек держит себя в форме. В отличие от других сенаторов, он постоянно носил на поясе меч в украшенных чеканкой ножнах.

Реакция Брута была молниеносной: он выплеснул в огонь вино из стоявшего неподалеку кувшина. Огонь погас, и центурион бесстрашно сунул руку в жаровню, надеясь обнаружить какие-нибудь сохранившиеся документы. К сожалению, ничего не уцелело.

– Ваш командир превысил полномочия, солдаты, – обратился Катилина к легионерам.

В этот момент вперед выступил Домиций:

– Мне приказано доставить тебя в курию, сенатор, и там будет предъявлено обвинение в измене.

Катилина молча положил руку на рукоятку меча, и офицеры застыли в напряжении.

– Еще одно прикосновение к мечу, и ты умрешь прямо сейчас, – негромко предупредил Брут.

Глаза Катилины, до сих пор казавшиеся сонными, словно раскрылись – он наконец-то осознал грозящую опасность.

– Как тебя зовут?

– Марк Брут. Десятый легион.

– Так вот, Брут, консул Красс – мой добрый друг, и, как только я окажусь на свободе, мы непременно обсудим этот вопрос во всех деталях. А сейчас поступай так, как предписано. Веди меня в сенат.

Домиций протянул руку, пытаясь взять сенатора за плечо, но тот резко оттолкнул его. Сквозь показное спокойствие прорывалось истинное состояние души.

– Не смей прикасаться ко мне! Я римский сенатор! Не думай, что я забуду нанесенные оскорбления! Как только комедия закончится, вы оба жестоко поплатитесь! Даже хозяин не сможет защитить вас от закона!

Катилина стремительно выскочил из комнаты. Лицо его казалось поистине свирепым. Претора окружили обескураженные солдаты Десятого легиона. Домиций молча вывел пленника на улицу, в глубине души надеясь, что доказательства вины этого самолюбивого и резкого человека окажутся действительно весомыми; в ином случае трудно даже представить, к каким последствиям может привести сегодняшнее событие. Вполне возможно, что Юлий окажется виновен в крушении собственной политической карьеры.

На улице было множество народа – в этот утренний час все спешили по делам, – и Бруту пришлось расчищать путь зачехленным мечом. Однако далеко не все прохожие охотно уступали дорогу, а потому отряд продвигался медленно. Дойдя до первого поворота, Брут тяжело перевел дух и тихо выругался. Толпа вокруг заметно изменилась, он же обратил на это внимание слишком поздно.

Женщины и дети куда-то исчезли, а солдат Десятого легиона окружали мужчины весьма решительного вида.

Центурион бросил взгляд на Катилину. Сенатор явно торжествовал. Все ясно: засада. Похоже, Катилина подготовился к приходу легионеров.

– Защищайтесь! – скомандовал Брут подчиненным.

Тревога прозвучала как раз вовремя – из-под плащей прохожих показались обнаженные и готовые к бою мечи. Среди прохожих с самого начала сновали люди Катилины, ожидая удобного момента, чтобы освободить господина. Неожиданно улица наполнилась лязгом оружия и криками: первые из легионеров были застигнуты врасплох. Растерянность стоила им жизни.

Брут заметил, что приближенные освободили Катилину и теперь выводят его из толпы. Он тут же попытался схватить отчаянно сопротивляющегося претора. Увы, совершенно бесполезно. Стоило лишь вытянуть руку, как кто-нибудь налетал на него с оружием, и приходилось защищаться. Окруженный со всех сторон врагами, центурион оказался на грани паники. Однако в этот миг он заметил, что Домицию удалось расшвырять врагов, и двинулся к нему.

Воины Десятого легиона не сдавались, убивая сторонников Катилины с холодной решительностью опытных солдат. Среди них не было ни трусов, ни слабаков, но каждому предстояло сражаться с двумя, а то и тремя противниками. Нападающие, конечно, не могли похвастаться ни выучкой, ни особой сноровкой, тем не менее дрались они яростно, с фанатичной энергией, и даже доспехи легионеров не всегда выдерживали силу наносимых ударов.

Брут сражался сильно, смело и красиво. Вот он левой рукой схватил одного из врагов за горло и, словно щит, швырнул его на двух других наступающих, одновременно нанося им точные и безжалостные удары мечом. В эту минуту он почувствовал себя немного увереннее и даже отважился посмотреть, что же происходит вокруг. Однако радоваться было рано: пришлось отразить занесенный над правой рукой меч, а потом, в ответ, нанести врагу смертельный удар в горло. Горло и пах – вот самые верные цели.

Кто-то ударил в спину, и Брут ощутил, что один из ремней, удерживающих доспехи, порван. Вес тяжелых лат сместился. Стремительно обернувшись, воин вонзил меч прямо в ключицу врага, и тот рухнул на залитую кровью мостовую.

Брут посмотрел вокруг. Катилина исчез.

– Очистить чертову улицу, Десятый, быстро! – не скрывая ярости, скомандовал центурион, и легионеры бросились в бой с удвоенной силой.

Острые, словно отточенная бритва, тяжелые мечи крошили направо и налево, напоминая в этот момент ножи в лавке мясника. Некоторые из защитников Катилины скрылись вместе со своим господином, и число неприятелей стремительно сокращалось. Легионеры яростно рас-

правлялись с оставшимися, безжалостно сокрушая тела и расплачиваясь за вероломное нападение единственно достойной монетой.

Наконец все закончилось. Легионеры остановились, тяжело дыша и мрачно глядя по сторонам. С блестящих металлических доспехов медленно стекала, капая на землю, вражеская кровь. Один из них прошел между поверженными защитниками Катилины, для полной уверенности нанося последний, смертельный удар.

Брут вытер о тело последнего из убитых меч и, тщательно осмотрев лезвие, уверенным движением засунул верное оружие в ножны. Да, в работе Кавалье изъянов не найдешь.

Из двадцати легионеров осталось всего одиннадцать, причем двое из них тоже прощались с жизнью. Брут с сочувствием и пониманием смотрел, как товарищи, не дожидаясь приказа командира, подняли умирающих и, поддерживая, шептали слова последнего утешения.

Центурион попытался сосредоточиться и трезво оценить ситуацию. Люди Катилины оказались вооружены и готовы к бою с воинами Десятого легиона. Это означает, что претор собирався присоединиться к заговорщикам как раз сегодня. Или же, наоборот, они шли к его дому.

Надо принимать решение как можно скорее. Ведь люди молча ждут приказа.

– Домиций, поручи наших раненых заботам жителей ближних домов. А прежде чем догонишь нас, передай сообщение Юлию – в сенат. Скажи, что ждать его мы уже не можем. Все остальные – быстро за мной!

Не добавив больше ни слова, Брут бегом бросился вперед. Не обращая внимания на усталость, легионеры последовали за ним.

В сенате творилось нечто невероятное: триста сенаторов говорили одновременно, стараясь перекричать друг друга. Самые громкие протесты раздавались в середине зала: именно там стояли те закованные в цепи четыре человека, которых арестовал Цезарь. Арестованные требовали доказательства выдвинутых против них обвинений. Поначалу они вели себя сдержанно, но, как только поняли, что Катилина сумел освободиться, осмелели и обрели утраченную было уверенность.

Помпей тщетно дожидался тишины. В конце концов ему пришлось действовать теми же методами, что и всем вокруг, добавив собственный голос к общему шуму.

– Всем сесть и замолчать! – набрав в легкие побольше воздуха, закричал он, оглядывая собравшихся в зале людей.

Ближние отреагировали довольно быстро, а последовавшая волна создала видимость порядка.

Помпей ждал, пока шум стихнет; постепенно все перешли на шепот. Консул крепко уперся руками в край трибуны, собираясь обратиться к разбушевавшемуся и вышедшему из-под контроля сенату, но как раз в эту минуту один из четверых арестованных просительно воздел скованные руки:

– Консул, я требую немедленного освобождения! Нас вытащили из домов и...

– Замолчи немедленно, или я суну тебе в рот железный кляп! – оборвал Помпей. Говорил он негромко, и все же голос достигал самых дальних скамеек. – В должное время вам будет предоставлена возможность ответить на выдвинутые Цезарем обвинения! – Консул глубоко вздохнул. – Сенаторы! Эти люди обвиняются в заговоре и организации беспорядков в городе, которые должны были привести к полномасштабному восстанию и свержению власти сената. Но, самое главное, они планировали убийство ведущих политиков! Те из вас, кто так громко взывает к справедливости, вполне могут рассмотреть серьезность обвинений. А сейчас выслушайте Цезаря, который и предъявит обвинение!

Юлий шел к трибуне, ощущая, как по спине ползет холодный пот. Где же Катилина? Если у Брута все прошло, как запланировано, ему давно пора быть здесь, рядом с остальными обвиняемыми. Но случилось иначе, и сейчас Юлий ощущал каждый шаг, как приближение к

пропасти. Он ведь не обладал никакими аргументами, кроме слов Красса. Разве этого достаточно для выдвижения обвинений?

Юлий поднялся на трибуну и обвел взглядом коллег: да, некоторые смотрят с открытым вызовом. Вот почти напротив него, рядом с Бибулом, сидит Светоний. Оба едва не лопаются от любопытства – как пройдет это скользкое дело? Цинна тоже здесь, кивает с непроницаемым выражением. После смерти дочери он так редко появляется в сенате! Дружбы между ними быть не может, но и врага в бывшем тесте Цезарь тоже не видит. Больше того, если б можно было быть настолько же уверенным и в других сенаторах!..

Глубоко вздохнув, Юлий постарался привести мысли в порядок. Если он ошибся в расчетах, ситуация обернется против него самого. А если вдруг окажется, что Красс попросту отдал молодого эдила на съедение волкам, то впереди маячат позор и, скорее всего, физическое уничтожение.

Юлий взглянул на Красса, почти ожидая увидеть в глазах старого консула выражение триумфа. Тот едва заметно приложил руку к груди. Человек на трибуне не подал виду, что заметил жест.

– Я обвиняю вот этих четырех людей и еще одного, по имени Луций Сергий Катилина, в измене против города и сената, – наконец заговорил оратор, и в зале повисла напряженная тишина. Юлий с трудом справлялся с волнением. Нет, путь к отступлению отрезан. – Я могу с уверенностью заявить, что к северу от Рима, в небольших городах собрана армия, насчитывающая в своих рядах от восьми до десяти тысяч человек. Эта армия готовилась выступить под предводительством уже названного Катилины. Сигналом к атаке должны были служить разложенные на вершинах холмов костры. Для этого в городе завербовали целый отряд сочувствующих.

Глаза присутствующих обратились к четверем закованным в цепи арестантам. Те стояли, прижавшись друг к другу, с дерзким и непокорным видом. Один из них покачал головой, словно показывая, что слова эдила несправедливы.

В эту минуту на трибуну поспешно поднялся посыльный в сенатской тунике, он молча передал оратору небольшую восковую табличку. Быстро прочитав записку, Цезарь нахмурился.

– Только что пришло сообщение, – продолжал он, – что предводитель мятежа сумел уйти от того отряда, который я послал, чтобы арестовать его и доставить сюда. А потому прошу немедленного согласия сенаторов на мое выдвижение во главе Десятого легиона на север, против войска Катилины. Промедление смерти подобно!

Один из сенаторов поднялся с места и задал тот вопрос, которого ожидали все:

– Какие доказательства ты можешь предложить нам, эдил?

– Свое собственное слово и слово консула Красса, – быстро ответил Юлий, пытаясь не дать воли сомнениям. – Природа заговора в том и заключается, коллега, чтобы не оставлять следов и доказательств. Катилине удалось уйти, убив девять моих лучших воинов. А ранее он обращался к консулу Крассу, предлагая убить консула Помпея и учредить в Риме новый правопорядок. Остальные детали будут раскрыты позже, после того как я справлюсь с грозящей городу опасностью.

Поднялся Красс, и Юлий с тревогой взглянул на него, все еще сомневаясь, можно ли доверять этому человеку. Консул взглянул на четырех закованных в цепи пленников, и на лице его отразился пылающий в душе гнев.

– Я заявляю, что Катилина – предатель!

Услышав слова Красса, Юлий почувствовал, как с плеч спадает огромная тяжесть. Что бы ни делал старик, во всяком случае он не подвел и не отказался от данного слова. А это уже немало.

Красс встретился с молодым трибуном глазами, и тот спросил себя, уж не читает ли консул его мысли.

– Как консул, я даю свое согласие на выступление Гая Юлия Цезаря во главе Десятого легиона из Рима на север, с тем чтобы уничтожить армию заговорщиков. Что скажет Помпей?

Помпей поднялся, переводя взгляд с одного из выступавших на другого. Он чувствовал, что история вовсе не заканчивается на том, что ему только что рассказали, но все же, выдержав долгую паузу, кивнул в знак согласия:

– Следуй своим принципам. Верю, что необходимость выступления так велика, как я только что слышал. Мой собственный легион займется восстановлением порядка в городе. Однако те люди, которых ты называешь заговорщиками, не будут преданы суду вплоть до твоего возвращения. Я сам займусь допросом обвиняемых.

После этого заявления по залу прокатился шепот. В центре всеобщего внимания оказались трое – двое почтенных консулов и молодой военачальник, недавно назначенный эдилом. В облике каждого из них чувствовались недюжинная сила и решимость.

Первым прервал молчание Красс. Он вызвал писаря и приказал ему срочно написать приказ о выступлении. Приказ был тут же составлен, подписан и передан Цезарю.

– Исполняй долг, и фортуна не изменит тебе, – напутствовал молодого эдила Красс.

Юлий бросил на консула быстрый, но пристальный взгляд и поспешил прочь из зала заседаний.

Глава 12

Брут ехал со своей сотней отборных всадников во главе Десятого легиона. Центурия то вырывалась вперед, на разведку, то возвращалась к двигавшимся быстрым маршем легионерам. Сейчас войско находилось к северо-западу от Рима, основную часть легиона пришлось выводить из разбитого на побережье лагеря, а свою центурию Брут вел из старых казарм Перворожденного.

Когда обе части армии наконец соединились, нервозность, мучившая Брута, уступила место радости: ведь впервые в жизни он вел в бой легион! Конечно, он надеялся на то, что Юлий догонит свое войско, но где-то в глубине души оставалось стремление испытать силы в одиночку. Его конная центурия мчалась так, словно всадники служили вместе уже несколько десятилетий. Брут не мог насмотреться на красавцев и даже не допускал мысли о том, чтобы отдать их в чьи-то чужие руки.

На морском побережье во главе пяти центурий остался Рений; ему предстояло охранять вывезенное из Испании золото да и сам лагерь. Конечно, в необходимости этого сомневаться не приходилось, однако Бруту страшно было расстаться даже с десятком воинов, так как точная численность войска противника до сих пор оставалась загадкой. Окинув наметанным взглядом стройные ряды своих солдат, командир не мог не ощутить законной гордости за тех, кто беспрекословно ему подчинялся. Поначалу этих людей объединяли лишь золотой орел и память о Марии, но сейчас они вновь превратились в сильный легион, и этот легион подчинялся именно ему!

Взглянув на солнце, Брут вспомнил карты, которые нарисовали разведчики. Судя по их данным, армия Катилины находилась дальше чем в сутках пути от города, так что предстояло решить, разбивать ли на ночевку укрепленный лагерь или двигаться всю ночь. Конечно, воины Десятого сейчас в такой форме, о которой можно только мечтать, – в прибрежном лагере они отлично отдохнули от тяжелого морского плавания. Кроме того, в уме мелькнула предательская мысль: остановись он на ночь, Юлий сможет без труда догнать войско, и тогда уже командование точно перейдет в его руки. Конечно, ночные дороги опасны и коварны, но Брут все-таки принял решение двигаться до тех пор, пока не встретится с неприятелем.

Область Этрурия, в юго-восточной точке которой находился Рим, представляла собой испещренный возвышенностями и оврагами край: путь по ней не казался легкой прогулкой. Воинам Десятого пришлось перестроиться в более широкие колонны, чтобы увереннее чувствовать себя среди древних расщелин и долин. Центурион с удовольствием отметил слаженность и четкость перестройки.

Показался Октавиан, на всем скаку искусно развернув мерина.

– Еще далеко? – поинтересовался он, повысив голос, чтобы перекрыть шум войска на марше.

– До тех деревень, в которых мы проводили разведку, осталось миль тридцать, – улыбаясь, ответил Брут.

Он прекрасно видел, как отражается в юном лице Октавиана его собственное волнение. Мальчик еще не знал битвы, так что марш не связывался в его сознании ни с ранениями, ни со смертью. Бруту, конечно, не мешало бы воспринимать события менее восторженно, но его Десятый так ярко сиял на солнце, а мальчишеская душа с такой страстью рвалась командовать парадом!

– Возьми с собой отряд и проверь, что творится у нас в тылу, – распорядился Брут, стараясь не замечать явного разочарования Октавиана.

Приказ не слишком лестный, однако Брут не собирался подставлять неопытного мальчика под первый удар схватки с врагом.

Он внимательно наблюдал, как юноша уверенно собрал всадников, четко их построил и отправился в хвост колонны выполнять задание. К удовольствию от созерцания четких действий подчиненного примешалась немалая доля гордости за собственные тактические способности.

Брут вспомнил, как много лет назад отдал Перворожденный в руки Цезаря, и с трудом подавил чувство глубокого сожаления. Конечно, его нынешнее командное положение – всего лишь временная замена Юлия, однако счастливые дни надолго сохранятся в памяти.

В этот момент показался один из высланных вперед разведчиков. Лошадь порою заносило на неровной земле, и всаднику приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы удержаться в седле. Лицо его побледнело от возбуждения.

– Враг уже близко, центурион! Армия движется в сторону Рима!

– Сколько их? – резко уточнил Брут, пытаясь унять стремительное биение сердца.

– Два легиона, нерегулярных. Двигутся открытыми каре. Кавалерии я не заметил.

За спиной раздались крики, и Брут повернулся в седле. Колонну догоняли два всадника. Не приходилось сомневаться, что Домиций выполнил свой долг и доставил Юлия в расположение Десятого легиона. Центурион едва справился с разочарованием и гневом.

Снова повернувшись к разведчику, он задумался. Дождаться Цезаря и передать ему командование войском? Нет уж, это невозможно. Приказ отдаст именно он. Брут глубоко вздохнул:

– Передай вдоль строя. Продвигаться вперед и атаковать противника. Разбиться на манипулы. Всадников – на фланги. Мы разобьем этих негодяев с первого захода!

Разведчик с готовностью отсалютовал и исчез, а Брут с горечью наблюдал за неумолимым приближением облака пыли, сулившего схватку, кровь и смерть. Пусть теперь Юлий берет командование на себя.

Заметив приближение Десятого легиона, ряды наемников заколебались и замедлили шаг. Колонна надвигалась на них, словно грозная серебристая змея, – с той лишь разницей, что движение змеи не отдается содроганием земли. На ветру реял целый сонм флагов, доносился негромкий пока звук горнов.

Четыре тысячи пришедших за золотом Катилины наемников явились из Галлии, и их предводитель положил на плечо римлянина тяжелую ладонь.

– Ты же сказал, что путь в город окажется открытым! – прорычал он.

Дернув плечом, Катилина сбросил руку:

– У нас вполне достаточно сил, Главис, чтобы справиться с ними. Ты же и сам прекрасно знал, что работа будет кровавой.

Галл кивнул, соглашаясь, и прищурился, чтобы получше разглядеть римскую армию. Он вытащил из ножен тяжелый меч, и в густой бороде его хищным оскалом сверкнула улыбка. Его люди, как один, повторили движение, и строй мгновенно ошестинился панцирем сверкающих игл.

– Ну что ж, всего лишь небольшой легион, да еще один в городе. Мы проглотим их, – пообещал Главис и захохотал, от удовольствия откинув назад голову.

Галлы ответили воинственным кличем, и первые ряды быстро двинулись вперед, преодолевая неровности пути.

Катилина тоже вытащил меч и вытер застилавший глаза пот. Сердце его бешено и неровно колотилось от непривычного страха, и римлянин пытался понять, замечает ли его чувства галл. Покачав головой, мысленно проклял Красса за ложь. Существовал шанс захватить город врасплох, посеять ужас и панику. И вот этот легион здесь, в поле.

– У нас достаточно сил, – повторил он, пытаясь этими словами вернуть уверенность.

Перед ним во вражеской армии происходило перестроение: впереди показалась конница. От топота копыт земля сотрясалась уже не на шутку, и Катилина внезапно понял, что настал его смертный час. Страх сразу куда-то улетучился, ноги обрели странную легкость, и почтенный римлянин побежал.

Цезарь без малейшего колебания принял командование и, нещадно подгоняя и без того взмыленного жеребца, поравнялся с Брутом. Показал подписанную консулами восковую табличку:

– Теперь уже все на законных основаниях. Ты отдал приказ об атаке?

– Отдал, – коротко ответил Брут.

Он пытался скрыть неприязнь и холод, но, к счастью, Юлий смотрел в сторону, пытаясь оценить расстояние до войска мятежников.

– Конница уже готова – на флангах, – добавил Брут. – Я могу присоединиться к ней.

Юлий кивнул:

– Надо как можно быстрее расправиться с наемниками. Собери всадников справа и по моему сигналу налетай. Два коротких звука горна. Слушай внимательно, не пропусти!

Брут отсалютовал и, не оглядываясь, поехал прочь. Всадники построились рядами. Увидев командира, они слегка расступились, пропуская его. Послышалось несколько радостных приветствий. Брут нахмурился, надеясь, что воины не слишком легкомысленно воспринимают предстоящую схватку. Так же как и Октавиану, он хотел сказать им, что существует немалая разница между метанием копий в тренировочные щиты и убийством людей.

– Держите строй! – прорычал центурион, глядя поверх голов своих воинов, и те сразу притихли.

Люди замолчали, однако царящее в их рядах возбуждение давало себя знать. Лошади танцевали на месте, не в силах дожидаться движения, и всадникам приходилось держать их твердой рукой. Люди тоже заметно нервничали. Некоторые снова и снова проверяли копыя, то и дело вытаскивая их из свисавших с седел кожаных петель.

Теперь уже враг был хорошо виден: плотная масса громко кричащих людей, на бегу размахивающих широкими мечами, быстро приближалась, чтобы нанести сокрушительный удар. Лезвия ослепительно сверкали в солнечных лучах.

Центурии Десятого легиона сплотили ряды. Каждый из воинов взял меч на изготовку, щитом прикрывая товарища слева. Колонна продвигалась вперед сплошной массой – без единого просвета. Горны пропели три коротких сигнала, и строй перешел на бег, до последнего момента храня полное молчание. И вот все, как один, издали боевой клич, одновременно метнув во вражеский строй копья.

Тяжелые железные пилумы с заостренными концами сбили с ног бегущих противников. Брут же в это самое время чуть придержал своих всадников, давая им возможность тщательно прицелиться. Получилось так, что еще до того, как два войска столкнулись, в рядах наемников уже недосчитались сотен бойцов, в то время как римляне не потеряли ни единого человека. Всадники напали с флангов, и Юлий видел, как, круша направо и налево, они красиво, почти автоматически прикрывали щитами спины. Битва казалась превосходной демонстрацией выучки и опыта, так что даже в боевых условиях невозможно было удержаться от восхищения.

Главис ощутил мощный удар, но он пришелся на щит, раскроив его пополам. Не успел галл прийти в себя и прочно стать на ноги, как вражеский меч пронзил живот. Воин сморщился, хотя боль еще не успела прийти, и снова поднял меч. В это мгновение римлянин с силой толкнул его щитом, и бородатый наемник упал, выпустив из онемевших пальцев верное оружие. Главис в ужасе смотрел на вздымающийся над ним лес ног и мечей. Они метались, топчя его, и уже через несколько секунд на галла снова посыпались удары. Кровь текла сплошным потоком, но он не обращал на нее внимания, лишь время от времени равнодушно сплевывая. Обязательно надо подняться на ноги, встать, но его без конца топтали и пинали.

Никто не заметил, когда умер предводитель галльских наемников Главис. А ему не довелось увидеть, как ряды его воинов дрогнули и распались, не в силах противостоять мощному боевому ритму, заданному римлянами.

Галлы потеряли боевой дух в тот самый миг, когда увидели, как упал Главис. Именно этого и ждал Юлий. Он подал знак горнисту, и тот сыграл две короткие призывные ноты.

Сигнал услышал Брут. Сердце его едва не выскочило из груди. Несмотря на численное преимущество, наемники не смогли выдержать натиска Десятого легиона. Некоторые уже бросали оружие и пытались спастись бегством. Брут усмехнулся и с силой рассек воздух сжатым кулаком. Сейчас, когда копий уже нет, всадники покажут свою истинную мощь. Центурия ответила на сигнал слаженно, словно один человек. Чуть отступив, конница, словно нож, вонзилась в ряды противника, пронзая их и разрезая на мелкие части. Каждый из воинов держал поводья одной левой рукой, правой крепко сжимая меч и снося головы всем, кто оказался на пути. Мощные кони сметали людей своим весом, никто не мог противостоять их бешеному натиску. Они все глубже и глубже прорывались сквозь вражеские ряды, безжалостно рассекая и уничтожая их.

Передовой отряд Десятого бесстрашно надвигался на врагов. Каждый из легионеров разил мечом врагов и защищал щитом товарища слева, в то же время не сомневаясь, что справа так же надежно защищают его самого. Остановить натиск было уже невозможно. Наемники падали как подкошенные ряд за рядом, а легионеры рвались вперед, и лишь тяжелое дыхание выдавало их усталость и напряжение.

Юлий подал команду к выступлению манипул, и центурионы тут же ввели их в бой.

Увидев свежих воинов, мятежники окончательно пали духом. Сотни наемников бросали оружие и разбегались в разные стороны, даже не слыша жалких криков командиров.

Тем, кто сдался слишком рано, надеяться на милость не приходилось. Римские легионеры никак не могли пропустить их сквозь наступающий строй, и они погибли вместе с остальными.

Вокруг мятежников вились всадники на хрипящих и фыркающих черных конях, забрызганных алой кровью. Зрелище они представляли поистине страшное, скорее похожее на ночной кошмар, но никак не на правду жизни. Конница и завершила бой: окружив потрепанную

массу врагов, она вызвала такой ужас, что все, кто еще стоял на ногах, словно по команде, побросали на землю оружие и, задыхаясь и умоляя о пощаде, подняли руки.

Увидев капитуляцию, Цезарь растерялся. Если не отдать горнистам приказ об окончании атаки, легионеры Десятого будут продолжать рубить и крошить до тех пор, пока в живых не останется ни одного мятежника. В глубине души он этого и хотел. Ведь что делать с таким количеством пленников? И так уже в Риме их тысячи, причем им нельзя позволить вернуться на родину. Юлий выжидал, чувствуя сосредоточенные на себе взгляды центурионов. Те, в свою очередь, ждали сигнала к прекращению бойни. Действительно, легионеры уже начали превращаться в мясников, в то время как наемники в первых рядах снова потянулись к мечам – инстинкт самосохранения брал верх. Судя по всему, медлить было нельзя. Цезарь резко рассек рукой воздух. Горнисты поняли команду и сыграли нисходящий сигнал. Легионеры остановились как вкопанные. Все закончилось.

Оставшихся в живых наемников разоружили – настолько быстро, насколько легионеры смогли пройти сквозь их спутанные, сбившиеся ряды. Продвигались они маленькими группами по несколько человек, обыскивая каждого. Пока один из римлян забирал оружие, остальные молча, с суровыми лицами наблюдали, готовые моментально пресечь любое опасное движение пленника.

Офицерам наемной армии предстояло покинуть ряды и явиться к командиру победителей. Они стояли перед Цезарем странной, наводящей на печальные размышления группой – оборванные, грязные, в случайно найденных, разрозненных доспехах.

Солнце опускалось за горизонт, и на поле битвы поднялся прохладный ветер. Юлий оглядывал стоящих на коленях пленников, собранных в отдаленное подобие рядов. И без того печальное зрелище становилось еще мрачнее от множества лежащих вокруг мертвых тел. Вскоре нашли и труп Катилины. Юлий мрачно смотрел на рассеченные кровавые останки, которые еще совсем недавно были живой плотью заносчивого сенатора. Теперь он уже не сможет ответить ни на один вопрос.

Хотя Цезарю и казалось, что он знает правду о так быстро закончившемся восстании, он подозревал, что Красс сумеет выйти сухим из воды, скрыв свою роль в его организации. Возможно, кое-какие секреты действительно лучше не раскрывать и хранить подальше от внимания широкой общественности. Тем более что никогда не помешает иметь своим должником одного из самых богатых людей Рима.

Здесь внимание командира привлек Октавиан – юноша еще пылал, не остыв от возбуждения и страха; словно стараясь успокоиться, он то и дело похлопывал по шее своего коня. Всадники тоже получили свою долю битвы. И лошади, и люди оказались забрызганы кровью, испачканы землей. Брут стоял среди подчиненных, негромко благодарил их за ратный труд. Он гадал, чем военачальник завершит разгром мятежников. Сам он не мог смириться с намерением перебить пленников, но ведь Рим не потерпит проявления гуманности и милосердия.

Юлий знаком потребовал подвести пленных офицеров поближе. Охранники с силой начали подталкивать их в спину дубинками; один из уставших и ослабленных людей не удержался на ногах и упал. В гневе он едва не набросился на обидчиков, но его удержали свои же. Юлий прислушался к языку, на котором говорили между собой пленные, однако он казался совершенно незнакомым.

– Кто из вас главный, командир? – наконец поинтересовался Цезарь.

Офицеры переглянулись, и после паузы один из них сделал шаг вперед.

– Теми из нас, кто пришел из Галлии, командовал Главис, – пояснил он, махнув рукой в сторону мертвых тел. – Теперь он где-то там.

Пленник смерил Юлия твердым, полным достоинства взглядом и отвернулся. Печально оглядев поле брани, снова обратился к победителю:

– Все наше оружие в твоём распоряжении, римлянин. Тебе больше нечего бояться. Отпусти нас.

В ответ Юлий медленно покачал головой.

– Нам и раньше нечего было бояться, – ответил он, заметив блеснувшую в глазах смелого пленника искру. Потом заговорил громче – так, чтобы его слышали все вражеские офицеры: – Предоставляю вам выбор. Или вы умрете по моему слову... Или же, присягнув мне на верность, пополните ряды легионеров.

После этих слов все вокруг заговорили одновременно, причем волнение охватило не одних лишь наемников. Солдаты Десятого легиона от удивления и неожиданности едва не раскрыли рты.

– Платить вам будут регулярно, в первый день каждого месяца. Семьдесят пять серебряных монет каждому, хотя часть этих денег вам придется отдать обратно.

– Какую именно? – уточил кто-то.

– Столько, сколько потребуется, чтобы заплатить за соль, пищу, оружие, доспехи, а также налог в пользу сирот и вдов. В итоге у каждого из вас останется по сорок два динария. Их вы сможете тратить по своему собственному усмотрению.

Здесь Цезарь замолчал, задумавшись. На жалованье для такого количества людей потребуются тысячи серебряных монет. Содержать два легиона окажется совсем нелегко, и даже привезенное из Испании золото при эдаком размахе закончится быстро. Интересно, где же взял такое состояние Катилина? Однако сейчас не время предаваться размышлениям. Юлий заговорил снова:

– Командовать вами будут мои опытные офицеры; они научат вас сражаться так, как те воины, против которых вы сегодня выглядели малыми детьми. У вас будет настоящее, качественное оружие, надежные и красивые доспехи. Жалованье будет поступать регулярно. Так решайтесь же. Что вы принимаете, мое предложение или смерть? Сейчас идите к своим людям и передайте им мои слова. Не забудьте предупредить, впрочем, что если кто-нибудь попытается убежать, я поймаю дезертира и повешу. Все, кто предпочтет жизнь смерти, отправятся в Рим вместе с нами, но не в качестве пленников. Муштра не покажется легкой, особенно поначалу, но, думаю, выдержки и терпения солдатам не занимать. Со временем станет легче.

– А оружие ты нам вернешь? – раздался неуверенный голос.

– Что за нелепый вопрос! – возмутился Цезарь. – А теперь отправляйтесь! Так или иначе, но все должно закончиться еще до заката.

Глубоко растерянные, не в силах выдержать на себе огненный взгляд военачальника, пленные офицеры медленно повернулись и зашагали к своим стоящим на коленях в грязи собратям. Изумленные легионеры пропустили врагов.

Пока тянулись минуты ожидания, Брут подошел к другу и стал рядом.

– Сенату это не понравится, Юлий. Неужели тебе все еще недостаточно врагов?

– На поле битвы сейчас я, а не сенаторы. Нравится им это или нет, но здесь я говорю от имени всего города. Я – Рим, и мне предстоит принимать решение.

– Но ведь нам приказано их уничтожить, – тихо, чтобы никто не услышал, возразил Брут.

Юлий пожал плечами:

– Вполне возможно, что это еще придется сделать. И все-таки тебе следует надеяться, что они примут присягу.

– С какой это стати? – недовольно, с подозрением, поинтересовался Брут.

Цезарь улыбнулся и положил руку на плечо товарища:

– Да хотя бы потому, что это будет твой легион.

Брут замолчал в полной растерянности.

– Но, Юлий! – наконец собрался он с мыслями. – Эти люди воевали против нас и показали, чего стоят. Сам Марс не сможет превратить этот сброд в войско.

– Марс Марсом, а вот тебе подобное уже однажды удалось, с Перворожденным. Так что наверняка удастся и еще раз. Скажи им, что они сумели выжить в схватке с лучшим легионом Рима, которым командовал благословенный богами военачальник. Дай им возможность уважать самих себя, Брут, и они пойдут за тобой.

– И что, этот легион будет принадлежать мне, и только мне? – задумчиво уточнил Брут. Юлий пристально посмотрел на друга, словно пытаясь заглянуть ему в душу:

– Если ты и дальше останешься моей правой рукой и, более того, моим мечом, то, клянусь, я ни разу не вмешаюсь, хотя, когда нам придется сражаться вместе, общее командование возьму на себя. Во всем прочем, до тех пор пока ты мне верен, можешь поступать так, как считаешь нужным.

Постепенно, по одному, начали возвращаться офицеры наемной армии. Глядя друг на друга, они с заметным облегчением кивали. Юлий сразу понял, что люди выбрали жизнь, а вместе с ней приняли те условия, которые им предлагали.

– Другого выбора нет, – коротко отпартовал один из офицеров.

– Сомневающихся не нашлось? – негромко уточнил Цезарь.

Галл решительно покачал головой.

– Хорошо. Как только каждый из этих людей произнесет слова присяги, мы зажжем факелы и в темноте вернемся в Рим. Там вас ждут казармы и горячая еда. – С этими словами Юлий повернулся к Бруту. – Отправь вперед самых свежих из всадников, пусть отвезут сообщение в сенат. Ведь в Риме не сразу поймут, свои мы или чужие. Мне вовсе не хочется начать тот самый мятеж, который только что удалось предотвратить.

– Но мы ведь приведем в город врагов, – сурово возразил Брут.

– Нет, они больше уже не враги. Никто не сделает и шагу до принятия присяги. А после этого они уже полностью будут принадлежать нам, даже сами того не сознавая.

Цезарь подъехал к городу в окружении охраны. Ворота оказались крепко-накрепко заперты. На горизонте маячил первый, еще неуверенный утренний свет. Голова кружилась, тело ломило от усталости и бессонницы. Однако, прежде чем можно будет наконец-то лечь спать, предстоит еще немало важных дел.

– Откройте ворота! – громко закричал победитель, подняв голову и с неприязнью оглядывая нависающую массу бревен и железа.

На стене показался легионер в доспехах Помпея. Он внимательно оглядел небольшую группу всадников, а потом перевел взгляд на дорогу, – к счастью, нападать на город, судя по всему, никто не собирался.

– Только после того, как рассветет, эдил, – ответил часовой, узнав доспехи Цезаря. – Приказ консула Помпея.

Юлий тихо выругался:

– Ну так спусти мне веревку! У меня к консулу важное дело. Ждать нельзя.

Солдат исчез, очевидно собираясь спросить у старшего по званию, что делать. Спутники Юлия заметно занервничали.

– Нам предписано сопровождать тебя вплоть до здания сената, Цезарь, – отважился заметить один из них.

Повернувшись в седле, Юлий взглянул на смельчака:

– Если Помпей запер городские ворота, его легион не сможет войти. Значит, мне ничто не угрожает.

– Слушаюсь, господин, – тут же подчинился легионер.

Дисциплина не позволяла продолжать возражения.

На стене тем временем появился офицер в полном облачении. Ночной ветер шевелил плюмаж на шлеме.

– Эдил Цезарь? Если дашь слово, что поднимешься в одиночку, я спущу веревку. Консулы не сделали никаких распоряжений относительно такого раннего возвращения.

– Даю слово, – быстро ответил Юлий.

Офицер подал знак, и к воротам опустилась толстая веревка. Снова взглянув вверх, эдил обратил внимание на лучников, наблюдавших за ним с надвратных башен, и кивнул, словно что-то отмечая про себя. Да, Помпей совсем не глуп.

Спешившись, Цезарь крепко сжал веревку и посмотрел на растерянных воинов:

– Возвращайтесь в старые казармы Перворожденного. До моего возвращения командовать будет Брут.

Не добавив больше ни слова, он принялся энергично и ловко карабкаться по веревке.

Глава 13

Юлий шел по пустому спящему городу. Накрапывал мелкий дождичек. Солнце уже встало, и улицы должны были бы наполниться движением и суетой – рабочие, слуги, рабы обычно как раз в это время отправляются выполнять бесконечные поручения. Чуть позже, как правило, разносятся крики торговцев, а вместе с ними появляются и те разнообразные звуки, которые ежедневно переполняют утренний город.

Однако все вокруг казалось странно, призрачно-тихим.

Юлий ссутулился, словно пытаясь скрыться от дождя и прислушиваясь к собственным шагам: они эхом отдавались на пустынной мостовой. Из окон на него смотрели люди, но почему-то все они молчали. Так продолжалось всю дорогу, вплоть до форума.

На каждом углу стояли солдаты из легиона Помпея, готовые в любую минуту силой обеспечить соблюдение комендантского часа. Увидев одиноко шагающего человека, один из них схватился за меч. Юлий распахнул плащ, показав доспехи, и легионеры пропустили его. Город сжался от страха, и эдил с гневом подумал о той роли, которую в этом деле сыграл Красс.

Он стремительно шагал, выбирая самый короткий путь. По мощенным широкими плоскими камнями улицам можно было без опаски передвигаться даже в дождь – они надежно защищали от грязи. Дождь немного очистил мостовую, однако, чтобы довести ее до приличного состояния, потребовался бы долгий и сильный ливень.

Просторная площадь форума никогда еще не представляла перед взором Цезаря настолько пустынной. Здесь свободно гулял ветер; широкий плащ Юлия тут же оказался в его власти. И у дверей храмов, и у входа в здание сената стояли группы военных, однако факелов нигде не было видно. Для пришедших помолиться жрецы зажигали тускло мерцающие свечи, но Юлию сейчас было не до молитв. Лишь проходя мимо храма Минервы, эдил мысленно обратился к богине мудрости с просьбой послать ему достаточно прозорливости и расчетливости, чтобы с достоинством выпутаться из паутины, которую сплел Красс. Стуча сандалиями по камням просторной площади, Цезарь стремительно приблизился к зданию сената. Здесь тоже несли вахту два легионера. Держа оружие на изготовку, они стояли на посту совершенно неподвижно, словно каменные изваяния. Даже докучливый дождь и довольно сильный ветер не могли заставить их сделать хотя бы незначительное движение. Едва подошедший человек шагнул на первую ступеньку лестницы, оба подняли мечи. Эдил нахмурился. Часовые были еще слишком молоды. Более опытные воины не поддались бы на провокацию с такой легкостью.

– Согласно приказу консула Помпея никто не смеет войти в здание до тех пор, пока сенат не соберется снова! – раздуваясь от сознания собственной важности, провозгласил один из стражей.

– Но в том-то и дело, что мне необходимо поговорить с консулами еще до начала заседания, – терпеливо принялся объяснять Цезарь. – Где они сейчас?

Часовые переглянулись, пытаясь решить, имеют ли они полномочия разглашать подобные сведения. Дождь тем временем продолжался, и промокший насквозь посетитель начинал терять терпение.

– Мне было приказано доложить об исполнении поручения сразу по возвращении в Рим. И вот я здесь. Где ваш начальник?

– В тюрьме, господин, – ответил один из часовых.

Он открыл было рот, чтобы продолжить объяснения, однако передумал и, опустив меч, занял прежнее положение у двери. Оба легионера снова превратились в мокнущие под дождем каменные изваяния.

Над Римом сгустились тучи, и ветер усиливался, с завыванием проносясь над пустынной площадью. Юлий подавил желание все бросить и поскорее укрыться от непогоды и вместо этого направился в примыкающее к сенату здание тюрьмы. Оно было совсем маленькое и вмещало всего лишь две камеры, устроенные в полуподвальном этаже. Сюда только на одну ночь привозили преступников, которым наутро предстояло проститься с жизнью. Других тюрем в городе не было – оперативные меры, в частности казни и ссылки, избавляли от необходимости их строить. Сам факт посещения тюрьмы Помпеем не оставлял сомнений в том, что там происходит, и Цезарь приготовился встретить события с твердым сердцем.

У входа в тюрьму тоже пришлось столкнуться с неподвижно стоящими на страже часовыми. Однако, едва заметив Юлия, они кивнули, словно ожидали его появления, и отодвинули тяжелые засовы.

Доспехи эдила несли на себе символ Десятого легиона, а потому он беспрепятственно дошел до ведущих вниз, непосредственно в камеры, ступеней. Здесь ему пришлось назвать себя, и трое загораживающих лестницу легионеров молча отступили. Четвертый, также не сказав ни слова, направился вниз. Юлий терпеливо дождался, пока часовой доложил о его приходе. В ответ раздался резкий голос Помпея. Трое часовых наблюдали с усиленным вниманием, а потому, чтобы успокоить их нервозность, эдил, словно отдыхая, прислонился к стене и принялся сосредоточенно стряхивать с волос, плаща и доспехов капли дождя. Простая процедура помогла сосредоточиться, не обращать внимания на устремленные взгляды, так что, когда на лестнице вместе с четвертым часовым наконец-то появился Помпей, Юлий даже нашел в себе силы улыбнуться.

– Да, это действительно Цезарь, – подтвердил консул. Взгляд его казался суровым, и он не ответил улыбкой на улыбку. Услышав подтверждение начальника, трое часовых убрали руки с мечей и расступились, открывая путь в полуподвальное помещение. – Городу все еще угрожает опасность? – коротко спросил Помпей.

– Нет, все кончено, – решительно ответил Юлий. – Катилина погиб в бою.

Помпей что-то пробормотал про себя, потом взглянул на пришедшего:

– Это плохо. Но пойдем со мной вниз, Цезарь. Тебе необходимо принять участие в том, что там происходит.

Помпей вытер со лба пот, и Юлий заметил, что рука его испачкана в крови. Сердце тревожно забилося в предчувствии чего-то ужасного.

В камере эдил увидел Красса. Соконсул был настолько бледен, что в тусклом свете лампы лицо его казалось вылепленным из воска. Он поднял глаза на Юлия, и в них промелькнула странная, нездоровая искра. В подвале было душно, воздух наполняли тяжелые испарения. Юлий старался не смотреть на четыре фигуры, прикованные цепями к скамьям, которые занимали всю среднюю часть небольшой комнаты. Именно от этих людей и исходил так хорошо знакомый опытному воину запах свежей крови.

– Где Катилина? Ты привел его? – торопливо, нервно поинтересовался Красс, дотрагиваясь до руки вошедшего.

– Он погиб в первой же атаке, консул, – ответил Юлий и посмотрел прямо в глаза изворотливого политика, пытаясь прочесть его мысли.

Как и следовало ожидать, взгляд его выразил облегчение. Катилина мертв, а вместе с ним ушли в небытие и его секреты.

Помпей снова недовольно заворчал, кивнув палачам, стоящим возле измученных пленников:

– Очень жаль. Заговорщики называли его своим предводителем, однако им неизвестны те детали, которые я хочу выяснить. Иначе они уже давно раскрыли бы их нам.

Юлий взглянул на результат работы заплочных дел мастеров и вздрогнул: их усилия явно не пропали даром. Действительно, трудно было предположить, что при подобной тщательной обработке пленники могли хоть что-то утаить. Трое сидели совершенно неподвижно; четвертый при виде нового человека неожиданно дернул головой. Один глаз его был выколот, и из пустой уже глазницы по щеке текла струя блестящей жидкости. Но второй, до этого бесцельно обшаривающий камеру глаз остановился на Цезаре.

– Ты! Я обвиняю тебя! – выпалил несчастный, но тут же поперхнулся. На подбородке показалась кровь.

Юлий опустил голову, и ему едва не стало плохо: весь пол был усеян мелкими белыми осколками зубов.

– Он потерял разум, – тихо проговорил эдил.

К его немалому облегчению, Помпей согласно кивнул:

– Да, хотя и продержался дольше всех. Они протянут до публичной казни, и на этом все будет кончено. Благодарю вас обоих за то, что вовремя доложили о заговоре сенату. Это был благородный поступок, достойный государственных мужей. – Помпей прямо взглянул на человека, которому всего лишь через два месяца предстояло претендовать на пост консула. – Думаю, что, как только комендантский час закончится, граждане Рима с радостью встретят весть об избавлении от кровавого мятежа. И разумеется, непременно выберут именно тебя. Как же может быть иначе?

Однако взгляд консула вовсе не соответствовал легкому дружескому тону. Юлию не хотелось смотреть Помпею в глаза. Ему было стыдно за происходящее.

– Возможно, так оно и будет, – негромко подтвердил Красс. – И тогда мы будем работать на благо Рима втроем. Триумвират, разумеется, повлечет за собой новые проблемы. Наверное, нам нужно...

– Обсудим в другой раз, Красс, – оборвал бесцельную болтовню Помпей. – Не здесь, в этой вонь, и не сейчас. Скоро должно начаться заседание сената, а мне еще необходимо отправиться в баню, дабы очиститься от скверны.

– Солнце уже взошло, – предупредил Цезарь.

Помпей сердито выругался и торопливо начисто вытер руки тряпкой.

– В этой яме всегда ночь. Как хорошо, что все наконец закончилось!

Он коротко приказал палачам привести осужденных в возможно более приличный вид, а потом повернулся к Крассу. Юлий же печально наблюдал, как исполнители мочат в ведрах губки и смывают с лиц своих жертв кровь. Грязная вода стекала по желобам в каменном полу.

– Я назначу казнь на полдень, – сообщил Помпей, и трое государственных мужей направились вверх по лестнице, торопясь как можно быстрее выйти на свежий воздух.

Когда Юлий и Красс вышли из тюрьмы на форум, серый рассветный туман показался им красным от крови. Дождь уныло барабанил по камням мостовой, вздуваясь миллионами плывущих в лужах крошечных пузырьков. Хотя эдил и окликнул консула, тот, словно ничего не слыша, торопливо направился прочь, прямо под дождь. Конечно, горячая ванна и свежая одежда помогут ему избавиться от болезненной бледности, подумал Юлий, спеша догнать коллегу.

– Пока я дрался с собранными под твоим знаменем мятежниками, мне в голову пришли кое-какие мысли, – громко произнес он в спину уходящему.

Голос отозвался на пустынной площади гулким эхом.

Консул остановился как вкопанный. Огляделся: на площади никого не было.

– Под моим знаменем, Юлий? Но ведь их вел Катилина, и ты сам прекрасно это знаешь. Разве не его люди убили на улице твоих легионеров?

– Возможно, его. Но дом, который ты мне показал, выглядел очень скромно. Где мог Катилина взять столько золота, чтобы оплатить услуги десяти тысяч наемников? Немногие в этом благословенном городе смогли бы найти средства на содержание такой армии. Разве не так? Интересно, что откроется, если поручить знающим людям исследовать счета этого человека? Обнаружится ли в итоге, что предатель действительно обладал огромным состоянием, или придется продолжить поиски, и они наведут на след того, кто действительно платил за организацию смуты? – (Красс не знал о том, что Брут застал Катилину сжигающим бумаги, и та тревога, которая промелькнула в его взгляде, казалась достаточно красноречивой.) – Дело в том, что такая огромная наемная сила, поддержанная бунтами и пожарами в городе, вполне могла перевернуть Рим – ведь в городе оставался лишь легион Помпея. Разве ты не понимаешь, Красс, что предложение вовсе не было пустым? Город вполне мог бы стать твоим. Просто удивительно, что ты не поддался искушению. Стоя на куче трупов, консул Красс мог получить неограниченную власть и стать диктатором! – Красс попытался что-то ответить, но выражение лица эдила изменилось, а тон стал жестким и решительным. – И тут вдруг случилось так, что без всякого предупреждения из Испании вернулся еще один легион. И вот... да, внезапно ты оказался в очень сложной ситуации. Силы собраны, заговор детально разработан, но Рим теперь охраняется десятком тысяч воинов, и успех вовсе не гарантирован. Рисковать тебе вовсе не свойственно: ты не игрок по натуре и точно знаешь, когда игру надо прекращать. Интересно, когда именно родилась мысль о том, что куда выгоднее предать Катилину, чем пытаться довести дело до конца? В тот вечер, когда ты приехал ко мне домой, чтобы принять участие в планировании избирательной кампании?

Красс положил руку на плечо Цезаря:

– Когда-то я сказал, что я друг твоему дому, Юлий, а потому постараюсь не обращать внимания на нелепые и грубые слова. Ради твоего же блага. – Консул помолчал. – Заговорщики разбиты, и Рим в безопасности. По сути, результат просто прекрасный. Так постарайся же на нем остановиться. В этом вопросе нет ровным счетом ничего достойного мыслей серьезного человека. Отбрось лишнее.

Согнувшись под дождем, Красс не спеша пошел прочь, оставив Цезаря в полном одиночестве посреди пустынной площади.

Глава 14

Над толпой, собравшейся на Марсовом поле, нависали холодные серые тучи. Земля под ногами хлюпала от дождя, но тысячи людей покинули дома, оставили незаконченную работу – все для того, чтобы прийти на огромное поле и посмотреть, как будут казнить преступников. Легионеры Помпея ожидали начала действия, построившись безупречными сияющими рядами. Глядя на них, трудно было представить, что именно эти люди построили и эшафот, и целый ряд деревянных скамеек, на которых предстояло восседать сенаторам. Даже каменную мостовую устелили сухим тростником, и теперь он на каждый шаг отвечал тихим шуршанием.

Собравшиеся на площади горожане поднимали детей как можно выше, чтобы те смогли своими глазами увидеть на деревянном настиле четыре несчастные, разбитые фигуры, ожидающие казни. Все разговоры в толпе велись только шепотом, и это лишь подчеркивало торжественность момента.

С наступлением полудня сенаторы прекратили прения в курии и отправились на поле. Солдаты Десятого легиона пришли на помощь воинам Помпея: вместе они закрыли и запечатали городские ворота, а затем водрузили флаг на холме Яникул. До возвращения в город сенаторов он должен был находиться в состоянии вооруженной обороны, словно отражая осаду. Многие из сенаторов равнодушно смотрели на реющее на холме в западной части Рима полотнище. Оно будет оставаться там до тех пор, пока город в безопасности. А исчезновение его будет означать, что к городу приближается неприятель. В таком случае прервется даже смертная казнь: безопасность превыше всего.

Юлий стоял, покрепче завернувшись в свой лучший, самый теплый плащ. Несмотря на то что под ним были еще и туника, и тяжелая тога, молодого человека безжалостно била дрожь – было мучительно больно сознавать, что этих несчастных обрек на страшную смерть он сам.

Ничто не защищало приговоренных от пронизывающего ветра. Только двое из четырех преступников оказались в состоянии держаться на ногах, да и то лишь согнувшись от боли и прижимая закованные в цепи руки к полученным ночью ранам. Возможно, именно сознание неминуемой скорой смерти заставляло обреченных жадно вдыхать холодный воздух. Они словно пытались надышаться напоследок, не обращая внимания ни на толпу, ни на собственные страшные увечья.

Один из двоих стоящих казался выше и сильнее своего товарища. Длинные темные волосы развевались на ветру, то и дело закрывая лицо. Распухшие глаза больше походили на узкие щелочки, и все-таки невозможно было не заметить в них того лихорадочного сияния, которое превращало человека в загнанного зверя.

Безумный, который набросился на Юлия в тюрьме, сейчас рыдал, закутав голову тряпкой. На ней ярко выделялось кровавое пятно – очевидно, на месте выколотого глаза. Воспоминание вновь заставило содрогнуться, и Цезарь еще плотнее запахнул плащ – с такой силой, что одна из купленных у Александрии золотых пряжек больно врезалась в шею. Он взглянул на Помпея и Красса – консулы стояли рядом на толстой подстилке из камыша. Они тихо беседовали между собой, в то время как толпа ждала казни, не в силах сдержать волнения и нетерпения.

Наконец правители пришли к какому-то соглашению. Помпей взглянул на городского судью, и тот поднялся на помост и обратился к моментально притихшим зрителям:

– Эти четверо признаны виновными в заговоре против римских граждан. По приказу консулов Помпея и Красса, поддержанному сенатом, они должны быть преданы казни. После этого тела предстоит расчленить и скормить хищным птицам. Головы же будут водружены на городские ворота – по четырем сторонам света – в назидание тем, кто задумывает недоброе. Такова воля наших консулов, которые вещают от имени всех римлян.

Появился палач, по основной своей специальности мясник, – огромный, мощно сложенный малый с коротко стриженными седыми волосами. Одет он был в тогу из грубой коричневой шерсти. Чтобы удержать ее на расплывшейся талии, пришлось подпоясаться веревкой. Исполнитель страшного ритуала не спешил, явно получая удовольствие от сосредоточенных, напряженных взглядов множества зрителей. В глубине души человек этот был актером, а потому удовольствие покрасоваться перед публикой превышало все на свете; с этим ощущением не могла сравниться даже радость от полученных за работу серебряных монет.

Цезарь со странным чувством наблюдал, как палач картинно проверяет острие длинного ножа и, словно доводя до идеала, в последний раз проводит по лезвию точильным камнем. Орудие выглядело поистине страшным – узкий клинок длиной почти с руку хозяина, с рукояткой из прочного дерева и зазубринами шириной почти с палец. В толпе раздался нервный детский крик, но испуганного ребенка тотчас же успокоил женский голос. Длинноволосый заключенный начал молиться вслух, все так же оглядывая толпу лихорадочно горящими глазами. Возможно, именно молитвой он и привлек внимание палача. Тот подошел и плащом положил нож на шею несчастного.

Осужденный вздрогнул, и молитва зазвучала громче, резче. Дыхание явно давалось человеку с трудом, каждый вдох и выдох сопровождался громким хрипом. Руки тряслись, а бледная кожа больше напоминала воск. Затаив дыхание, толпа наблюдала, как палач одной рукой схватил жертву за волосы и с силой потянул, обнажая светлую линию шеи.

Человек продолжал что-то говорить; голос звучал низко и хрипло.

– Нет... нет... – повторял он.

Толпа напряглась, пытаясь разобрать последние предсмертные слова.

Все произошло без фанфар и даже без предупреждения. Мясник еще сильнее потянул за волосы, одновременно медленно вонзая лезвие в шею. Брызнула кровь, обдав и жертву, и палача, и обреченный как-то совсем жалко поднял руки, пытаясь смахнуть безжалостное железо, распиливающее его плоть с устрашающей методичностью. Потом раздался негромкий звук – некрасивый, хриплый крик; он длился всего лишь одно мгновение. Ноги несчастного подогнулись, но палач крепко держал его, не давая упасть и в то же время не прекращая пилить – теперь уже кость. Еще пара движений, и дело сделано! Голова повисла в мощной руке, а тело мешком осело на деревянный помост. На щеках страшного трофея все еще ощущалось движение мышц, а глаза оставались открытыми в жуткой имитации жизни.

По толпе прошел приглушенный вздох; руки, как по команде, поднялись, чтобы прикрыть готовые закричать рты. Теперь вся площадь, словно зачарованная, наблюдала, как скользит с помоста на камышовую подстилку обезглавленный труп. Многие зрители даже приподнялись на цыпочки, стараясь получше разглядеть все подробности происходящего на эшафоте. Из поднятой вверх головы текла кровь, заливая тогу палача, и ткань казалась уже не коричневой, а черной. От резкого движения челюсть отвалилась, открывая зубы и язык.

Одного из пока еще живых осужденных вырвало. Он пронзительно, душераздирающе закричал. Двое других тоже сразу потеряли контроль над собственными поступками и, крича и стеля, принялись умолять о пощаде. Толпу это зрелище почему-то очень позабавило, зрители разразились громким, истерическим хохотом. Палач тем временем невозмутимо сунул безжизненную голову в большой полотняный мешок и повернулся к следующей жертве. Схватив отчаянно вопящего осужденного за ухо толстыми пальцами, он поднял его на ноги.

Юлий не мог больше смотреть на страшное, варварское зрелище. Он опустил голову и так и простоял до самого конца церемонии. Красс повернулся в его сторону, однако эдил сделал вид, что ничего не заметил. Толпа радостными криками встречала каждую из четырех голов, а Цезарь так и стоял, не в силах понять сограждан. Все увеселения, за которые так щедро платил Красс, не способны были захватить их так, как это дикое, кровавое зрелище.

Вот он, его народ: безумная толпа, заполнившая размокшее под дождем Марсово поле. Пресыщенный чужим ужасом улюлюкающий сброд, призванный считать себя властителем города. Как только казнь закончилась, лица просветлели, словно приподнялся какой-то темный занавес. Родственники радостно обращались друг к другу, шутили и улыбались. Сомневаться не приходилось: работать в день казни уже никто не собирается. Сейчас все войдут в огромные городские ворота и направятся напрямик к винным лавкам и трактирам, по дороге шумно обсуждая зрелище. На несколько часов проблемы собственной жизни отступят в тень. Город соскользнет в вечернюю тьму без обычной суеты и спешки на улицах. Жители спокойно и крепко заснут, а проснутся свежими и отдохнувшими.

Легионеры Помпея расступились, чтобы пропустить сенаторов. Вместе с согражданами Юлий направился к воротам. Все внимательно наблюдали, как огромную печать сломали и между створками ворот возникла полоса света. Цезарю предстояло подготовить два судебных разбирательства; кроме того, через несколько дней должен состояться боевой турнир. Мысль о предстоящей работе приносила странное спокойствие. В такой день не может быть ни спешки, ни суеты; свежий влажный воздух наполнял легкие и приносил умиротворение.

Вечером того же дня Цезарь стоял в штаб-квартире собственной избирательной кампании во главе длинного стола и пытался стуком привлечь внимание соратников. Шум стихал постепенно, насколько позволяло хорошее красное вино, и эдил терпеливо выжидал, пока успокоятся все те, кто разделил с ним тяготы борьбы за консульское кресло. Открытая поддержка молодого дерзкого кандидата сулила всем присутствующим серьезный риск. В случае неудачи каждый из них непременно каким-то образом пострадает. Александрия может моментально потерять всех клиентов – одно лишь слово Помпея, и дело ее развалится. Если же Юлию прикажут отправиться во главе Десятого легиона в какие-нибудь отдаленные земли, то все, кто разделит с ним тяготы дороги, окажутся забытыми, сгинувшими в неизвестности людьми, многим из которых вряд ли удастся увидеть Рим снова.

Наконец шум стих, и Юлий взглянул на Октавиана – единственного из сидящих за столом, кого связывали с трибуном родственные узы. Юноша явно преклонялся перед Цезарем, словно перед отмеченным богами героем, и это доставляло душевную боль: что, если после провала и изгнания бесконечной чередой потянутся беспросветно-серые, тоскливые годы? Не пожалее ли тогда Октавиан о своем участии в нынешних событиях?

– Мы зашли уже достаточно далеко, – начал трибун. – Некоторые из вас поддерживают меня почти с самого начала пути. Сейчас даже трудно представить, что когда-то среди нас могло не быть Рения или Каберы. Мой отец мог бы только гордиться соратниками сына.

– Интересно, вспомнит ли он обо мне? – шепнул Брут сидящей рядом Александрии.

Юлий задумчиво улыбнулся. Поначалу он хотел провозгласить тост за тех, кто пожелал участвовать в воинском турнире, однако страшные события сегодняшнего дня окрасили сознание в мрачные тона.

– Как хотелось бы, чтобы сейчас вместе с нами за столом оказались и другие, – произнес он. – Например, Марий. Когда я оглядываюсь назад, то замечаю, как приятные воспоминания тонут в массе других, далеко не самых радужных. Но я действительно знал великих мужей. – Говоря это, Цезарь почувствовал, как стремительно бьется сердце. – Я никогда не шел по жизни прямой дорогой. Помню, как ехал по Риму вместе с Марием, швыряя в толпу серебряные монеты. Воздух наполняли лепестки роз и шумные приветствия, а Мария сопровождал раб, которому было поручено время от времени повторять на ухо господину: «Не забудь о том, что ты смертен». – Воспоминание о великом, ярком дне заставило Цезаря с сожалением вздохнуть. – Я уже побывал и на самом краю смерти, причем так близко к пропасти, что даже Кабера опустил руки. Терял друзей, терял надежду. Видел поверженных царей. Стал свидетелем страшного зрелища: Катон на форуме сам перерезал себе горло. Порою тоска обволакивала меня с такой силой, что казалось, никогда уже не придется ни смеяться, ни любить.

Все сидящие за уставленным яствами столом смотрели на говорящего почти с благоговением, но глаза Цезаря были устремлены вдаль – поверх голов. Он словно и не сознавал того впечатления, которое производили на присутствующих его слова.

– Мне пришлось стать свидетелем смерти Тубрука, – продолжал он, – а тело Корнелии казалось совершенно белым, почти призрачным. – Голос стих до шепота, и Брут бросил на мать быстрый незаметный взгляд. Слушая Юлию, Сервилия побледнела и прикрыла рот рукой. – Да, могу еще раз повторить, что никому из вас не желаю увидеть даже части всего того, что пришлось видеть мне, – уже едва слышно шептал Цезарь. Секунду помолчав, он начал постепенно возвращаться к происходящему вокруг и даже пожегся от прохлады в комнате. – И все же я еще здесь. Отдаю почести умершим, но не собираюсь отказываться от отпущенного мне судьбой времени. Рим стал свидетелем всего лишь начала долгой и упорной борьбы. Познав глубочайшее отчаяние, я уже не боюсь его. Это мой город. Я посвятил ему юность и, если представится шанс, отдам еще много-много лет.

Встретившись взглядом с каждым из сидящих за столом, Цезарь приветственно поднял кубок.

– Когда вижу вас рядом, то просто не могу представить силу, способную остановить наше движение, – торжественно провозгласил он. – Так выпьем же за дружбу и любовь, ведь все остальное – просто шелуха.

Все медленно встали, подняли полные кроваво-красного вина кубки и залпом осушили их до дна.

Глава 15

Цезарь окинул взглядом до отказа заполненные трибуны, построенные специально для боевого турнира. Каждый день все двадцать тысяч мест неизменно оказывались заняты, а глиняные жетончики, по которым пропускали на соревнование лучших воинов, превратились в объект спекуляции. Заметив у всех четырех ворот цирка людей, предлагавших каждому входящему продать свой жетон, Юлий поначалу удивился. Во время первых боев такого не случилось.

В консульской ложе царила прохлада – натянутый между тонкими колоннами полотняный тент защищал от палящего солнца. Отсюда можно было наблюдать за каждым дюймо́м ринга, так что никто из приглашенных Юлием не отказался от почетного места. Все, как один, привели с собой семьи, и эдил с интересом наблюдал, как Светоний ссорится из-за удобного места с собственным отцом.

Утро выдалось жаркое. С каждым часом солнце припекало все сильнее, так что к полудню песок раскалился настолько, что обжигал босые ноги. Многие зрители прихватили с собой воду и вино, и все же Юлий не опасался, что те напитки и закуски, которыми торговали прямо в цирке, не принесут коммерческой выгоды. Продавались даже подушки, призванные смягчить жесткие скамьи. Стоили они всего несколько медных монет, а потому запасы этого необходимого средства комфорта стремительно истощались.

Помпей милостиво принял приглашение в ложу. Едва они с Крассом заняли предназначенные места, вся толпа зрителей поднялась, демонстрируя искреннее уважение к консулам. Вскоре раздался сигнал горна, и начались первые поединки.

На турнире присутствовал Рений, и Юлий предоставил в его распоряжение нескольких гонцов на случай, если в казармах начнутся беспорядки. Он вовсе не стремился указать старому гладиатору его место, однако, поскольку Брут вместе с Октавианом и Домицием должны были выступать в последней группе, оставалось лишь надеяться на миролюбие и благонравие только что поступивших на службу наемных легионеров. Не забывая о присутствии в казармах галлов, Цезарь лишил возможности посмотреть состязание и свой собственный Десятый легион. Впрочем, он приказал как можно чаще менять караул, ведь в этом случае в цирк попало бы больше легионеров. Гордясь новой должностью, Брут назначил в охрану десятерых самых надежных и опытных наемников. Хотя Юлий и считал назначение несколько преждевременным, возражать он не стал, понимая всю значимость оказанного доверия. Непривычные к новой форме люди выглядели неловкими, но в то же время вполне осознавали важность задачи.

Как всегда, все вокруг заключали пари. Юлий знал, что римляне очень склонны к азартным играм; до начала финальных поединков вполне могли быть проиграны целые состояния. Даже Красс последовал предложению Цезаря и поставил горсть серебряных монет на Брута. Однако смелее всех поступил сам Брут: на собственную победу в финале он поставил все, что имел. Так что в случае успеха он оказался бы вполне независимым в финансовом отношении и смог бы самостоятельно содержать новый легион. Цезарь, разумеется, тоже не сомневался в исходе схватки, однако соперники подобрались исключительно сильные, а потому при малейшем невезении можно было стать полным банкротом.

Последние из соревнующихся вышли на раскаленный песок арены из арки непосредственно под консульской ложей. Серебряные доспехи ослепительно сияли, и толпа бурно приветствовала любимцев, восхищаясь красотой и показной доблестью. Доспехи с достойным тщанием изготовили в мастерской Александрии, и Юлий невольно поймал себя на мысли, что бесстрашию воинов во многом способствовало разрешение после схватки оставить доспехи себе. На каждый из комплектов вполне можно было купить небольшую ферму – и это лишь с учетом веса серебра. Если же принять во внимание славу, которую приносило участникам состязание, то цена вполне могла возрасти. Цезарь старался не думать о том, чего ему стоила организация турнира. Весь Рим неумолчно восхвалял щедрость эдила. И действительно, в лучах яркого солнца воины выглядели великолепно.

Кое-кто из участников турнира мог похвастаться полученными в предыдущих схватках синяками и ссадинами. В целом же поединки проходили вполне цивилизованно, и погибло всего четыре человека – да и те по чистой случайности, в горячке битвы. Как правило, сражались до первой крови – других пределов, кроме полного истощения, просто не существовало. Самый длинный поединок из всех, проведенных до финального тура, продолжался почти час, и, когда наконец он закончился из-за едва заметной царапины на ноге одного из соперников, оба воина почти падали от изнеможения. Толпа была довольна, проигравшего приветствовали так же горячо, как и прошедшего в финал победителя.

Первый тур представлял собой праздник боевой удали и военного искусства: на арене одновременно сражались больше сотни пар. Созерцание такого количества сверкающих в воздухе мечей оказывалось не менее захватывающим, чем наблюдение за отдельными финальными поединками. Впрочем, истинные знатоки и ценители предпочитали индивидуальные схватки, в которых мастерство участников и стиль ведения боя проявлялись в значительно большей степени.

Общий уровень подготовки был настолько высоким, что Цезарь выбрал и запомнил воинов, которых считал необходимым пригласить в новый легион. Больше того, он почти сразу оплатил услуги трех хороших бойцов. Конечно, приходилось отбирать лишь тех, кто сражался в римском стиле, но как жаль было отказываться от остальных! Клич, брошенный Цезарем, разнесся гораздо дальше, чем смогли доскакать посыльные. В результате на праздник силы и доблести собрались воины из самых дальних римских провинций и даже из других стран. Темнокожие африканцы стояли рядом со смуглыми выходцами из Индии и Египта. Один боец, по имени Сун, смотрел на мир раскосыми глазами мифически далекой восточной страны. Когда экзотический красавец проходил по улицам города, прохожие старались дотронуться до него, словно до диковины, и эдилу даже пришлось выделить ему охрану. Одни лишь боги знали, что делает этот человек так далеко от родины, однако своим длинным тонким мечом он управлялся с таким искусством, что без малейшего труда прошел в финал, победив в нескольких самых коротких поединках. Юлий внимательно наблюдал, как Сун вместе с остальными участниками состязания приветствует консулов, и твердо решил предложить бойцу вступить в легион, даже несмотря на то, что стиль его сражения коренным образом отличался от римского.

Лишь сейчас, перед началом финальных схваток, зрителям объявили имена участников. Под бурные овации и приветственные крики трибун каждый делал шаг вперед. Брут и Октавиан стояли рядом с Домицием. Доспехи их ярко сияли в солнечных лучах. Юлий не смог сдержать улыбки – лица друзей светились неподдельной радостью и предвкушением любимой забавы. Не важно, кто получит меч победителя. Радость участия в празднике останется с ними навсегда.

Трое римлян приветственно подняли клинки, обратившись сначала к зрителям, а потом к консулам. Толпа бушевала в восторге, и мощная стена звука казалась неумолимой и непреодолимой. Действо началось. Глашатай подошел к усиливающим голос медным трубам и изо всех сил прокричал имена первых бойцов.

Домицию предстояло сразиться с северянином, который участвовал в турнире с разрешения командира своего легиона. Это был мощный, крупный человек с большими сильными руками и удивительно тонкой талией. Когда соперники остались на арене вдвоем, он лениво наблюдал, как Домиций разминается перед схваткой. Сам Домиций тоже казался совершенно спокойным. Цезарь же внезапно ощутил, как возбужденно забилося сердце. Судя по всему, волнение его не укрылось от глаз сидящих в ложе аристократов. Помпей поднялся и похлопал Юлия по плечу:

– Ну что, как думаешь, имеет смысл делать ставку на твоего бойца? Пройдет он в следующий тур?

Обернувшись, эдил заметил в глазах консула искру возбуждения. На лбу Помпея выступили капли пота. Молодой человек коротко, но решительно кивнул:

– В искусстве владения мечом Домиций уступает лишь одному человеку. Позови рабов, которые собирают ставки, и мы выиграем на нем немалое состояние.

Оба заговорщицки, слово мальчишки, улыбнулись друг другу. Тот, кто увидел бы этих людей сейчас, ни за что не смог бы поверить, что отношения между ними совсем не просты.

Раб явился на зов почти мгновенно. Красс отсчитал три серебряные монеты, и Помпей раздраженно поднял брови:

– Хотя бы раз! Хотя бы раз увидеть, Красс, как ты ставишь приличную сумму! Что за радость в такой мелочности? Наверное, это унижительно!

Красс нахмурился, взглянул на Юлия и, густо покраснев, спрятал приготовленные деньги:

– Пожалуй, ты прав. Ну-ка, парень, дай мне таблицу!

Раб с готовностью протянул покрытую слоем воска деревянную табличку, и Красс приложил к ней свой перстень с печатью, а рядом написал несколько цифр, никому их не показав. Однако в тот момент, когда Красс отдавал свою ставку, Помпей успел бросить на нее быстрый взгляд и удивленно присвистнул:

– Ну и ну! Это ведь целое богатство! Выходит, ты способен удивлять, Красс. На целый золотой больше всех твоих самых крупных ставок!

Красс лишь поморщился и взглянул на арену, где бойцы уже заняли позиции и ожидали сигнал к началу схватки.

– Я, пожалуй, поставлю на твоего человека сто золотых, Юлий, – решил Помпей. – А что скажешь ты сам?

– Ставлю тысячу, – коротко отозвался Цезарь. – Я в нем не сомневаюсь.

Помпей не ожидал столь смелого вызова:

– Ну, тогда я поставлю столько же.

Оба написали на восковой табличке суммы и свои имена.

В этот момент подал голос Рений.

– Ставлю на Домиция пять золотых, – пророкотал он.

Единственный из всех он протянул монеты, а не написал сумму. Старый гладиатор проводил свои кровные долгим взглядом, внимательно наблюдая, как они исчезли в полотняном мешочке раба, а затем откинулся на спинку кресла. Судя по всему, ставка далась ему нелегко – лоб покрылся крупными каплями пота. Светоний хотел было сделать собственную ставку, однако, увидев, какими суммами распоряжаются другие, предпочел обратиться к отцу. Вдвоем они поставили десять золотых, и дощечка перекечевала дальше по кругу. Даже Бибул решился рискнуть несколькими серебряными монетами.

С богатой добычей раб поспешил к своему хозяину, а Юлий поднялся с места, чтобы подать знак горнистам. Увидев эдила, толпа тут же притихла, и Цезарь спросил себя, кто из этих людей на выборах вспомнит его имя. Чтобы подчеркнуть торжественность момента, он

выждал несколько секунд, а потом махнул рукой. В тот же миг над ареной разнесся сигнал к началу праздника.

Домицию удалось посмотреть немало схваток; как только у него выдавалась свободная минута, он отправлялся наблюдать за боями других. Опытный воин отмечал всех, кто мог победить в следующем туре. В последней группе из тридцати двух участников он насчитал лишь шестнадцать потенциально опасных. Северянин, с которым ему предстояло сражаться сейчас, тоже вошел в их число, однако Домиций заметил, что, едва оказавшись под настоящим давлением, воин начинал паниковать. Значит, предстояло с первой же секунды схватки зажать его в тиски собственной воли.

Разминаясь, римлянин ощущал на себе взгляд будущего соперника, а потому старался сохранять безмятежное, невозмутимое выражение лица. Он обладал достаточным опытом, чтобы понимать: многие схватки выигрываются еще до того, как бойцы скрещивают оружие. Рений, старый учитель, имел обыкновение подолгу сидеть на песке перед неприятелем молча и неподвижно. Пока те прыгали и дергались, пытаясь разогреть мышцы, он попросту изображал из себя скалу. Ничто не могло в большей степени вывести противников из себя. Так что когда он вдруг стремительно поднимался и хватался за меч, битва оказывалась уже наполовину выигранной. Домиций был понятливым учеником, а потому не позволял собственной усталости отразиться хотя бы в одном движении. На самом деле поврежденное в предыдущей схватке правое колено болело и порою отказывалось работать, однако воин не позволял себе даже поморщиться и продолжал медленно и плавно выполнять гипнотизирующие своей ритмичностью упражнения. Методичность – великая сила. Постепенно в душе Домиция воцарился долгожданный покой, и он молча вознес благодарность и небесам, и наставнику.

Наконец, низко опустив и отведя в сторону меч, римлянин подошел к своей черте и замер. Противник же вел себя достаточно нервно: дергал плечами, не переставая крутил головой. Глаза бойцов встретились, и северянин выдержал взгляд, не желая отводить его первым. Домиций стоял неподвижно, словно каменное изваяние; резко выделяющиеся бугристые мускулы на плечах и руках блестели от пота. Грудь обоих бойцов защищали серебряные латы, а римлянин, кроме того, прекрасно сознавал остроту собственной реакции, а значит, чувствовал себя вполне уверенно.

Наконец прозвучал сигнал «к бою», и Домиций в то же мгновение сделал выпад. Противник осознал начало поединка чуть позднее, но, к счастью для себя, он обладал удивительной подвижностью и сумел увернуться от удара. Домиций слышал, как он дышит, и в то время, как северянин пошел в атаку, постарался сконцентрироваться именно на этом звуке – ведь противник явно умело пользовался дыханием, чтобы с его помощью увеличить силу удара. Каждый его выпад сопровождался сопением и хрипом. Домиций постарался попасть в ритм и, отступив на несколько шагов, дожидаться спада энергии.

Последний шаг пришелся на правую ногу, и в то же мгновение колено пронзила острая боль, словно в него с силой воткнули острую иглу. Римлянин невольно покачнулся, а северянин, в тот же момент осознав слабость противника, начал стремительно наступать. Домиций постарался отвлечься от боли, однако доверять подведшей его ноге уже не решался. Мелкими, шаркающими шагами он пошел на северянина; тот отступал, пытаясь выиграть пространство, однако это никак не удавалось. Римлянин упорно преследовал и короткими выпадами не давал нанести серьезный удар. Наконец он подошел вплотную, и мечи скрестились.

Северянин увернулся, соперники снова разошлись и начали кружить, словно гипнотизируя друг друга. Домиций внимательно вслушивался в дыхание неприятеля, уже зная, что перед каждым выпадом тот резко, со свистом, втягивает воздух. Он не осмеливался бросить взгляд на собственное колено, однако каждый шаг отзывался резким приливом боли.

Соперник попытался измотать римлянина постоянством коротких ударов, однако тот блокировал атаку. Ему помогало умение читать дыхание и терпеливо дожидаться подходящего

момента. Солнце уже поднялось высоко, и глаза бойцов заливал едкий пот. Северянин вдохнул, и Домиций тут же сделал выпад. Прежде чем удар достиг цели, он понял, что расчет оказался точным. Меч задел ухо соперника, кусочек мочки полетел в песок, а из раны брызнула кровь. Северянин взревел и отступил на несколько шагов.

Домиций тоже хотел отойти, однако в этот самый миг колено пронзила такая боль, что не удалось сделать ни единого движения. Северянин тоже остановился, очевидно прислушиваясь к нарастающему жжению. Из раны вовсю текла кровь. Домиций пристально наблюдал за соперником, изо всех сил стараясь не обращать внимания на отказывающуюся работать ногу.

Раненый провел рукой по шее, потом внимательно посмотрел на окровавленные пальцы. На лице его отразилась угрюмая решимость. Он молча кивнул, и противники вновь направились к своим исходным позициям.

– Ты бы перевязал колено, приятель, – негромко посоветовал северянин. – Другие заметят.

С этими словами он кивнул в сторону навеса, из-под которого за поединком внимательно наблюдали остальные финалисты. Домиций пожал плечами и дотронулся до ноги, сморщившись от боли.

Все сразу поняв, северянин покачал головой. Согласно ритуалу бойцы подняли мечи, приветствуя трибуны и консулов. Римского воина внезапно охватил страх. Колено вело себя очень странно; оставалось лишь надеяться, что причина боли кроется в небольшом смещении, которое можно будет устранить. Все остальные варианты казались невозможными и непереносимыми: ведь ничего, кроме меча и Десятого легиона, в жизни молодого человека не было.

Воины направились по раскаленному песку к навесу. Домиций, сжав зубы, изо всех сил старался не хромать. На арену, сверкая серебряными доспехами, уже выходила следующая пара бойцов. Глядя на победителя, оба улыбались: они явно заметили, как ему плохо, и чувствовали себя вполне уверенно.

Цезарь проводил Домиция взглядом и сочувственно вздохнул:

– Извините, друзья. Мне необходимо спуститься и проследить, чтобы ранами доблестных воинов занялись лучшие лекари.

Помпей лишь молча хлопнул эдила по плечу. От волнения и крика в горле у него настолько пересохло, что ответить оказалось невозможно. Красс потребовал прохладительных напитков. В ложе царило прекрасное, приподнятое настроение; откинувшись в креслах, все ожидали начала следующего боя. Еду принесли прямо в ложу, и каждый из ее обитателей целиком отдался переживанию азарта. Светоний демонстрировал отцу ложный выпад, и старик, не в силах сдержать улыбку, наблюдал за возбуждением сына.

Цезарь поднялся со своего места, последнего в ряду кресел, и Рений тоже встал. Они спустились вниз и направились по прохладному коридору под трибунами.

Там, ниже толпы, мир казался совсем другим. Рев трибун звучал глуше и доносился как будто издалека. Свет солнца пробивался сквозь щели между толстыми бревнами и ложился тонкими ровными полосами. Когда наверху, на трибунах, ходили люди, то тени их пересекали эти солнечные линии. Прохлада здесь поднималась и от земли; это была настоящая, мягкая и темная земля Марсова поля, не покрытая, подобно арене, слоем привезенного с побережья песка.

– Он сможет снова выступать? – поинтересовался Юлий.

Рений лишь пожал плечами:

– Кабера сделает все что можно. Этот старик способен творить чудеса.

Юлий промолчал. Сразу вспомнилось, как Кабера пытался помочь бессильно лежащему Тубруку. В том нападении на поместье, в котором погибла Корнелия, Тубрук получил множество страшных ранений. Доктор никогда не раскрывал секретов своего мастерства; лишь

однажды он обмолвился, заметив, что смысл всех и всяческих лечений – в пути. Если жизненный путь человека пройден до конца, то сделать уже ничего нельзя. Однако бывают случаи – это произошло с Рением, – когда оказывается возможным отвоевать человека у смерти.

Юлий искоса взглянул на старого гладиатора. С годами энергия молодости постепенно иссякала, уступая грузу прожитых лет. Покрытое сетью глубоких морщин лицо не скрывало жизненных тягот, и Юлий спросил себя, каким же чудесным образом Кабера смог вернуть старика из тьмы. Впрочем, целитель верил, что боги наблюдают за людьми с ревнивой любовью, и этому убеждению можно было лишь позавидовать. Его собственные молитвы оставались без ответа, словно проваливались в бездну, и безразличие небес приводило в отчаяние.

Наверху, на трибунах, толпа поднялась, чтобы приветствовать какой-то особенно удачный выпад, и солнечные полосы на земле тут же изменили форму. Юлий прошел между последними деревянными опорами и наконец оказался на воздухе. Впрочем, жара здесь стояла такая, что воздуха словно и не было, – Цезарь едва не задохнулся от духоты.

Прищурившись на солнце, он взглянул на арену, где в безумном танце двигались две фигуры. Мечи сверкали и звенели, а поглощенная зрелищем толпа стоя ногами отбивала ритм схватки. С трибун долетала пыль, и Цезарь инстинктивно отряхнул одежду. Взглянув вверх, он приложил руку к толстому деревянному столбу – оставалось лишь надеяться, что конструкция выдержит ритмичный топот тысяч и тысяч ног.

Впрочем, самого Юлия происходящее на арене сейчас не слишком интересовало. Кабера перевязывал колено Домиция, а Брут опустился рядом на траву. Здесь же сидел Октавиан и с сочувствием наблюдал за процедурой. Воины взглянули на эдила, а Домиций с жалобной улыбкой поднял руку.

– Они наблюдают за мной, словно волки за раненым зверем. Хищники, все до единого, – пожаловался он, скривившись, – очевидно, Кабера затянул повязку слишком туго.

– Насколько это серьезно? – участливо уточнил Юлий.

Домиций ничего не ответил, однако в глазах его стоял такой страх, что всем стало не по себе.

Кабера не выдержал гнетущего молчания.

– Ничего не могу сказать, – проворчал он, – в коленной чашечке наверняка трещина, так что совершенно непонятно, как он смог продержаться так долго. По идее, он давно должен был бы упасть. Сустав... впрочем, кто знает... сделаю все что смогу.

– Постарайся, пожалуйста, – взмолился Юлий. – Нога очень ему нужна.

Старый доктор недовольно фыркнул:

– Разве имеет какое-нибудь значение, проведет Домиций еще один бой или нет? Это вовсе не...

– Да нет же, дело совсем не в этом. Просто он один из нас. И перед ним лежит еще очень долгий путь.

Эти слова прозвучали уже куда более весомо. Если потребуется, Цезарь готов и уговаривать, и убеждать целителя.

Кабера правильно оценил тон и поднял голову:

– Ты сам не понимаешь, чего просишь, друг мой. Ту силу, которой я располагаю, нельзя расшвыривать направо и налево – на каждую сломанную кость. – Увидев выражение лица Юлия, он словно сник от утомления. – Нежели ты хочешь, чтобы я растратил ее по пустякам? Ведь транс – это... агония, а может быть, и что-то серьезнее. Больше того, ведь в каждом конкретном случае я даже не представляю, страдаю ли понапрасну, или... или моими силами движут боги.

Наступило молчание. Цезарь сверлил старика пронзительным взглядом, пытаясь все-таки заставить его испытать судьбу. В это время к группе приблизился один из участников соревнований. Он поздоровался, и, взглянув, Цезарь вспомнил, что это один из тех, чье боевое

искусство он отметил особо. Человек был смугл, и кожа его напоминала старое тиковое дерево. Кроме того, он единственный отказался надеть доспехи, предпочитая безопасности легкость и свободу движений. Воин низко поклонился.

– Меня зовут Саломин, – представился он и помолчал, словно ожидая реакции. Никто не ответил, и он продолжил: – Ты храбро и красиво сражался. Сможешь ли выступить дальше?

Домиций через силу улыбнулся:

– Вот дам ноге немного отдохнуть, а там уже будет видно.

– Тебе нужно поискать что-нибудь холодное – самое холодное, что можно раздобыть на такой жаре. Это поможет снять опухоль и боль. Мне хочется, чтобы ты скорее пришел в форму, – вдруг нас с тобой вызовут вместе? Не слишком приятно соперничать с раненым.

– Постараюсь, – коротко пообещал Домиций.

Брут усмехнулся, и Саломин взглянул на него с недоумением, не понимая, в чем именно заключается шутка. Церемонно поклонившись, он отошел, а Домиций снова грустно уставился на перевязанную, негнущуюся ногу.

– Если не удастся вернуться в строй, жизнь моя кончена, – в отчаянии прошептал он.

Кабера с непроницаемым и суровым видом массировал сустав, пытаясь разогнать жидкость. Молчание его казалось гнетущим и бесконечным, лицо было сосредоточенным и угрюмым, а на лбу выступил пот. Одна крупная капля скатилась и повисла на кончике носа, но лекарь словно и не замечал неудобства.

Никто не услышал, как назвали имя Брута. Боец, которому предстояло сражаться с ним в паре, уже прошел на арену, даже не оглянувшись. Саломин подошел снова и окликнул центуриона. Тот удивленно оглянулся, словно очнувшись от глубокой задумчивости.

– Твоя очередь, – пояснил Саломин, глядя на римлянина огромными глазами, которые казались очень темными даже на его смуглом лице.

– Сейчас я быстро разберусь с ним, – ответил Брут, вытаскивая из ножен меч и бегом догоняя противника.

Саломин изумленно покачал головой и, прикрыв рукой глаза от слепящего солнца, направился к арене, чтобы посмотреть поединок.

Юлий понял, что Кабере мешать не стоит, лучше оставить его наедине с пациентом.

– Пойдем, Октавиан, – позвал он юношу, одновременно кивком приглашая за собой и Рения.

Октавиан все понял и поднялся. Он очень переживал: красивое молодое лицо посерьезнело. Юноша тоже козырьком приложил руку ко лбу и посмотрел туда, где Брут нетерпеливо переминался с ноги на ногу в ожидании звука горна.

Когда раздался сигнал, Юлий еще не успел выйти из-под трибуны. Он тут же бросился бегом. Но не успели они с Рением сделать нескольких шагов, как жизнерадостные вопли толпы неожиданно сменились жутким молчанием. Цезарь побежал еще быстрее и вскоре, тяжело переводя дух, уже оказался на своем месте в консульской ложе.

Там царило растерянное изумление. Брут уже неторопливо возвращался под трибуну, а на песке неподвижно лежал его соперник.

– Что случилось? – нетерпеливо потребовал ответа Цезарь.

Помпей удивленно покачал головой:

– Вот как быстро все закончилось. Я в жизни не видел ничего подобного.

Из всех присутствующих спокойным казался лишь Красс.

– Твой приятель стоял неподвижно и, не сходя с места, увернулся от нескольких неплохих ударов. Потом кулаком сбил соперника с ног, а когда тот упал, полоснул мечом по голени. Разве это победа? Такие методы нельзя считать честными.

Раздумывая о следующей крупной ставке на Брута, Помпей тоже заговорил:

– Но Брут же пустил первую кровь, пусть даже соперник к этому времени уже находился без сознания. А значит, все честно.

В этот момент на трибунах заговорили. Все зрители обсуждали один и тот же вопрос – правомерна ли одержанная Брутом победа. Многие повернулись в сторону консульской ложи, явно ожидая, что решение придет оттуда. Юлий послал к горнистам гонца, подтверждая, что все случившееся вполне законно.

Те, кто сделал ставки против молодого римлянина, разумеется, недовольно ворчали, но в целом трибуны приветствовали решение. Юлий видел, как зрители демонстрировали друг другу нанесенный Брутом стремительный удар и при этом весело смеялись. Два солдата Десятого легиона привели побежденного в чувство, похлопав его по щекам, а потом помогли уйти с арены. Собравшись с мыслями, тот начал вырываться, громко требуя продолжения боя. Однако крики никого не тронули, и бедолагу увели в темноту трибун.

Бои продолжались весь день. Октавиан выиграл свою схватку достаточно легко, выйдя из-под удара и одновременно поранив бедро противника. Толпа, забыв об изнуряющей жаре и затаив дыхание, следила за происходящим.

В результате тура победителями оказались шестнадцать бойцов. Под звуки фанфар их вывели на арену, чтобы торжественно провозгласить имена прошедших в финальный этап праздника. На отдых и восстановление сил воинам давалась всего лишь одна ночь. Они гордо подняли мечи в знак готовности к продолжению состязаний. На арену дождем летели монеты, а заготовленные с самого утра цветы несколько увядшим, но все еще ярким ковром устилали песок. Юлий напряженно следил за походкой Домиция: о чудо! Легионер шагал так же легко и ровно, как и раньше. Слова как-то не приходили, так что изо всех сил, до боли в суставах сжав перила ложи, и Цезарь, и Рений выразили наплыв чувств отчаянно громким радостным криком.

Глава 16

В последний день состязаний в ложу пожаловала сама Сервилия. Ей очень шла свободная, глубоко открывавшая шею шелковая туника. Юлия забавляло, как всех сидящих вокруг мужчин гипнотизировал вид этого декольте, особенно выразительного в минуты движения – красавица часто возбужденно вскакивала, чтобы поприветствовать победителей.

В последнем из шестнадцати боев Октавиан был ранен в щеку. Он проиграл Саломину. Смуглый красавец оказался в восьмерке вместе с Брутом, Домицием и еще пятью героями, неизвестными Юлию. Во время тех боев, в которых участвовали посторонние, а тем более совсем неизвестные ему воины, Цезарь шепотом диктовал Адану письма. Отрывался он от работы лишь в кульминационные моменты, когда молодой испанец никак не мог отвести взгляд от происходящего на арене. Зрелище покорило Адана, а количество собравшихся в одном месте людей поистине завораживало. Огромные, постоянно возрастающие суммы, которые ставили Помпей и Цезарь, заставляли юношу лишь изумленно покачивать головой, хотя он изо всех сил старался казаться таким же беззаботным и равнодушным, как и остальные обитатели ложи.

Первый тур дня тянулся медленно, а потому жара казалась просто нестерпимой. Каждый из боев продолжался достаточно долго. К последнему дню состязания пришли лишь самые искусные воины, а потому легких побед здесь быть просто не могло. Настроение толпы тоже изменилось. Все чаще среди зрителей слышались обсуждения отдельных приемов и тонкостей борьбы. Все пристально следили за каждой схваткой, радостно приветствуя любой красивый, точный удар.

Саломин упорно сражался, стремясь попасть в четверку лучших бойцов, которым вечером предстояло демонстрировать свое искусство. Во время его выступления Адан дважды

терял нить диктовки, и Юлий решил сделать паузу, чтобы вместе со своим секретарем внимательно понаблюдать за происходящим на арене. Отсутствие серебряных доспехов сразу выделило смуглого красавца из общей массы и принесло ему всеобщую любовь публики. Стиль выступления подтвердил мудрость выбора. Невысокого роста, подвижный и ловкий, он скорее походил на акробата, чем на воина. Ни секунды не стоял на месте – постоянно прыгал, крутился, наклонялся и приседал. По сравнению с ним любой соперник выглядел бы неуклюжим увальнем.

Однако воин, с которым Саломину пришлось сражаться, вовсе не был новичком в своем деле, и напугать его непривычным стилем оказалось не так-то легко. Рений одобрительно кивал, глядя, как соперник со спокойным достоинством уходит от всех уловок. Саломину никак не удавалось обнаружить в его обороне хотя бы самую маленькую лазейку.

– Так этот Саломин недолго протянет, – с видом знатока заключил Красс.

Никто не ответил: все, кто сидел в ложе, полностью погрузились в переживание происходящих на арене событий. Бой проходил тем более напряженно, что меч иноземца был на несколько дюймов длиннее тех, которыми действовали остальные, а потому отличался значительно большим радиусом действия.

Именно длина меча и решила исход схватки. Произошло это, когда солнце уже преодолело зенит и день начал понемногу клониться к закату. Бойцы обливались потом, и Саломин сделал небольшой выпад и нанес прямой удар. К сожалению, от трибун он закрыл его собственным телом. Однако он немного не рассчитал дистанцию. Соперник не успел ничего ни сообразить, ни увидеть. Меч вонзился в горло, и он рухнул на песок, обливаясь кровью.

Ложа находилась недалеко от арены, и Юлий понимал, что Саломин вовсе не стремился нанести смертельный удар. Пораженный и расстроенный, с дрожащими руками, стоял он над поверженным партнером. Потом стал на колени и низко склонил голову.

Зрители повскакивали с мест, приветствуя победителя, но тот как будто ничего и не слышал. Лишь через несколько минут крики вывели его из глубокой задумчивости. Поднявшись, Саломин сердито взглянул на трибуны, а потом, все так же с опущенной головой, не поднимая меч в традиционном салюте, медленно побрел к трибуне.

– Совсем не наш человек, – с удивлением и любопытством заключил Помпей.

Он только что выиграл очередную солидную ставку, а потому ничто не могло поколебать его благодушия – даже то, что кое-кто на трибунах радостно закричал, поняв, что салюта консулам на сей раз не будет. Тело убитого быстро оттащили в сторону, а на арену вызвали очередную пару – зрителей надо было отвлечь.

– Он вошел в четверку, – заметил Цезарь.

Домицию очередной бой дался не слишком легко, однако и он победил и прошел в следующий тур. Оставалась лишь одна вакансия, и за нее предстояло бороться Бруту. К этому времени состязание продолжалось уже несколько дней, и весь Рим жил только теми событиями, которые происходили на арене специально построенного на Марсовом поле цирка. Все жители города пристально следили за успехами и неудачами воинов; тем, кто не смог попасть на трибуны, новости регулярно приносили специальные гонцы. До выборов консулов оставался еще почти целый месяц, однако к Цезарю относились так, словно он уже занял положенный ему по праву пост. Помпей открыто благоволил ему, но сам Юлий решительно отказывался встречаться с обоими консулами и обсуждать будущее. Ему не хотелось испытывать судьбу до тех пор, пока сограждане не проголосуют, хотя в редкие минуты покоя он мечтал обратиться к сенату как один из ведущих римских правителей.

В последний день состязаний в ложе появился Бибул, и Цезарь внимательно смотрел на молодого человека, пытаясь понять, что же именно заставило его вступить в предвыборную гонку. Многие из тех, кто поначалу собирался претендовать на почетную должность, уже сняли свои кандидатуры, однако Бибул, судя по всему, собирался дойти до самого конца. Впрочем,

несмотря на подобное упрямство, выступать публично он совсем не умел – до такой степени, что попытка защитить человека, обвиненного в краже, закончилась фарсом. Как бы то ни было, агенты Бибула рыскали по городу, разнося имя своего кандидата, а для молодежи он даже стал неким подобием талисмана. Римские денежные мешки также вполне могли предпочесть Цезарю одного из своих, так что приуменьшать существующий риск не стоило.

Ожидая, пока Брута вызовут на поединок, Юлий размышлял о цене избирательной кампании. Каждое утро более тысячи человек получали плату за труд в большом доме у подножия холма. Какую пользу они могли принести в тайном голосовании, Юлий совсем не понимал, однако согласился со словами Сервилии о необходимости иметь сторонников. Впрочем, игра эта была опасной, поскольку обилие явных и шумных приверженцев могло создать у граждан впечатление, что кандидат не проиграет и без их голоса. Винить в этой ситуации приходилось систему, при которой свободные жители Рима голосовали сотнями-центуриями. Несколько человек представляли всю группу и имели полное право голосовать от имени остальных. Подобное положение могло принести успех и Бибулу, и сенатору Пранду, на которого, судя по всему, работало не меньше народу, чем на самого Цезаря.

Однако при всех сложностях политической ситуации роль Юлия в разгроме Катилины была хорошо известна всем римлянам. Да и успех воинского турнира не могли отрицать даже враги. Приходилось также признать, что на крупных и весьма выгодных ставках Юлий заработал сумму, вполне достаточную для покрытия части расходов избирательной кампании. Адаг старательно вел учет, и оказывалось, что с каждым днем запасы испанского золота неумолимо сокращаются, принуждая задумываться об экономии и даже брать кредиты. Порою суммы долга тревожили, однако в случае успеха все это уже не имело никакого значения.

– Мой сын! – вдруг воскликнула Сервилия.

И действительно, на арене появился красавец Брут, которому предстояло сразиться с Авлусом, стройным воином-южанином, приехавшим в Рим со склонов Везувия.

В сверкающих серебряных доспехах оба героя выглядели просто великолепно. Юлий не смог сдержать улыбку. Брут сначала отсалютовал консульской ложе, одновременно лукаво подмигнув матери, и лишь потом повернулся к зрителям, резким движением приветственно воздев меч. Трибуны ответили жизнерадостным ревом, и соперники легким шагом направились на исходные позиции в центре арены. Рений что-то негромко проворчал, и Цезарь, взглянув на старого гладиатора, не мог не заметить его волнения и напряжения.

Юлию хотелось верить, что возможное поражение Брут сможет перенести с таким же спокойствием, с каким он воспринимал все предыдущие победы. Войти в число восьми сильнейших бойцов воинского турнира и так уже чрезвычайно почетно – настолько, что славы хватит даже на рассказы внукам. Но Брут с самого начала заявил, что непременно окажется в финале. Клясться, правда, не решался даже он, однако в уверенности честолюбивого молодца сомневаться не приходилось.

– Ставь на него все что можешь, – взволнованно заверил Цезарь. – Я сам возьму твои ставки.

Помпей не стал сомневаться.

– Брокеры вполне разделяют твою уверенность, – согласился он. – Так что, если предложишь выгодные условия, я вполне могу взять тебя в долю.

– На Брута – пятьдесят монет на одну твою. И пять на одну – на Авлуса, – быстро ответил Юлий.

Помпей улыбнулся:

– Ты настолько уверен в победе Марка Брута? Таким ответом ты искушаешь меня ставить на этого Авлуса. Ведь при подобном раскладе получается, что твой человек тянет на все пять тысяч золотых. Что, берешь?

Юлий посмотрел на арену. Хорошее настроение куда-то сразу улетучилось. Это последний бой восьмерки. Саломин и Домиций уже прошли в полуфинал. Так неужели появится боец настолько искусный, что сможет одержать верх над его старым другом?

– Согласен, Помпей, – решил он. – Мое честное слово.

Цезарь почувствовал, как на лбу выступают капли пота. Адан явно пришел в ужас, и Юлий постарался не встречаться с испанцем взглядом. Сохраняя видимость спокойствия, он старался вспомнить, насколько сократились его резервы после того, как были заказаны новые доспехи для легионеров. Да и еженедельное жалование агентов не делало запасы золота богаче. Если Брут вдруг проиграет, то мгновенная потеря двадцати пяти тысяч золотых принесет полное разорение. Впрочем, оставалась надежда на консульство – в этом случае кредит окажется практически неограниченным. Все денежные мешки за честь почтут ссудить его деньгами.

– А каков этот Авлус? Он сильный соперник? – поинтересовалась Сервилия, нарушив воцарившееся в ложе молчание.

Бибул подсел поближе к эффектной даме и заговорил с улыбкой, которую сам считал неотразимой:

– Здесь теперь уже все – сильные соперники. Каждый выиграл по семь боев. Впрочем, не приходится сомневаться в том, что твой сын превзойдет всех. Ведь он любимец толпы. Говорят, это вселяет колоссальную силу.

– Благодарю, – коротко ответила Сервилия, накрыв ладонью руку любезного молодого человека.

Бибул тут же покраснел и сжал пальцы, а не слишком восторженно наблюдавший за разговором Цезарь спросил себя, скрывает ли манера его оппонента острый ум, или он действительно такой безнадежный тупица, каким кажется.

Раздался сигнал горна, и с первым же звоном мечей все обитатели ложи, не разбирая чинов и званий, словно один человек, подались вперед, стараясь как можно лучше разглядеть все, что творилось на песчаном пятачке. Сервилия дышала быстро и прерывисто, и Цезарь, стремясь успокоить возлюбленную, взял ее руку в свою. Красавица даже не ощутила прикосновения.

На арене под непрерывный звон мечей двое воинов кружили, провоцируя друг друга и словно насмехаясь над изнуряющей жарой. Фигуры странного танца сменялись с поразительной быстротой, словно в калейдоскопе, а движения соперников казались настолько отточенными, что трудно было оторвать взгляд. Авлус выглядел таким же стройным и подтянутым, как и Брут, так что соперники подходили друг другу даже внешне. Адан смотрел словно завороженный, крепко сжав кулаки и почти подсознательно считая количество нанесенных ударов. Вся секретарская работа – и заметки, и письма – остановилась. Забытые восковые таблички лежали рядом на кресле.

Брут три раза подряд, почти без перерыва, наносил удары по доспехам соперника. Авлус позволял им проникнуть сквозь собственную оборону, поскольку это давало возможность немедленно контратаковать. Наступление его оказывалось настолько мощным, что Бруту требовалось немало ловкости, чтобы избежать разящего металла. Соперники обливались потом. Волосы намокли и прилипли ко лбу. Вот они разошлись в стороны, и Брут что-то произнес. Никто в ложе не смог расслышать конкретных слов, однако Цезарь понимал, что это какая-нибудь грубость, которой Брут хотел разозлить Авлуса.

Авлус лишь рассмеялся, и бойцы сошлись снова. Мечи звенели и стучали; клинки скрепчивались так часто, что Адану уже не удавалось сосчитать количество ударов. Молодой испанец открыл от удивления рот – такого мастерства он еще не видел даже на этом турнире. Замолчали и трибуны. Зрители напряженно затаили дыхание, с волнением и страхом ожидая, когда же на песок брызнет первая кровь.

– Смотрите! – вдруг громко воскликнула Сервилия. – Видите? Смотрите все!

Она показывала на появившуюся на правом бедре Авлуса кровавую полосу.

Бешеная схватка продолжалась. Ни Брут, ни сам Авлус еще не осознали, что поединок подошел к концу. При таком накале борьбы они никак не могли остановиться и развести оружие. Воинственный танец продолжался в неукротимом, бешеном ритме.

По взмаху Цезаря горны сыграли сигнал к прекращению боя. Так резко нарушать сосредоточенность соперников было крайне опасно, однако оба воина проявили прекрасную реакцию и остановились мгновенно и синхронно. Дышали они с таким трудом, что хриплые, судорожные вздохи были слышны даже на трибунах. Авлус приложил ладонь к раненому бедру, а потом поднял ее вверх, демонстрируя Бруту кровь. Говорить соперники не могли. Брут уперся руками в колени и, склонившись, пытался выровнять дыхание и унять бешеное биение сердца. Он сплюнул, и еще раз, и еще – крайнее изнеможение давало о себе знать. Постепенно герои пришли в себя и начали воспринимать восторг трибун. Обнявшись, они подняли мечи, приветствуя зрителей.

Сервилия, не помня себя от радости, захлопала в ладоши:

– Брут попал в четверку, да? Мой дорогой мальчик! Он ведь дрался потрясающе, правда?

– Теперь центурион имеет все шансы победить и прославиться на весь Рим, – ответил Помпей, кисло взглянув на Юлия. – В двух парах полуфинала будут сражаться два римлянина. Лишь богам известно, откуда явились два других воина. Саломин темен, как ночь, а еще один – с раскосыми глазами – вообще невеста из каких краев. Будем же надеяться, что твой приз, Юлий, заслуженно достанется одному из наших воинов. Негоже отдавать его чужеземцу.

Цезарь пожал плечами:

– Все в руках богов.

Молодой человек ждал, пока консул отдаст причитающиеся ему огромные деньги – проигранное пари. Помпей отгадал мысли эдила и нахмурился.

– Я, пожалуй, пришлю к тебе человека – он принесет выигрыш. Не стоит стоять здесь, словно курица с золотым яйцом.

Юлий, тут же согласившись, кивнул. Несмотря на видимость дружелюбия, любой обмен репликами в ложе напоминал бескровную дуэль: каждый старался унижить собеседника. Хорошо, что уже сегодня вечером все это закончится. Надоело!

– Конечно-конечно, консул. До вечернего тура я буду в доме у Яникула.

Помпей прищурился. Он не ожидал, что придется отдавать такую крупную сумму, да вдобавок так быстро. Но все сидящие в ложе смотрели на него с повышенным вниманием, а на губах Красса играла гадкая, ехидная усмешка. Помпей мысленно выругался. Теперь придется отдать выигранное в предыдущих турах – все пропало. Наверное, лишь Красс смог бы заплатить столько золота сразу. Хищник, конечно, тихо радуется той единственной монете, которую выиграл сам, сделав ставку на Брута.

– Отлично, – заключил Помпей, не желая конкретно договариваться о времени доставки денег. Даже со всеми выигрышами нужная сумма набиралась с большим трудом. Но у Красса он денег больше не попросит – скорее Рим сгорит дотла! – Ну, тогда до вечера, господа. Сервилия, мое почтение.

Помпей поклонился и, сделав знак телохранителям, скованным, но решительным шагом вышел из ложи.

Едва консул скрылся из виду, Цезарь расплылся в довольной улыбке. Пять тысяч! Всего лишь одно пари, и его избирательная кампания снова на плаву.

– Люблю этот город, – произнес он вслух.

Светоний встал и вслед за отцом направился к выходу. Вежливость заставила молодого человека пробормотать какую-то истертую любезность, однако лицо его выражало совершенно противоположные чувства. Бибул поднялся следом за другом и тоже пробормотал какие-то слова благодарности.

Сервилия встала со своего кресла. Глаза ее горели тем же возбуждением, которое она видела в лице Цезаря. Толпа покидала трибуны – наступило время обеда. Воины Десятого легиона стояли в проходах, поддерживая порядок. Однако присутствие множества людей вовсе не смутило красавицу – она жадно поцеловала Цезаря:

– Если бы твои люди, милый, завесили ложу и отошли чуть дальше, мы смогли бы насладиться уединением и предаться детским шалостям.

– Ты уже слишком стара, моя милая, чтобы предаваться детским шалостям, – шутливо ответил Юлий, раскрывая объятия.

Подруга гневно вспыхнула и отстранилась. Глаза ее внезапно стали ледяными, и неожиданная быстрая перемена даже испугала Цезаря.

– Прекрасно. Значит, в другой раз, – отрезала она, стремительно направляясь к выходу.

– Сервилия! – жалобно воззвал неудачливый любовник, однако возглас беспомощно повис в воздухе, а сам он так и остался в одиночестве в пустой ложе, досадуя на нелепую оплошность.

Глава 17

Вечер принес прохладу. Юлий нетерпеливо мерил шагами ложу, с нетерпением ожидая появления возлюбленной. Помпей прислал сундук с деньгами всего лишь за несколько минут до того, как Цезарь собирался отправиться на финальный тур, и эдилу пришлось задержаться, чтобы вызвать легионеров и поручить им охрану такого огромного состояния. Даже несмотря на все доверие, которое он питал к своим людям, оставлять несметные богатства без присмотра не стоило.

Наконец охрана денег была обеспечена, но в ложу Цезарь явился последним. Взбежав по ступеням, он сразу обратил внимание на ехидную улыбочку Помпея: от того, конечно, не укрылось взволнованное выражение лица молодого человека. Где же Сервилия? Обидчивая красавица не пришла в дом у холма. Неужели пропустит финальные бои собственного сына?.. От волнения Юлий никак не мог усидеть на месте и быстро, даже суетливо шагнул вдоль края ложи.

Песчаную арену освещал мягкий свет факелов, а вечерний ветерок принес приятную прохладу, особенно освежающую после дневной жары. Зрители до отказа заполнили трибуны, да и сенат явился в полном составе. До окончания турнира вся работа в Риме остановилась, а напряжение достигло даже самых бедных улиц. Люди заполнили Марсово поле плотной бесформенной толпой. Скоро им предстоит так же дружно явиться на выборы.

Появление Сервилии точно совпало с сигналом горнов, вызывающим на арену четверку самых доблестных бойцов. Юлий постарался поймать взгляд подруги, но та не пожелала даже посмотреть на него. Такой отстраненной и холодной Цезарь ее еще никогда не видел.

– Прости, – прошептал он, склоняясь к красавице.

Та сделала вид, что не слышит, и Юлий раздраженно откинулся на спинку кресла. Ну и ладно! Больше он и пытаться не будет!

Толпа стоя приветствовала своих героев, собиравшие ставки рабы бегали по рядам. Помпей не обращал на них никакого внимания, и Юлий злорадно отметил, насколько изменилось настроение заносчивого консула. Он перевел взгляд на Сервилию – интересно, заметила ли она то, что бросилось в глаза ему самому? Красавица продолжала сидеть с каменным видом. Молодой человек не выдержал и снова склонился к ней:

– Неужели я так мало значу для тебя?

Вопрос прозвучал слишком громко – Бибул и Адан одновременно посмотрели на парочку, но одернули себя, притворившись, что ничего не слышали. Сервилия опять не ответила, а Цезарь обиженно и сердито уставился на освещенную арену.

Участники полуфинала медленно вышли в центр и оказались в круге теплого, слегка дрожащего света факелов. Крики стоящей на трибунах толпы стали еще громче, превратившись в оглушительный рев, – двадцать тысяч человек, как один, вопили во всю мощь собственных легких. Брут подошел к Домицию и попытался что-то сказать, однако разговаривать в таком шуме было совсем не легко. Рядом стоял Саломин, а за ним – последний из бойцов, до сих пор остающийся загадкой для зрителей. Почему-то ни стиль, ни даже победы Суна не произвели на римлян серьезного впечатления. Да и он сам казался совершенно бесстрастным и лишь слегка махнул рукой в знак приветствия. Человек с Востока был значительно выше и массивнее Саломина, а плоское лицо и бритая голова придавали его внешности несколько угрожающий вид. Он шел за остальными участниками состязания, словно враждебно преследуя их. Меч Суна казался значительно длиннее мечей соперников. Конечно, это давало ему неоспоримое преимущество, хотя выбор оружия оставался исключительно приоритетом каждого из воинов. Юлий знал, что Брут всерьез размышлял об этом; некоторое время он даже тренировался с длинными восточными клинками, однако в конце концов все-таки предпочел традиционный короткий и прямой римский меч.

Цезарь внимательно наблюдал за участниками состязания, пытаясь заранее отметить признаки слабости или проявление болезни, как у Домиция. Судя по всему, хуже всех чувствовал себя Саломин; он шел, низко опустив голову. За несколько дней состязаний все бойцы уже успели получить достаточное количество синяков и ссадин. Так что победа во многом зависела не столько от мастерства, сколько от выдержки и самообладания воинов. Пары еще не были определены, и Цезарю очень хотелось, чтобы в полуфинале Брут и Домиций оказались вместе, – ведь это означало, что в финал непременно выйдет римлянин. Окажись в последнем бою Саломин против Суна, толпа потеряет интерес к происходящему на арене, и последний, заключительный аккорд праздника будет смазан. Бурная неделя закончится неоправданно тихо и скучно. В этот миг прозвучал голос глашатая. Нет, не повезло: Бруту предстояло сражаться с Саломинем, а Домицию с Суном.

В какофонии криков и нервного смеха зрители снова начали делать ставки на любимых бойцов. Напряжение сразу возросло, и Юлий ощутил, как его неумолимо охватывает волнение. Почему-то вдруг стало жарко, не спасал даже прохладный вечерний ветерок.

Слуга подбросил в воздух монетку; воины напряженно следили, что покажет жребий. Сун кивнул, а Домиций что-то негромко сказал – слова утонули в шуме толпы. В общении финалистов ощущалось взаимное уважение и сдержанное восхищение мастерством коллег. Такое отношение, конечно, делало честь всем четверем. Каждый видел и понимал мастерство соперников и не питал иллюзий относительно легкости предстоящей победы.

Ободрив Домиция, Брут вместе с Саломинем направился обратно под навес. В движениях противника он заметил скованность, которой раньше не было. Неужели повреждена мышца? Такая травма могла оказаться решающей и определить, кто из соперников будет блистать в финале, а кто уйдет ни с чем. Римлянин присмотрелся, пытаясь понять, не подыгрывает ли чужеземец, чтобы усыпить бдительность партнера. Подобные маленькие хитрости нередко практиковались среди участников военных турниров. А на той вершине, куда удалось забраться четверем финалистам, любое, даже крошечное преимущество могло решить исход состязания.

Толпа погрузилась в напряженное молчание; лишь раз его нарушил чей-то нервный смех. Горнисты стояли в полной готовности, подняв головы и ожидая команды Цезаря.

Юлий не спешил, он ждал, пока Домиций как следует разомнется. Суна разминка явно не интересовала. Чужеземец стоял неподвижно и пристально рассматривал зрителей. Наконец кое-кто на трибунах обратил внимание на пристальный интерес бойца; на него стали показывать пальцами, негромко комментируя и внешность, и поведение чужака. Напряжение послед-

него, заключительного вечера, конечно, давало себя знать. Интерес был настолько высок, что, несмотря на поздний час, многие привели с собой даже маленьких детей.

Домиций заканчивал разминку. Напоследок он решил испытать больное колено, и в темноте лицо воина озарилось довольной улыбкой: судя по всему, все было хорошо. Юлий возблагодарил богов за помощь Каберы, хотя и не мог освободиться от чувства вины – ведь это он просил старого доктора использовать высшее, данное небесами искусство. Целитель отдал пациенту все силы: он вернул Домицию здоровье, а сам бессильно упал на землю, бледный как полотно и совершенно больной. Юлий поклялся, что в награду даст самоотверженному доктору все, что тот ни попросит, – слишком страшно было бы остаться без него. Конечно, об этом не хотелось даже думать, но ведь никто точно не знает, сколько Кабере лет.

Эдил взмахнул рукой, и горнисты заиграли сигнал к началу боя. Немедленно стало ясно, что Сун собирается в полной мере использовать преимущество, которое давал длинный меч. Конечно, чтобы действовать им, постоянно отражая натиск короткого, но тяжелого оружия Домиция, необходимо было обладать недюжинной силой и железной хваткой. Крепко упершись ногами в песок, воин поднял клинок, не подпуская к себе соперника. За неделю состязаний каждый из бойцов уже успел в подробностях изучить стиль другого, а потому схватка обещала оказаться сложной и в то же время впечатляюще красивой. Домиций не осмеливался подступить близко к Суну, однако, когда тот атаковал, защищался стремительно и упорно, не оставляя ни малейшей бреши в обороне.

Вот Домиций сделал удачный выпад. Он заставил соперника слегка потерять равновесие и отступить, и Рений, оценив маневр, с энтузиазмом стукнул кулаком по перилам. Длинный клинок взметнулся вверх, и в этот самый миг Домиций ловко наклонился и сумел подойти к сопернику почти вплотную. Он нанес прекрасный удар, но Сун моментально отреагировал и немного отклонился в сторону, избежав опасности, и в то же мгновение ударил Домиция рукояткой по щеке.

Многие из зрителей даже зажмурились. Юлий восхищенно покачал головой: воины демонстрировали высшее мастерство. Самое удивительное, что неискушенному зрителю их бой вполне мог показаться жестокой и грубой схваткой. В этом поединке невозможно было различить безупречные атаки и контратаки, которые так четко просматривались в боях между мастерами и новичками в первых турах. Сейчас каждый замысел и тактический ход тут же разгадывался и предупреждался. В результате бой выглядел как бесконечная череда быстрых и сильных ударов. Но самое главное, что при этом ни один из соперников не пролил даже капли крови.

Домиций сделал паузу первым. Распухшая щека, очевидно, побаливала, и воин приложил к ней ладонь. Потом поднял руку, чтобы показать сопернику: ладонь чистая, крови нет. Сун терпеливо ждал, не опуская меч и явно готовясь снова ринуться в бой. Домиций опустил руку, и соперники скрестили оружие с еще большей яростью.

Тяжелые удары сердца напомнили Цезарю о необходимости дышать. Похоже, от волнения он давно сдерживал дыхание. Уже было ясно, что такого темпа соперники долго не выдержат, так что вскоре должна появиться первая кровь.

Воины снова разошлись и начали кружить почти бегом, в таком темпе, что зрители едва успевали следить за ними. Домицию дважды удавалось усыплять бдительность соперника и провоцировать его на фальшивые выпады. А однажды римлянин нанес такой опасный удар, который вполне смог бы оставить Суна без руки, не увернись тот в последний момент и не прими удар на доспехи.

Конечно, напряжение многодневной борьбы не могло не сказаться на каждом из воинов. Особенно заметно оно проявлялось в поведении Домиция. Римлянин уже начал тяжело дышать и все чаще останавливался, чтобы перевести дух. Цезарь прекрасно понимал, что мастера высшего класса проводят поединки не только и не столько силой оружия, сколько

силой мысли и воли. Поэтому трудно было определить, действительно ли легионер устал или лишь делает вид, чтобы ввести противника в заблуждение. Как бы то ни было, энергия его проявлялась отдельными всплесками, а скорость ударов время от времени падала – сказывалось утомление.

Сун тоже несколько утратил первоначальную уверенность в движениях, а дважды даже упустил возможность хорошего удара. Склонив голову, чужеземец на мгновение приостановился, словно для того, чтобы оценить ситуацию, а потом снова обрушил на соперника град мощных, ослепительных ударов.

Мастерская контратака едва не положила конец зрелищу: Домиций с силой стукнул левой рукой по мечу, изменив направление клинка настолько стремительно, что Суну пришлось упасть на спину, – только так он мог избежать ранения. Рений взволнованно вскрикнул. Мало кто из зрителей понял, что падение точно рассчитано. Оно было самым надежным способом уйти от удара. Толпа же восприняла происходящее на арене как победу своего любимца и ответила громкими воплями. Зрителей позабавило зрелище: Сун, словно краб, уползал от быстрых ударов римлянина. Но вдруг, совершенно неожиданно, он подпрыгнул и снова оказался на ногах.

Очевидно, Домиций тоже удивился и на какое-то мгновение ослабил внимание. В этот самый миг кончик длинного меча Суна неожиданно взметнулся и пронзил бедро римлянина чуть ниже края доспехов. Воины замерли, а те из зрителей, кто обладал самым острым зрением, взвыли от расстройств; остальные же изо всех сил вытягивали шеи, стремясь разглядеть, кто выиграл тур.

По ноге Домиция текла кровь, и Юлий не мог не заметить разочарования и расстройства легионера. Губы его шевелились, и, судя по всему, воин вовсе не признавался противнику в любви. Наконец он взял себя в руки и отошел на исходную позицию. Выражение лица Суна не изменилось; он лишь слегка поклонился сопернику – впервые за все время состязания. К удовольствию зрителей, их любимец нашел в себе силы широко улыбнуться и ответить на поклон поклоном. Бойцы встали рядом и приветственно подняли мечи.

Рений сияющими глазами взглянул на Цезаря:

– С твоего позволения, эдил. Если бы мне помогал Домиций, обучение новых воинов стало бы более успешным. Он думающий боец, и ученикам пришлось бы тянуться за ним.

Головы всех сидящих в ложе словно по команде повернулись к старому гладиатору – упоминание о новом легионе не могло пройти незамеченным.

– Если и Брут, и сам воин согласятся, я пришлю Домиция к тебе. Ведь я обещал помощь – и лучших центурионов, и лучших учителей.

– Нам также необходимы кузнецы и дубильщики, – продолжил было Рений, но Юлий покачал головой, и старый гладиатор замолчал.

На арену вышли Брут и Саломин, и Сервилия поднялась с места. Волнуясь за сына, красавица вздрогнула; руки сами собой сжались в кулаки. Освещенный факелами ринг почему-то казался зловещим.

Юлию хотелось успокоить возлюбленную, пусть даже просто взять за руку, однако он не позлил себе этого, хотя и ощущал возле плеча каждое ее движение, чувствовал разносящийся в вечернем воздухе запах тонких духов. Рядом – но не вместе! Гнев и растерянность не дали в полной мере насладиться торжественностью момента, когда эдил подкреплял печатью ставку в пять тысяч золотых – конечно на Брута. Помпей сидел с таким выражением на застывшем лице, что настроение Юлия поднялось, даже несмотря на упрямство Сервилии. Увидев ставку, Адан с трудом подавил возглас ужаса, и Цезарь дружески подмигнул секретарю. Только что они вместе проверили запасы, и выяснилось, что привезенного из Испании золота уже нет. В случае проигрыша пяти тысяч придется проводить избирательную кампанию в кредит. Конечно, Юлий не стал раскрывать молодому испанцу такие подробности своей частной

жизни, как покупка черной жемчужины в подарок Сервилии. Сейчас драгоценность приятно оттягивала карман, и ощущение было настолько восхитительным, что Юлию захотелось преподнести подарок сейчас же, несмотря на дурное расположение духа красавицы. Конечно, если задумываться о цене вещицы и о том количестве оружия и доспехов, которые можно купить на эти деньги, то восторг заметно спадал. Впрочем, лучше не думать о неприятном! Да, жемчужина стоила немало – шестьдесят тысяч золотых. Наверное, он все-таки сошел с ума. Конечно, было бы слишком экстравагантно записать такую сумму на свой счет. Торговец поклялся именем матери, что никому не откроет стоимость сделки, а это означало, что подробности станут известны всему Риму, гулякам каждой пивной и клиентам каждого притона не раньше чем через пару дней. После таких мыслей жемчужина словно тотчас потяжелела, и эдил почти бессознательно сжал в руке свидетельство собственного полного безрассудства.

Саломин внимательно наблюдал за всеми боями Брута, включая и тот, в котором он ударом лишил противника сознания, а потом едва заметно царапнул ему ногу мечом, чтобы добиться необходимой первой крови. Даже если бы сейчас он находился в своей лучшей форме, то все равно предпочел бы сразиться или с Домицием, или с Суном. Ведь молодой римлянин дрался без единой паузы; он не останавливался, чтобы задуматься о тактике действий, а потому казалось, что и мускулы, и тело его натренированы до такой степени, что действуют сами собой, без участия мозга. Глядя на Брута, Саломин нервно сглотнул и приказал себе успокоиться и сосредоточиться. Пошевелив плечом, он с отчаянием почувствовал, что затянувшаяся было рана на спине снова открылась. Обливаясь холодным потом, боец тревожно ждал сигнала к началу схватки.

Сегодня во время перерыва случилось непредвиденное. Пока Саломин обедал на своем скромном постоялом дворе возле городской стены, к нему подошли несколько солдат и, вытаскивая на улицу, начали нещадно избивать. Били до тех пор, пока не сломались палки. Сам воин так и не понял, чем провинился. Втер в раны гусиный жир и изо всех сил старался не терять присутствия духа. Однако надеяться уже было не на что, и лишь гордость заставила мастера выйти вечером на арену. Он негромко произнес молитву, и слова родного языка, казалось, принесли успокоение.

Прозвучали фанфары, и первое движение бойца оказалось инстинктивным: он попытался увернуться. В тот же миг спина раскололась от боли, а на глаза навернулись слезы; факелы тут же расплылись и превратились в звезды. Почти вслепую он взмахнул мечом, но Брут, конечно, ловко ускользнул. От боли и отчаяния Саломин громко вскрикнул: поврежденная мышца отказывалась повиноваться. Еще один удар – откровенный промах. Лицо бойца заливал пот, и он остановился, собираясь с силами.

Брут отступил на шаг и озадаченно нахмурился. Он смотрел на руку соперника. Саломин поначалу боялся взглянуть, потом ощутил легкое жжение и опустил глаза: ничего страшного, небольшая рана, из которой сочится кровь. Воин сдержанно кивнул.

– Сегодня это не самая страшная из моих ран, друг. Надеюсь, в других ты неповинен, – негромко произнес он.

Брут равнодушно поднял меч, выполняя приветственный ритуал, и в этот момент заметил, как скованно, неловко стоит этот обычно столь пластичный и ловкий человек. Лицо римлянина осветилось осознанием страшной истины.

– Кто же это сделал?

Саломин лишь недоуменно пожал плечами:

– Думаешь, легко отличить одного гражданина Рима от другого? Единственное, что могу сказать, – это сделали солдаты.

Брут гневно побледнел и с подозрением взглянул на радостно кричащего Цезаря. Потом медленно, словно не замечая приветствий в свой адрес, пошел прочь с арены.

До финального поединка оставалось два часа. Зрители, возбужденно переговариваясь, отправились перекусить, а тем временем служители начали тщательно разравнивать граблями песок на арене. Ложа быстро опустела, причем Юлий заметил, что сенатор Пранд ушел в одиночестве, без сына. Светоний же, едва кивнув отцу, вместе с Бибулом направился в толпу зрителей.

Эдил почувствовал приближение Брута раньше, чем успел его увидеть, – толпа с энтузиазмом приветствовала любимца. Несмотря на бушующее в душе негодование, воин не забыл, подходя к ложе, спрятать меч в ножны; иначе легионеры просто не пропустили бы его. Они обязаны были останавливать каждого вооруженного человека, пусть даже и любимого народного героя.

И Цезарь, и Сервилия поспешили навстречу. Эдил открыл было рот, чтобы поздравить друга, однако одного взгляда на его лицо оказалось вполне достаточно, чтобы слова застряли в горле. Брут в прямом смысле побелел от гнева.

– Это ты организовал избиение Саломина? – выпалил победитель, подойдя ближе. – Он же едва держится на ногах. Твоя работа?

– Я... – начал было ошеломленный Юлий, но тут же замолчал, поскольку в ложе появился Помпей и разговор явно привлек внимание сопровождавших его легионеров.

Дрожа от волнения, Брут отсалютовал и встал навытяжку, в то время как Помпей не спеша оглядывал победителя.

– Приказ отдал я, – спокойно сообщил он. – Меня вовсе не волновало, пойдет это тебе на пользу или нет. Дело совсем в другом. Чужеземец, не считающий нужным даже приветствовать зрителей, не вправе рассчитывать на теплый прием. Больше того, он заслуживает и худшего наказания. Если бы ему не предстояло выступать в четверке мастеров, он уже давно раскачивался бы на ветру. – (Консул невозмутимо выдержал потрясенные взгляды собеседников.) – По-моему, вежливости можно научить даже чужеземца. А теперь, Брут, выкинь это из головы и хорошенько отдохни перед финальным боем.

Получив приказ, Брут вынужден был его исполнять, а потому лишь виновато взглянул на стоящих рядом друга и мать.

– Наверное, стоило подождать до окончания турнира, – заметил Юлий после того, как Брут ушел.

Змеиный взгляд Помпея заставил его тщательно выбирать слова. Этот человек был еще опаснее, чем казалось раньше.

– А может быть, и совсем забыть? – ответил Помпей. – Помни, Цезарь, что консул – это и есть Рим. С ним нельзя обращаться неуважительно. Над ним нельзя насмехаться. Возможно, со временем ты поймешь это и сам – конечно, в том случае, если граждане дадут тебе шанс занять мое место.

Цезарь хотел было поинтересоваться, делал ли Помпей ставку на Брута, но, к счастью, вовремя успел захлопнуть рот. Он и сам вспомнил, что Помпей не ставил на центуриона. Даже столь искаженное понятие о чести, каким обладал консул, не позволяло извлечь выгоду из наказания.

Юлий неожиданно почувствовал страшную усталость: интриги и безнаказанная жестокость казались неистребимыми. Он молча кивнул в знак понимания и отдернул занавес, пропуская Сервилию и Помпея. Возлюбленная не взглянула даже сейчас, и молодой человек, идя следом, грустно вздохнул. Он понимал, что капризная особа добивается, чтобы он пришел к ней и молил о прощении наедине. Не очень-то хотелось, но выхода не было. Рука снова сама собой потянулась к жемчужине.

Все еще тяжело дыша после быстрой скачки, Цезарь спешился и постучал. Хозяйка таверны подтвердила, что Сервилия поднялась к себе в комнату. Из-за двери доносился плеск

воды, – судя по всему, красавица принимала ванну перед вечерним зрелищем. Даже несмотря на волнение, раздавшиеся шаги показались обещанием примирения и радости. Однако из-за двери послышался голос девушки-рабыни, в обязанности которой входило устройство ванн для жильцов.

– Юлий Цезарь, – коротко ответил он на вопрос о том, как доложить.

Возможно, перечисление титулов заставило бы служанку двигаться немного быстрее. Однако каждая из дверей небольшого коридора явно имела уши, а в стоянии на пороге в роли влюбленного мальчишки все-таки ощущалось нечто унижительное. Девушка ушла, и посетителю оставалось лишь терпеливо дожидаться. Хорошо хоть, что таверна находилась недалеко от городской стены, так что обратный путь казался недолгим. Лошадь отдыхала в небольшой конюшне, лениво пожевывая сено, а для того, чтобы подарить жемчужину, горячо обнять растроганную возлюбленную и насладиться поцелуем счастливого примирения, вполне достаточно пяти минут. Ну а потом можно, словно ветер, помчаться на Марсово поле, чтобы успеть к финалу: решающие бои должны начаться в полночь.

Наконец служанка отперла дверь и поклонилась. Впустив гостя, девушка выскользнула в коридор. В глазах ее мелькнуло неподдельное любопытство. Впрочем, едва увидев возлюбленную, Цезарь тут же забыл о девчонке.

Сервилия выглядела скромно и изысканно: в тонкой белой тунике, с собранными на затылке в тугую пучок волосами. Юлию некогда было обдумывать, когда красавица нашла время для косметики; он нетерпеливо бросился к избраннице и заговорил, пытаясь как можно скорее объясниться.

– Мне наплевать на разницу в возрасте, – почти требовательно заявил он. – Разве в Испании годы имели какое-нибудь значение?

Он попытался обнять Сервилию, но та с королевским величием подняла руку, словно останавливая порыв:

– Ты просто ничего не понимаешь, Юлий. В этом и заключена простая правда.

Эдил попытался что-то возразить, но Сервилия продолжала с напором, обжигая незадачливого друга огненным взглядом:

– Я и в Испании понимала невозможность нашей любви, однако там все было иначе. Трудно объяснить... наверное, дело в том, что под горячим солнцем Рим казался очень далеким, так что все сосредоточилось на тебе одном. А здесь я и сама остро ощущаю годы, даже десятилетия. Десятилетия между нами, милый. Вчера мне исполнилось сорок три. Когда тебе будет сорок, я совсем состарюсь и превращусь в древнюю, седую старуху. Да седина и сейчас уже пробивается, только я закрашиваю ее лучшей египетской хной. Давай расстанемся, Юлий. Общего будущего у нас нет.

– Сервилия! Я не хочу слушать твои доводы! – вспыхнул Цезарь. – Ты все еще красива...

Сервилия рассмеялась холодно и горько:

– Все еще красива, Юлий? Все еще? Действительно, можно удивляться моей внешности. Да вот только ты не знаешь, какими усилиями достигается восхитительная гладкость и нежность кожи.

На мгновение красавица поддалась слабости, глаза затуманились слезами. Потом взяла себя в руки. А когда заговорила снова, голос зазвучал устало, но с нотками спокойной решимости:

– Я не позволю тебе увидеть, как постепенно старею. Пусть кто угодно станет свидетелем увядания, только не ты. Так что отправляйся-ка к своим друзьям, а то мне придется позвать охранников. Они тотчас выставят тебя за дверь. Иди. Мне нужно закончить туалет.

Юлий молча разжал ладонь и показал лежащую на ней черную жемчужину. Он понимал, что делает это зря, но рука открылась сама собой – ведь он обдумывал этот жест всю дорогу от самого Марсова поля. Красавица недоверчиво покачала головой:

– И что же, теперь я должна броситься в твои объятия? Зарыдать, попросить прощения и сказать, что ошиблась, считая тебя мальчишкой?

Потеряв самообладание, Сервилия выхватила жемчужину из руки бывшего возлюбленного и с силой запустила ему в лоб. Цезарь непроизвольно зажмурился. Драгоценность упала и покатилась куда-то в угол. Звук, казалось, продолжался целую вечность.

Женщина произнесла медленно и тихо, словно пытаясь договориться с глупцом:

– Убирайся!

Как только дверь закрылась, Сервилия сердито потерла виски и принялась шарить по углам в поисках так недостойно встреченного подарка. Наконец нашла и подняла к свету лампы. На мгновение лицо ее смягчилось. Несмотря на безупречную красоту, драгоценный камень казался холодным и жестким – именно такой пыталась выглядеть она сама.

Сервилия с нежностью погладила жемчужину, не переставая думать о любимом. Он не прожил на свете еще и тридцати лет. Пока мальчик не отдаст себе отчета, но очень скоро ему будет нужна жена, способная родить сыновей. Женщина со слезами на глазах вспомнила о неполадках в собственном здоровье: уже три месяца никаких регулярных проявлений и в то же время никаких признаков зарождения новой жизни. Поначалу Сервилия еще осмеливалась надеяться на ребенка. Но вот прошел еще один период, и она ясно поняла, что молодость ушла. Она уже не в состоянии родить Цезарю сына, а потому лучше как можно быстрее отослать его, не дожидаясь, пока речь пойдет о детях, которых она не сможет подарить любимому. Как бы то ни было, так лучше, чем ждать, пока он сам отправит ее в отставку. Этот мужчина настолько силен и уверен в себе, что нечего и надеяться на то, что он когда-нибудь поймет ее истинные страхи.

Сервилия глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться: ничего, он скоро придет в себя и все забудет. Молодые умеют забывать.

В полночь на арене появились Брут и Сун. Факелы обновили, и во мраке Марсова поля арена сияла ярким огненным кольцом. Ставки больше не принимались, и шнырявшие по рядам рабы куда-то мгновенно исчезли. Многие граждане Рима считали, что лучший способ подготовиться к финальному состязанию – это напиться допьяна, а потому Цезарь вызвал еще один отряд легионеров на случай беспорядков. Несмотря на отвратительное настроение, эдил не мог не ощущать гордости, глядя, как Брут приветственно поднимает меч работы Кавальо. Для всех посвященных жест этот заключал в себе особое, глубоко личное значение. Цезарь по привычке протянул руку, чтобы сжать ладонь Сервилии, но тут же одумался.

Впрочем, он почти не сомневался, что в случае победы любимого сына настроение капризной особы изменится.

Взошла луна – вернее, бледный месяц, который повис как раз над огненным кольцом. Несмотря на поздний час, новость о финалистах стремительно облетела город, и теперь весь Рим с нетерпением ожидал результатов схватки. В случае победы Брут, несомненно, прославится. Больше того, если бы он сейчас решил участвовать в выборах консула, то непременно занял бы почетное место.

Горнисты протрубили начало, и Сун атаковал без всякого предупреждения. Он явно рассчитывал на мгновенную победу. Стремительно нанося удар за ударом, китаец стремился поранить не защищенные доспехами ноги, но Бруту удавалось успешно отражать атаки. В контратаку он не спешил, очевидно ожидая, пока соперник утомится. Сун действительно на мгновение потерял равновесие. Однако узкие раскосые глаза остались совершенно невозмутимыми, а через секунду, слегка пожав плечами, воин снова пошел в наступление, описывая в воздухе причудливые фигуры своим длинным мечом.

Римлянин снова парировал удар, и звук металла о металл прозвучал над притихшей толпой, словно колокол. Зрители, затаив дыхание, внимательно следили за финальной битвой, так непохожей на все предыдущие.

От наметанного взгляда Цезаря не укрылся налет гнева, все еще заметный в лице Брута. Фальшивая победа над Саломиним явно не давала ему покоя. Чем закончится это переживание? Брут убьет противника или погибнет сам?

Атака повлекла за собой целую серию ударов и столкновений, но до сих пор римлянин ни на шаг не отступил с первоначально занятой позиции. Каждый раз, когда вздымался меч Суна, он тут же встречал надежный заслон короткого, но мощного римского клинка. Все фальшивые выпады Брут распознавал с самого начала и вовсе не спешил на них реагировать, хотя порою грозное оружие оказывалось настолько близко, что был отчетливо слышен свист рассекаемого воздуха. Дыхание Суна постепенно становилось все более напряженным. Толпа же начала встречать каждую из атак криком, на мгновение замолкая во время удара, а после него издавая насмешливый, по-змеиному шипящий звук. Зрителям казалось, что Брут преподает китайцу урок римского стиля.

Лишь Цезарь понимал, что пока его друг сражается с самим собой. Молодой римлянин отчаянно стремился к победе, однако сознание нечестной борьбы с Саломиним разъедало его душу, и он просто удерживал нынешнего соперника на расстоянии, в то же время совещаясь с собственной совестью. Юлий отдавал себе отчет в том, что видит выступление настоящего мастера. Удивительно, но мальчишка незаметно превратился в зрелого воина, посильнее Рения или любого из старших.

Впрочем, лучше всех эту истину понимал Сун. Пот уже нещадно застилал ему глаза, а Брут так и не сошел со своей позиции. Лицо китайца выражало откровенный гнев, смешанный с глубоким разочарованием. Каждый удар сопровождался странным ворчанием. Сам того не осознавая, боец теперь уже стремился не к первой крови, а к убийству.

Цезарь не мог больше наблюдать за подобным поединком. Он перегнулся через перила ложи и во весь голос закричал:

– Победы, Брут! Победы ради нас!

Услышав призыв эдила, трибуны взревели. Брут мечом блокировал оружие соперника, удерживая его в западне так долго, что за это время смог с силой ударить китайца в лицо локтем. На бледной коже азиата явственно проступила кровь, и он, пораженный, отступил. Юлий увидел, как Брут поднял руку и что-то произнес, однако соперник решительно покачал головой и снова бросился в атаку.

И в этот момент Брут внезапно ожил. Теперь его движения напоминали рывок кота, который долго выжидал, но наконец решил прыгнуть. Римлянин позволил вражескому мечу скользнуть по собственной груди: таким образом ему удалось проникнуть за линию обороны. После этого воин с отчаянной силой обрушил меч на шею противника. Этот удар вобрал в себя весь накопившийся гнев, все раздражение, всю обиду. Клинок мгновенно исчез под серебряными доспехами. Брут резко повернулся и не оглядываясь пошел прочь, к трибунам.

Сун смотрел вслед медленно уходящему победителю. Лицо исказила предсмертная гримаса. Левой рукой раненый схватился за торчащий меч и попытался что-то крикнуть, однако ни легкие, ни горло больше не подчинялись, и в смертельной тишине цирка раздалось лишь хриплое подобие вороньего карканья.

Толпа разразилась громкими приветственными воплями, но Брут не радовался. Ему было стыдно за сограждан. Остановившись, центурион громко обратился к ним, призывая к тишине. Кто-то услышал призыв победителя, а кто-то замолчал и сам, ожидая, когда Сун наконец упадет.

Чужеземец плюнул в песок. Его лицо вдруг стало совершенно белым. Дышал он с таким трудом, что хрип доносился до самых верхних рядов трибун. Медленно, с чрезвычайной осто-

рожностью, воин расстегнул доспехи, и они упали на песок. Одежда была пропитана кровью и в ярком свете факелов казалась почти черной. Раненый с удивлением разглядывал собственную грудь. Потом перевел взгляд на толпу молча наблюдавших римлян.

– Ну же, ублюдок, – с непонятно откуда взявшейся грубостью пробормотал Рений, – покажи им, как надо умирать.

С методичностью агонии Сун аккуратно спрятал в ножны длинный меч. Но в этот момент ноги подкосились, и он упал на колени. Однако, даже умирая, боец продолжал смотреть на ряды трибун; каждое дыхание вырывалось словно крик – все короче и короче. И вот он упал. Толпа, до этого следившая за происходящим затаив дыхание, наконец позволила себе вздохнуть. Но никто не двинулся, словно трибуны были заполнены рядами богов-олимпийцев.

Помпей вытер платком лоб и задумчиво покачал головой:

– Ты должен поздравить своего человека, Цезарь. Более красивой победы я в жизни не видел.

Цезарь ответил холодным, непроницаемым взглядом, а консул кивнул, словно соглашаясь сам с собой, и скомандовал охранникам, чтобы те проводили его домой.

Глава 18

Бибул молча наблюдал, как Светоний меряет шагами длинную комнату, в которой он сам обычно принимал посетителей. Как и все в доме, комната эта была обставлена и украшена в полном соответствии со вкусом хозяина. Даже сейчас, провожая взглядом фигуру Светония, он успевал порадоваться светлым тонам подушек и штор, золоченым вензелям на колоннах. Чистота и порядок неизменно успокаивали Бибула, умиротворяя душу. Вернувшись к себе на виллу, он, как правило, с первого взгляда замечал малейший беспорядок и неточность в убранстве. Пол из черного мрамора был начищен до зеркального блеска – настолько, что каждый шаг Светония сопровождался цветной тенью, словно гость ходил по воде. Кроме Бибула и Светония, в доме никого не было; хозяин выпроводил даже рабов. Огонь давно погас, и воздух уже остыл настолько, что вполне можно было замерзнуть. Бибул с удовольствием потребовал бы горячего вина и какой-нибудь вкусной еды, однако не решался прервать речь друга.

Вместо этого он начал считать повороты Светония. Тот шагал и шагал. Напряжение сквозило и в приподнятых плечах, и в крепко сжатых за спиной руках – приглядевшись, можно было заметить, как побелели костяшки пальцев. Бибул ненавидел ночные вторжения в собственный дом, однако Светоний обладал над ним какой-то странной властью, и он считал необходимым бесконечно слушать речи человека, которого уже начинал презирать.

Резкий, громкий голос Светония внезапно разорвал тишину, словно гнев уже невозможно было сдерживать:

– Клянусь, Бибул, если бы я смог заполучить его, то непременно убил бы! Клянусь головой Юпитера!

– Что ты, что ты, не смей так говорить! – испуганно взмолился Бибул.

Он чувствовал, что не все можно произносить вслух даже в собственном доме.

Светоний внезапно остановился, словно ему бросили серьезный вызов, и Бибул испуганно зарылся в гору подушек. В углах губ Светония скопилось слюна, и несчастный слушатель как замороженный смотрел на них, не в силах отвести взгляд.

– Ты просто его не знаешь, Бибул. Не видел, как он разыгрывает роль благородного римлянина – не хуже, чем когда-то его дядюшка! А ведь семья-то всего-навсего купеческая! Он просто умеет льстить тем, в ком нуждается, и манит их за собой, словно петух кур! Да уж, вот в чем ему действительно не откажешь! Большой мастер находить тех, кто сможет его полюбить! А ведь все построено на лжи, Бибул. Это я знаю точно.

Светоний взглянул на друга, словно ожидая возражений.

– Тщеславие его настолько откровенно, что невозможно понять, почему этого не замечают другие. Но в том-то и беда, что все смотрят с восхищением и называют самозванца молодым римским львом!

Светоний презрительно сплюнул на полированный пол, и Бибул почти в отчаянии смотрел на оскверненную красоту. Друг, поглощенный собственными переживаниями, ничего не замечал. Он сморщился, и лицо тут же превратилось в комическую маску.

– Для них все это игра – для Помпея и Красса. Это стало понятно уже во время нашего возвращения из Греции. Город прозябал в бедности, рабы готовили крупнейшее в нашей истории восстание – и в этой обстановке они назначили Цезаря трибуном. Уже тогда следовало понять, что справедливости здесь добиться просто невозможно. В конце концов, чем он заслужил все эти почести? Ведь я был на войне с Митридатом, Бибул. И там Цезарь проявил себя не более великим вождем, чем я сам, хотя тщательно разыгрывал роль полководца. Митридат, можно сказать, просто отдал победу нам в руки. Я ни разу не видел, чтобы Юлий сражался. Я еще об этом не говорил? Да, действительно, он ни разу даже не вытащил меч из ножен, чтобы помочь нам в трудную минуту.

Бибул вздохнул. Он слышал все это уже много-много раз. Ну хорошо, можно было погневаться один раз. А у Светония Цезарь с каждым разом становился все более страшным злодеем.

– А Испания? О Бибул, насчет Испании я знаю буквально все! Он отправился туда с пустыми руками, а обратно привез столько золота, что хватило на консульскую избирательную кампанию. И что же, они вызвали его на следствие? Отдали под суд? Я сам написал письмо тому человеку, который занял его место, и уточнил цифры, которые он представил сенату. Я сделал за них их же собственную работу, Бибул, за этих старых болванов!

– И что же он ответил? – поинтересовался Бибул, поднимая голову.

Эта часть спектакля оказалась новой и вызвала некоторый интерес. Хозяин наблюдал, как гость подбирает подходящие слова, и очень опасался, что тот снова начнет плевать на пол.

– Да ничего! Я написал еще раз и еще, пока наконец не получил в ответ короткую записочку, в которой наместник требовал не вмешиваться в дела римского правительства. Там была даже угроза, Бибул! Да, гаденькая мелкая угроза. Тогда я понял, что этот человек – ставленник Цезаря. Нечего и сомневаться, что руки его так же грязны, как и руки его предшественника. Да, Цезарь умеет неплохо замечать следы, но я все равно сумею поймать его!

Усталый и голодный, Бибул не смог удержаться от небольшой колкости:

– Если он станет консулом, Светоний, то сразу получит неприкосновенность, даже на случай серьезных преступлений. И тогда ты не сможешь его тронуть.

Светоний фыркнул, однако слегка призадумался. Он помнил, как наблюдал за теми темными личностями, которые проникли в поместье Цезаря и убили Корнелию и слуг. Иногда казалось, что лишь это воспоминание и удерживает его от полного сумасшествия. В тот день боги почему-то не оградили Юлия. Его самого отослали в Испанию – в очевидную ссылку, а красавицу-жену попросту зарезали. Тогда Светонию показалось, что он наконец-то сумел справиться с собственным гневом. Смерть Корнелии словно выпустила избыток пара из переполненной ненавистью души – вместе с паром улетучился и яд.

Светоний тяжело вдохнул: нет, этот хрупкий душевный мир уже потерян. Юлий дезертировал из Испании, да еще привез оттуда кучу золота. Его следовало забить камнями, а вместо этого самозванец выступает перед чернью, завлекая ее своими лживыми рассказами. И ведь все верят! А воинский турнир и вообще прославил имя организатора на весь Рим!

– Так стоит ли удивляться, Бибул, тому факту, что турнир выиграл не кто иной, как его лучший друг? А пустоголовая толпа знай восторженно вопит, хотя все прекрасно видели: этот парень Саломин едва дотащился до своего места на арене. Вот это организовал настоящий Цезарь – тот, которого я так хорошо знаю. Прямо, в открытую, перед глазами тысяч и тысяч людей, а они этого не замечают! Где же его драгоценное понятие о чести? – Светоний

снова начал шагать из угла в угол, гулко отстукивая на мраморном полу каждый шаг. – Он просто не имеет права стать консулом, Бибул. Я сделаю все, что в моих силах, этого допустить нельзя. Надежды сосредоточены не только на тебе, друг мой. Возможно, конечно, что ты и наберешь достаточно представительских голосов, чтобы потеснить негодяя, но, если этого окажется мало, я сумею найти какой-нибудь другой способ.

– А если ты попадешься на чем-то подобном, то я... – начал было Бибул.

Светоний жестом оборвал его:

– Занимайся своей работой, Бибул, а я уж буду заниматься своей. Маши ручкой толпе, посещай суды, произноси речи.

– Ну а если все-таки этого окажется недостаточно? – поинтересовался Бибул, с опаской ожидая ответа.

– Не доставляй разочарований, друг мой! Тебе придется пройти весь путь до самого конца – если, конечно, твой отказ не поможет отцу. Неужели я прошу слишком многого? Это же сушая безделица.

– Но если...

– Что-то ты утомил меня своими возражениями, приятель, – негромко произнес Светоний. – Если тебе угодно, я хоть сейчас могу отправиться напрямик к Помпею и рассказать ему во всех подробностях, почему ты не можешь претендовать на место римского консула. Хочешь этого, да? Хочешь, чтобы он узнал твои небольшие секреты?

– Перестань! – со слезами на глазах взмолился Бибул.

В такие минуты он не питал к этому человеку ничего, кроме ненависти. Проклятый ловкач умел все выставить в отвратительном, несносно-гадком свете.

Светоний подошел ближе и остановился рядом с диваном, бесцеремонно схватив друга за подбородок:

– Ведь даже маленькие собачки умеют кусаться, правда, Бибул? Я вот все думаю, предашь ты меня в конце концов или нет? Разумеется, если бы я дал тебе шанс, ты бы непременно сделал это. Но все дело в том, что ты упадешь вместе со мной, причем ударишься еще сильнее. И это тебе известно, правда? – С этими словами Светоний сжал подбородок приятеля с такой силой, что тот вздрогнул от боли. – Ты действительно грязный ублюдок, Бибул. И все-таки ты мне нужен. Это связывает нас сильнее, чем узы дружбы, крепче, чем кровь. Не забывай об этом, Бибул! Ты не вынесешь пыток, а Помпей на них большой мастер! – (Бибул дернулся, освободил подбородок и принялся изо всех сил растирать лицо мягкими белыми руками.) – А теперь позови своих очаровательных детишек и прикажи развести огонь. Что-то здесь стало прохладно, – блестящими глазами глядя на несчастного приятеля, закончил свое бурное выступление гость.

В столовой дома у холма, откуда осуществлялось все руководство избирательной кампанией Цезаря, Брут стоял во главе длинного праздничного стола. Подняв кубок, он оглядывал собравшихся друзей. Все встали, чтобы поздравить победителя с огромным успехом. Среди единомышленников горечь несправедливой победы над Саломиним немного отступила в тень. Юлий встретился с ним глазами, и Брут улыбнулся, стыдясь того, что мог заподозрить друга в организации избиения.

– Так за что же пьем? – задал риторический вопрос победитель.

Александрия негромко откашлялась, и все головы повернулись в ее сторону.

– Нам, конечно, потребуется много тостов, но первый из них обязательно должен быть за Марка Брута, обладателя золотого римского меча.

Все с улыбкой начали повторять удачное выражение, и Брут ясно расслышал бас Рения. Сразу после победы в турнире старый гладиатор завел с учеником долгую беседу, а тот, разумеется, послушно внимал всем наставлениям.

Теперь же Брут встретился с учителем взглядом и поднял кубок, словно в знак особой благодарности. Рений в ответ широко улыбнулся, и на душе победителя стало светлее.

– А следующий тост должен непременно прозвучать в честь моего прекрасного золотых дел мастера, вернее, мастерицы, – смеясь, заявил он. – Той самой, которая любит обладателя первого меча в Риме.

Александрия вспыхнула довольным румянцем, и все радостно подхватили веселое славолюбие.

– Ты просто пьян, негодяй, – прошептала она на ухо другу, но глаза красавицы действительно светились любовью.

Юлий потребовал снова наполнить кубки:

– Выпьем за тех, кого мы любим, но кого сейчас с нами нет, – провозгласил он.

Что-то в тоне эдила заставило всех замолчать. Кабера сейчас лежал на втором этаже. Его пытались лечить все медицинские светила Рима, но пока без особого успеха. Во время турнира он исцелил Домиция, однако сам тут же рухнул без сил и до сих пор еще не поправился. Болезнь искусного целителя омрачала праздник.

Гости негромко повторили тост, и каждый вспомнил своих дорогих ушедших. Юлий подумал о Сервилии. Место красавицы пустовало, она так и не пришла праздновать триумф сына. Цезарь задумчиво потер лоб в том самом месте, куда угодила тяжелая жемчужина.

– Мы сегодня всю ночь собираемся гулять? – поинтересовался Домиций. – Октавиану, например, уже давно пора спать.

– Мне обещали, что разрешат посидеть вместе со взрослыми подольше, если, конечно, я буду хорошо себя вести, – жизнерадостно парировал юноша и демонстративно осушил кубок до дна.

Все сели, и Цезарь нежно взглянул на родственника. Мальчик постепенно превращался в красивого и сильного мужчину; вот, правда, манеры немного грубоваты. Даже Брут как-то заметил, что парень стал частым гостем в заведении Сервилии. Ходили слухи, что девушки считают его лучшим клиентом. Юлий с радостью смотрел, как Октавиан весело смеется какой-то шутке Рения; оставалось лишь надеяться, что удивительное жизнелюбие и уверенность в своих силах не покинут юношу слишком рано. И в то же время, если парня не поставить в суровые условия реальной жизни, не испытать как следует на прочность, он может остаться лишь красивой оболочкой, скрывающей пустоту. Самому Цезарю хотелось бы многое изменить в своем прошлом, но все-таки он сознавал, что без всех пройденных испытаний так и остался бы тем самоуверенным, вспыльчивым и гордым мальчишкой, которого Рению пришлось долго наставлять на путь истинный. Наверное, нельзя стать мужчиной, не испытав настоящей боли, хоть и горько это сознавать.

Закуски принесли на роскошном серебряном сервизе, сделанном в Испании специально по заказу Цезаря. Все проголодались, и некоторое время царила тишина, нарушаемая лишь негромкими звуками жующих ртов.

Наконец Брут откинулся на ложе и с довольным видом сложил руки на животе.

– Так что же, ты собираешься стать консулом, Юлий? – поинтересовался он.

– Если за меня проголосует достаточное количество народа, – спокойно ответил эдил.

– А Александрия уже делает тебе пряжку для консульской мантии, – продолжал друг. – Красивую!

Александрия лукаво взглянула на друга:

– Забыл, что это сюрприз, Брут? Я же тебя предупреждала. А ты, как всегда, все пропустил мимо ушей.

Брут нежно взял красавицу за руку:

– Прости, пожалуйста, забыл. Но она действительно очень хороша.

– Спасибо, Александрия, – вмешался в спор влюбленных Юлий. – Надеюсь, у меня появится шанс украсить этой пряжкой мантию. Вот только хотелось бы быть столь же уверенным в победе, как Брут.

– А почему бы и нет? На форуме ты проиграл лишь одно дело, но его не смог бы выиграть никто. А выиграл три, которые тоже никто другой не смог бы выиграть. Агенты агитируют за тебя по всему городу, и прогнозы очень неплохие.

Цезарь молча кивнул, вспомнив обо всех долгах и кредитах, в которые пришлось влезть ради успеха избирательной кампании. Золото, которое он выиграл у Помпея, растаяло буквально за несколько дней. Несмотря на уже приобретенную экстравагантную репутацию, он искренне сожалел о нескольких тратах, а особенно о дорогой черной жемчужине. Но труднее всего было вынести тон ростовщиков. Чем больше становилась сумма долга, тем настойчивее и фамильярнее они себя вели. Казалось, эти люди уже завладели какой-то частью его души, и оставалось лишь мечтать о том дне, когда можно будет освободиться от грязных, жадных рук.

Раскрасневшись от вина, Брут снова встал:

– Хочу предложить еще один тост. За победу, но победу честную!

Все торжественно подняли кубки. А Цезарь пожалел о том, что до этой минуты не дожил его отец.

Глава 19

За городские стены на выборы вышла огромная толпа. Торжественность события остро ощущалась во всем. Юлий с гордостью наблюдал, как граждане чинно разбились на сотни, а потом начали складывать в корзины восковые таблички, чтобы счетная комиссия могла определить результаты. Город маячил на горизонте, а на западе, на высоком холме, реял флаг – знак защищенности и безопасности Рима во время выборов.

В ночь накануне события о сне не приходилось и думать. Юлий стоял у ворот и наблюдал, как авгуры готовятся освящать поле: точат ножи и выводят из города огромного белого вола. Эдил нервничал; голова странно кружилась, и все происходящее вокруг казалось затянутым дымкой нереальности. Через несколько минут туша уже лежала на земле. Цезарь же пытался определить настроение сограждан. Многие, опуская в плетеные корзины таблички, кивали и улыбались своему избраннику, однако его это не слишком радовало. В соответствии с принятой системой в зачет пойдут лишь голоса ответственных за каждые сто человек, по военной терминологии – центурионов. Первыми голосовали представители состоятельных слоев, а это означало, что Пранд уже заручился семью голосами против четырех, отданных за Бибула. Ни один из представителей первых одиннадцати центурий не объявил, что отдает голос за Цезаря. Эдил стоял, изо всех сил пытаясь скрыть разочарование и все сильнее ощущая жар уже не на шутку пригревающего солнца.

Он всегда сознавал, что сложнее всего завоевать голоса свободных граждан, и все-таки пережить реальность отданных другим предпочтений было очень нелегко. И действующие консулы, и кандидаты стояли тут же, неподалеку, торжественной группой, однако Помпей даже и не пытался скрыть оживление; протягивая рабу чашу, чтобы тот наполнил ее прохладным питьем, он весело болтал даже с ничтожным прислужкой.

Цезарь изо всех сил старался сохранить спокойное, безразличное выражение. Даже несмотря на все его старания и приготовления, первые результаты могли отрицательно повлиять на те сотни, которым предстояло выбирать позже, и в результате распределения голосов он сам вполне мог оказаться за бортом политического корабля. Впервые после возвращения в Рим молодой аристократ спросил себя, что же все-таки он собирается делать дальше в случае провала.

Остаться в городе, руководство которым отойдет к Бибулу и Пранду, невозможно – при таком раскладе места для него не будет. Если Светоний и не придумает, как расправиться с противником, то уж Помпей точно найдет надежный способ. Чтобы пережить год вражеского правления, ему придется выпрашивать пост претора на какой-нибудь захудалой окраине римской державы. Юлий слушал, как объявляли голоса, и непроизвольно качал головой: в мыслях рисовались все более и более мрачные картины. Сторонники Пранда и Бибула шумно ликovali при каждом положительном результате, и Цезарю приходилось через силу выдавливать из себя улыбку и поздравлять соперников с успехом. Вынести столь продолжительное лицемерие было очень нелегко.

Спокойствие пришло в тот момент, когда эдил нашел в себе силы признать, что исправить положение он не может, а потому должен попросту смириться. Для голосования граждане Рима заходили в небольшие деревянные кабины, где и помечали таблички. Класть табличку в корзину полагалось лицевой стороной вниз, чтобы никто не смог увидеть результаты голосования. В процессе голосования не могло произойти никаких подтасовок и махинаций. Не помогли бы ни взятки, ни хитрые уловки: ведь римляне по одному заходили в кабину и дважды продавливали пальцем воск напротив фамилии того кандидата, которого считали достойным. Но даже в таких условиях собравшаяся вокруг толпа слышала объявленные результаты. А это означало, что совсем скоро люди начнут голосовать по примеру тех, кто уже сделал выбор. Нередко бывало и так, что, если большинство голосов набиралось достаточно быстро, беднейшие слои населения просто лишались возможности высказать собственное мнение: людей отправляли по домам. Оставалось лишь просить заступничества богов, чтобы этого не случилось сегодня.

– ...Цезарь! – вдруг выкрикнул магистрат, и Юлий невольно поднял голову, настороженно прислушиваясь.

Сейчас в кабины заходили последние представители зажиточных слоев, так что ему достался голос из самых дальних рядов. Подошла очередь граждан, обладающих не столь обширной собственностью и более скромными средствами. Юлий улыбался, но в душе все равно царило волнение, хотя он и старался это скрыть. Его электорат состоял из бедных людей – тех, кто видел в эдилье одного из себе подобных, человека, трудом и доблестью добившегося высокого положения. И все же без определенной поддержки богачей сторонники не смогут даже получить возможность отдать свой голос. Результаты второй группы оказались более ровными, и теперь уже Цезарь чувствовал себя увереннее: его положение заметно окрепло. Сейчас Пранд имел семнадцать голосов, Бибул – четырнадцать, а за Юлия было отдано пять, и это вселяло немалую надежду. Утешало и то, что переживания одолевали не только его. Отец Светония от напряжения даже побледнел, и Юлий понял, то Пранд стремится к консульской должности так же отчаянно, как и он сам. Бибул тоже нервничал, он то и дело бросал умоляющий взгляд на Светония, словно друг мог чем-то ему помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.